

АКУЛИНА
БУКОВА

АКУЛИНА

СНОВИДЕНИЕ-2

АКУЛИНА

СНОВИДЕНИЕ-2

«Повернуть время вспять...»

Акулина

Сновидение-2: Повернуть время вспять / Акулина – akulinabook.ru, 2020

Жанна была вполне довольна своей настоящей жизнью – но только, пока один из странных снов не изменил её мир. И теперь ей предстоит выбор: забыть этот сон или с головой окунуться в неизбежное, которое она не звала.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	46
Глава 6	51
Глава 7	61
Глава 8	71
Глава 9	80
Глава 10	90
Глава 11	100
Глава 12	109

Акулина

СНОВИДЕНИЕ-2

Повернуть время вспять...

Глава 1

«И я проснусь, и буду там, где сны мои – предвестник счастья, покажут, что ушло ненастье, и в мире я, что выбрал сам», – остановила Жанна взгляд на нескольких строчках. Стихотворение задело её, но ничем не помогло. Она положила брошюру, полученную на улице от случайного прохожего, на стол, а потом вдруг снова схватила её и порвала! Ей хотелось бы, чтобы сейчас перед ней был камин – тогда она могла бы выбросить мятые листы в топку! Но теперь у неё не было ничего – ни дома с камином, ни подруги, ни любимого, ни денег...

Конечно, в этом настоящем мире, куда она поначалу так стремилась, у неё оставалась квартира и немного финансов. А теперь были ещё и воспоминания о том, что в прошлом у неё на самом деле существовала вполне реальная семья, хоть она и не знала, какой та была.

«Вот в таких случаях надо использовать зелье беспамятства! – подумала она с горечью. – Не чтобы у любящих память отнимать, а чтобы те, кто всё потерял, смог об этом забыть и не подозревать о своей неудаче...».

Перед ней на столе стояли часы – пара одинаковых старинных экземпляров. Она уже давно не слышала их звук – они совсем перестали звенеть и понапрасну будить её. А ей сейчас так этого бы хотелось!

Не отказалась бы она и от чьего-нибудь совета. Теперь, когда так неожиданно для самой себя она вернулась домой, а точнее, когда внезапно она лишилась обретённого дома, где всё было обустроено и были финансовые запасы, она не знала, как поступить.

Самым простым и лёгким способом существования дальше было одно: продолжать жить в этом мире, как всегда, – не вспоминая ни о каких других мирах, ни о каких фантазийных людях и мифических родственниках; ходить на работу, когда-нибудь встретить свою любовь, выйти замуж. «Проблема лишь в том, что я уже нашла свою любовь, и она – не в этом мире...», – мрачно подвела Жанна итог.

Из когда-то отложенных денег большую часть пришлось отдать за накопившиеся долги за квартиру. Их было немало – оказалось, что пока она жила в *другом* мире, время в *этом* двигалось точно также, и, значит, она пропустила почти полгода этой жизни.

За это время её благополучно и без лишних вопросов уволили с работы – в первую же неделю прогулов; и всё, что она сейчас смогла, – это, конечно, не объяснить, где так долго и без предупреждения пропадала, а прийти и забрать трудовые документы и неполученный ранее расчёт.

Денег от этого у неё немного прибавилось, но и проблем – тоже: настырная Маринка никак не хотела отставать, желая узнать, что же такого распрекрасного могло случиться с коллегой, раз та столь беспечно плюнула на работу. Теперь она названивала чуть ли не каждый день, приглашая то на прогулку, то в ночной клуб в надежде, что у вернувшейся заблудшей знакомой появилось много денег или нужные знакомства.

У Жанны же для прогулок не было никакого настроения, и она стойко отказывалась от Маринкиных приглашений, с нескончаемой тоской теперь вспоминая беседы с Мари и жалея, что так мало удалось с ней пообщаться.

Вспоминала она и Жана. И все мысли, поначалу страшные, когда она думала о тех словах, что случайно услышала в его доме в тот последний день, спустя некоторое время улеглись. Ей несложно было убедить себя в том, что она что-то неправильно поняла или неверно услышала, тем более что определить, точно ли она в тот момент уже не спала, она не могла. В любом случае ей приятнее было думать, что Жан был ей другом, к тому же, очевидно, он был и единственным её родственником, и даже мысленно терять его ей не хотелось.

И всё же сильнее, чем все эти страхи и сомнения, была мечта вновь увидеть серые глаза Аллена и услышать его голос! Странная мечта для человека, который никогда раньше не любил...

Резкий звонок заставил её вздрогнуть. Но это был не долгожданный голос будильника: кто-то стоял за дверью.

Жанна подошла и посмотрела в глазок. Чуть подумав, она нехотя открыла дверь, чтобы впустить незваную гостью.

– Вот решила заглянуть. Наверное, скучаешь тут... – Маринка, разуваясь, пытливо осматривала прихожую, стремясь найти признаки нахлынувшего богатства или присутствия в доме мужчины. Но прихожая была обычной и не выдавала никаких тайн, если они и были.

– Я тебе так рада, – скучно, по привычке ответила Жанна, пропуская её на кухню.

Кухня тоже была слишком простой для того, кто мог получить состояние.

– Так как у тебя дела? – решила тут же расставить все точки Марина.

– Как обычно, только работы нет, – пожала она плечами.

– Да, с работой сейчас тяжело, – ответила бывшая коллега и тут же пошутила, – а без работы ещё хуже!

– Это точно. Мне бы сейчас дополнительные деньги не помешали.

– Значит, у тебя нет... как это... запасов финансовых? – Маринка поскорее отхлебнула чаю, чтобы не встречаться с Жанной взглядом.

– К сожалению...

– Зачем тогда работу прогуливала? Сидела бы спокойно в офисе...

– Пришлось – обстоятельства резко заставили и...

По заскучавшему взгляду бывшей подруги Жанна поняла, что можно уже ничего и не придумывать.

– Может, ещё чаю? – вежливо спросила она, видя, что пауза затянулась.

Та спешно взглянула на часы.

– Так много?! Уже опаздываю... ещё на одну встречу. Увидимся в следующий раз, хорошо?

– Вечером? – вдруг спросила Жанна, проглотив улыбку. Заметив в ответ непонимающий взгляд, она серьёзно добавила, – ты вечером в ночной клуб звала.

– О, это!.. – Марина, стараясь не особо торопиться, надевала ботинки. – Сегодня уже не получится, я сама никуда не иду, дела важные появились...

– Жаль... – она всё ещё сдерживалась, чтобы не усмехнуться. – Но если что, ты...

– Конечно! – поспешно ответила та. – Обязательно тебя позову!

Жанна кивнула. Она уже поняла, что слышит голос бывшей коллеги в последний раз, когда та вдруг обернулась.

– Может, тебе сказать, если у нас случайно место появится? Тебе ведь работа нужна...

Она мельком взглянула на Жанну и уперлась взором в пол. Видимо, это был последний писк жалости.

– Спасибо! – кивнула та.

Дверь закрылась.

Жанна слушала, как затихают удаляющиеся шаги. Потом устало присела на пол и прислонилась к стене спиной.

На её мрачном лице уже не было и намёка на улыбку. В голове восстали прежние мысли: ни денег, ни работы, ни дома, ни друзей... Про Аллена она старалась не вспоминать – и так проблем полна кадушка! Но всё равно перед глазами снова и снова появлялось его лицо, как горький упрёк в том, что она ничего не умеет – ни защитить любимого, ни переместиться, куда ей нужно.

«Он меня не помнит... И для него теперь это даже лучше, ведь я всё равно не могу добраться до его мира...», – подумала она с горечью и тоже зачем-то оглядела прихожую, которую так пристально осматривала Маринка.

По счастью, за прошедшие полгода никто чужой не забрался в квартиру и ничего не стянул, так что здесь продолжало висеть несколько тёплых верхних вещей. Был уже поздний месяц осени и скоро должна была начаться зима, так что они ей очень были нужны! Сюда же можно было бы повесить и ту лёгкую накидку, в которой она проснулась, держа в руках найденные часы... Но её и остальную одежду, в которой Жанна провела свой последний день в *том* мире, она хранила отдельно. Ей было важно, чтобы эти вещи не затерялись – только они могли доказать ей, что всё, что она помнит и о чём теперь мечтает, действительно происходило с ней. Даже носить их она не собиралась, чтобы не потрепать раньше времени – раньше того момента, когда она сможет вернуться в *тот* мир. «Если я смогу вернуться...», – поправила она саму себя и поднялась с пола.

Сейчас ей было невыносимо жаль, что она так много времени в том мире упустила зря. Конечно, она читала книги, но ей самой тогда всё это казалось бессмысленным, и особо она всё же ничего не выискивала. Ей казалось, что, как в каком-то сне, всё решится само – умный и добрый Жан когда-нибудь сжалится и расскажет, как можно передвигаться из одного мира в другой, или кто-нибудь ещё найдётся, кто объяснит, как открывать двери... Тогда ей и в голову прийти не могло, что придётся остаться со своей проблемой наедине, как сейчас.

А сама она не могла ничего. Всё, что удалось ей придумать, – это каждый раз, ложась спать, снова и снова сжимать в руках старинный будильник. Но это не помогало. Конечно, она прекрасно понимала, почему – часы не являлись проводником и не были даже знаком для открытия дверей. Они просто были заколдованы кем-то, возможно, бабкой Гвендой, а может, и самой прабабкой Розой Норием. Своим голосом они соединялись друг с другом и связывали оба мира, открывая между собой некий коридор – помещение с проводником, – чтобы их владелец мог спокойно находиться в одном мире, не опасаясь, что не найдёт входа обратно во второй. Но сами по себе они не могли открывать ничего, не могли даже просто указать путь к двери!.. Сейчас они спокойно стояли рядом со своими двойняшками и знали, что раз все они, все часы, здесь, в одном и том же месте, значит, и хозяин тоже *здесь*, и потому следить за временем перехода не нужно. И всё равно, каждый раз, ложась

спать, Жанна снова с надеждой брала их в руки, чтобы утром проснуться и убедиться, что это опять не подействовало!..

Она присела на кухне и уставилась на недопитый Маринкин чай.

«*Может, тебе сказать, если у нас случайно место появится?...*», – вновь прозвучали в голове её слова. Жанна прекрасно поняла этот немного виноватый тон: мол, мне жаль, что у тебя такие дела, но ничем помочь не могу. А если б могла, то, конечно...

«Да и что толку, если и появится там место? На прошлой работе... – вновь подумала она. – Я не могу на неё вернуться. Коллеги станут смотреть на меня, как на ненормальную, чудную, а начальство, если и примет обратно, что вряд ли, будет считать ненадёжной, ведь если я один раз их так бросила, то и второй могу... Да и всё равно мне это не поможет! Нет, помогло бы, если бы я...».

Она постаралась замолчать собственные мысли, но это не удалось – через мгновение внутренний монолог снова продолжился, и она мысленно произнесла ту фразу, которая её пугала и которую она не хотела бы думать:

«... если бы я осталась в *этом* мире навсегда; тогда мне нужна была бы любая работа. Но если я хочу найти вход обратно – а я *хочу!* – резко добавила она сама себе, – то мне понадобится время на его поиски. Если я целый день, всю неделю буду находиться на работе, то больше ничего не смогу отыскать; значит, мне её не надо. А вот деньги мне нужны...».

Размышляя, ещё немного она посидела на кухне, а после перешла в гостиную. Туда же она перенесла с балкона несколько коробок, доставшихся ей от когда-то совсем неизвестной бабки, той, которую, – она теперь точно знала, – звали не Галина, а Гвенда. Всё потому, что и жила она поначалу в другом мире... том самом, куда теперь так стремилась сама Жанна.

Разрезав сверху скотч, она открыла крышки и присела рядом. Внутри лежали вещи, которые когда-то держали в руках её родственники, её настоящая, кровная родня.

Когда Жанна получила эту квартиру, коробки уже были здесь – стояли в этой самой комнате. Тогда, заглянув внутрь и поняв, что там мало чего современного, она даже не стала их рассматривать и отнесла на балкон. И вспомнила, только когда устроила большую уборку – тогда, по ошибке открыв одну из коробок, она и обратила внимание на часы, которые начали отчёт её новой жизни...

А ещё несколько лет назад у неё не было ни этих вещей, ни самой этой квартиры, – когда она ещё жила с родителями.

С самого детства она прекрасно знала, что они были приёмными – они забрали её из детдома, когда ей было почти пять лет, и никогда не старались сделать так, чтобы она забыла, откуда пришла. Наоборот, казалось, что они хотели именно этого – чтобы она никогда этого не забывала! Но она всё равно была им благодарна – у неё была жизнь в настоящей квартире, в отдельной комнате; правда, без братьев или сестричек... У неё было много игрушек и вкусная еда. И она никогда не могла пожаловаться на одиночество – после работы родители всегда были дома, в дневное время в школе её оставляли сначала на продлёнку, потом – в различных секциях... Она никому не могла бы пожаловаться на одиночество! Но само его ощущение всё равно никогда не покидало её...

Как-то она попыталась спросить о своих родных – о *других*, тех, которые у неё должны были быть до того, как она попала в детдом. Тогда ей сказали, что у неё больше никого нет. Было ли это правдой? Теперь, немного имея представление о том, кем были её предки, Жанна понимала, что приёмные родители действительно отвечали то, что считали правдой. А тогда ей пришлось затаить свои вопросы и довольствоваться этим ответом, но она не переставала верить в то, что ей просто не хотят говорить...

Потом был тот день – её совершеннолетие. Она выросла – резко и бесповоротно.

Родители были очень рады. Ещё бы! – красивая умная девушка, чьё обучение в университете они уже полностью оплатили, хотя оно ещё длилось, вступила во взрослую жизнь. Но причин для радости у них, видимо, было ещё больше: с чувством выполненного долга они подготовили документы и вручили Жанне ключи от неизвестной ей квартиры – от этой квартиры, сообщив, что это – наследство, доставшееся ей от какой-то бабушки Галины, которую она просто не помнит. И напоследок уверили в том, что *она* в них больше не нуждается.

С тех пор она их не видела.

Они пропали как-то просто и быстро, как по волшебству. Дни летели, она ходила в университет, гуляла с подружками, а, приходя домой, пыталась дозвониться... Иногда это удавалось. Но скучные вопросы и ответы недолгих разговоров вскоре показали, что бывшей родне на самом деле нет до неё никакого дела.

Больше она их не набирала, поняв, что осталась одна. И то, что с тех пор они сами ни разу ей не позвонили, это подтвердило.

Последние четыре года, проведённые в одиночестве в этой двухкомнатной квартире, показали ей, что одному быть действительно грустно, особенно, если не умеешь веселиться и расслабляться. Потому, когда после окончания учёбы она устроилась на работу, зарплата у неё стала утекать на постоянные вечеринки, кафешки и ночные гуляния с подругами. Правда, как поняла она после посещения другого мира, в *этом* подруг-то у неё никогда и не было. По крайней мере, сейчас ей казалось, что на эту роль лучше всего подходила Мари – а таких отзывчивых и понятливых людей в своём настоящем мире она вокруг себя не видела. Или просто не замечала...

И вот, наконец, спустя столько времени она добралась до этих коробок, которые простояли здесь несколько лет, не привлекая к себе никакого внимания. Медленно и осторожно, весьма ценя теперь все вещи, лежащие внутри, хоть она их ещё и не видела, Жанна выложила на пол всё, что было в самой большой коробке.

«Здесь можно было бы уместить бизона!», – ворчливо подумала она, когда поняла, что размер не оправдывал ожиданий: внутри оказалась только одежда. Само собой, она была совсем не новой, и, похоже, когда-то принадлежала бабке Гвенде. Цвета были мрачноваты, в основном излюбленного Жанной, только когда она не высыпалась, серого скучного оттенка. Не было даже ничего, за что мог бы зацепиться взгляд – красивая пуговка, брошка... Она немного потрянула серый болоньевый плащ, и поняла, что всё это ещё и такое пыльное, будто оно вобрало в себя пыль задолго до того, как попало в картонный бокс! Разочарованно сдвинув одежду в сторону, она обратилась к другой коробке.

Внутри лежали тетради, пачка листов и фотоальбом. Открыв поначалу альбом с фотографиями, она тут же закрыла его – она помнила, что там хранились снимки бабки Гвенды и прабабки Розы Норие, а ей сейчас нужна была помощь – нужен был какой-нибудь предмет, способный заменить собой переставший работать будильник, или хотя бы подсказка, и она отложила альбом, и взяла в руки пачку листов. И не поверила глазам: это были детские рисунки.

«Это – моё?», – удивлённо пролепетала она одними губами, боясь даже прикоснуться к ним. Она никогда не рисовала *так*, она не помнила таких рисунков! В детстве, у приёмных родителей, она любила нарисовать коричневое поле и поставить на нём одно дерево. Коричневый цвет уходил у неё очень быстро, и больше ничего иного рисовать она не умела. А здесь!.. Перед ней лежали листы, сплошь залитые цветными волнистыми линиями, как будто радуга взорвалась и упала в море!.. Эти линии так зачаровали её, она

так долго всматривалась в них, что ей стало даже казаться, будто они шевелятся. Она переворачивала листок за листом и всё никак не могла поверить... А потом заметила её!.. – на бумаге коряво, по-детски была нарисована фигура. И Жанна могла бы поклясться, что уже видела её – и не так давно! Это была фигура девочки с золотыми кудрями, в руках которой было что-то огненное. «Ну и дракон... А художник-то с меня никакой!», – усмехнулась она. Оригинал этой девочки сейчас сидел на каминной полке в её гостиной, прислонённый к одному из светильников-двойников, сделанных в виде цветов-колокольчиков. «А может, я оставила её в спальне?..», – едва шевеля губами, прошептала она, не удержавшись и закрыв глаза: перед ней снова стоял *её дом*. В мыслях можно было пройти по нему, заглянуть на кухню, в столовую... Нагнуться к камину и поворошить угли... Это было даже странно – летом было тепло, но Жанна всё равно иногда разжигала камин: ей нравилось, как горит огонь, и она часами могла сидеть возле него, следя за языками пламени... А сейчас зажечь было нечего.

Она открыла глаза. Перед ней была кипа изрисованных листов, и такими радужными, как пару минут назад, они ей уже не казались. Аккуратно сложив их обратно, она быстро пролистнула одну из тетрадей, уверенная, что и внутри что-нибудь такое же... Но это оказалось не так: там были слова – написанные ребёнком, корявым почерком, так, что даже не всё можно было понять. А в некоторых местах слова были поправлены твёрдой чужой рукой, и кое-что всё же можно было прочесть.

«Ромашка – для красоты, сок лилии – для верности... Розмарин успокоит, а раkitник защитит...», – зачитала она. Видимо, это были пометки Гвенды. Может быть, та всё же пыталась её чему-то научить?.. А потом перешла с ней в этот мир...

«... и оставила здесь...», – горько закончила Жанна свою мысль.

Ей стало обидно. Она ничего не помнила из прошлой жизни и точно теперь знала только одно – если бы её не переправили в этот мир, она *могла бы* жить в своём доме. Но её от этого избавили.

Она отложила тетради на стол и взялась за последние коробки. В них были собраны разные предметы, и, хоть она не помнила наверняка, но подозревала, что тут же и могла в прошлый раз найти старинный будильник, потому хранящимся здесь предметам уделила наибольшее внимание. Немалое время она подержала в руках каждый из них, повертела в поисках какой-нибудь зацепки и даже попыталась тут же лечь спать, обложившись сразу ими всеми. Но ленивый дневной сон идти к ней не хотел, и пришлось оставить эксперимент на вечер.

Пара вещей ей весьма приглянулась – компас и ручка. Ручка казалась необыкновенной, была тёмно-коричневой, глянцевой и очень гладкой. Жанна даже не смогла понять, что это за материал – для полированного дерева, покрытого лаком, он казался слишком твёрдым; внешне напоминал керамику, но когда, рассматривая, она неуклюже выронила её, та не разбилась.

Ей всё ещё можно было писать, но непонятно было, каким образом внутри пополняются чернила, – предмет выглядел полностью слитым, без намёка на какую-то защёлку, кроме единственного отверстия, откуда блестело металлическое жало пера, закрытое небольшим колпачком.

Ручку было очень удобно держать – в этом Жанна убедилась сразу же. Правда, это были лишь физические ощущения – внутри же при этом стало не очень приятно, будто она взяла чужую вещь, а не то, что должно принадлежать ей. А ей бы хотелось иметь такую! Она была красива! На верхушке весьма живописно расположилась голова дракона, с одного боку до мельчайших деталей была прорезана шкура, будто сам дракон держит всю эту ручку, и заканчивалась она внизу, у пера, хвостом, который отделялся от этой

плоскости и, выходя за общие пределы предмета, весьма изящно заворачивался полукругом. «Наверное, это чтобы её ставить!», – догадалась Жанна, но использовать хвост по этому назначению не получилось – вероятно, нужна была и особая подставка, но ничего похожего на неё в коробках не нашлось.

Конечно, сразу ясно было то, что эта ручка попала сюда вместе с бабкой Гвендой из *того* мира. Здесь такая стоила бы очень дорого. Редкая, ручная работа...

«Можно будет продать подороже, если очень понадобятся деньги...», – бережно держа её на ладони, подумала Жанна, но весьма нерешительно: если несколько лет назад она очень бы порадовалась такой находке и этой мысли, то теперь ей стало грустно – она и сама хотела бы быть единственной обладательницей такой ручки; писать ею, сидя за столом в своём кабинете или в гостиной, у камина...

Отогнав ностальгические мысли о доме, она положила ручку к сложенным на столе тетрадам и взяла в руки другой предмет – компас. Присев на стул, она даже закрыла глаза – ей вдруг показалось, что и он мог бы... ожить: стучать маленьким сердечком, как тикающие часы, дышать, двигаться... Но ничего не происходило: компас был – просто компас. Немного пыльный и очень красивый, похожий на морской – тёплого коричневого оттенка, как горячий морской песок в вечерний час.

«Наверняка, принадлежал моему дедушке...», – подумала она и со внезапной нежностью протёрла ладонью стекло корпуса. Внутри дрожали стрелки – золотая и синяя. Она потёрла его ещё раз, думая, что ей почудилось, но золотой не стал красным, и она вдруг усмехнулась – ей самой компас с этими цветами показался ещё приятнее, чем обычный. Ещё немного она подержала его в руках, будто согревая или, может, наоборот, – грея *свои* руки, и спрятала в ящик стола.

Больше в коробках рассматривать было нечего, но возвращать их на балкон она передумала: эти вещи словно стали ей ближе, роднее; не хотелось, чтобы они снова в одиночестве покоились в забытом углу, – они ведь были *оттуда*. Они словно придавали ей какой-то уверенности в своих силах, будто дарили поддержку неведомой родни, и она решила оставить их в комнате.

Закрыв крышки, она поставила коробки друг на друга, а найденную одежду отнесла в ванную. Стирать её было ни к чему, но вытряхнуть её она хотела. И не зря! – пыли было столько, что она успела пожалеть, что не вышла с ними на балкон, не желая, чтобы соседи увидели её с такими старыми вещами! Она чихала и кашляла, но не остановилась, пока не вытряхнула всё, что смогла, одновременно укоряя себя за лень и нежелание это всё постирать.

На пол выпал небольшой листок. Подняв его и собрав одежду, она поскорее вышла из ванной и, скинув всё обратно в коробку, уставилась на бумажку в руке. Это была фотография: у неизвестного дома на скамейке сидела старушка, к ней прижалась маленькая смеющаяся девочка. В глазах Гвенды было столько нежности, столько тепла... что Жанна вдруг заплакала, понимая, кем был тот человек, к кому это столько любви... Сейчас она очень завидовала этой маленькой беззаботной девчужке, которую любили и которая знала всё, что ей нужно было знать!.. На обороте было всего два слова: «Для Жанны», – тем же почерком, которым были поправлены некоторые слова в тетрадках.

Успокоившись, она бережно положила фотографию туда, где уже лежал компас, и ещё раз огляделась. Теперь комната показалась ей гораздо дороже, чем утром – здесь появились вещи из её новой жизни; и здесь были вещи её бабушки, которая любила её...

Когда наступил вечер, она снова обратилась к отложенным предметам. Улегшись в кровать, она разложила их вокруг себя на постели и, крепко сжав в руках компас, вскоре заснула...

Ей снова снился город. Улица.

«Центральная?.. Или нет?», – растерянно подумала она, осматриваясь. В глазах был как будто туман. Ей казалось, что она то узнаёт улицу, то нет... Попеременно оглядываясь и ища глазами прохожих, у которых можно было бы спросить, она продолжала идти вперёд, но рядом пока никого не было.

Потом появилось что-то, похожее на знакомое здание – то, где когда-то была заветная дверь. Но сейчас ни двери, ни вывески не было.

«А где-то же она должна быть...», – подумала она и вслух произнесла:

– Иначе зачем здесь здание?

– Простите?..

Перед ней остановился мужчина. Он смотрел так любопытно, что она тоже уставилась в ответ, но говорить что-либо не торопилась. Всё же осмотр незнакомца её удовлетворил, и она произнесла, кивая в сторону дома:

– Говорю, иногда здесь дверь бывает. А сейчас нет. Зачем нужно здание без двери?

Мужчина с интересом обернулся.

– Действительно, нет двери. А вам очень надо? Вот же – много других домов, и у них есть двери.

Жанна несколько растерянно пожала плечами, будто ей самой это не приходило в голову, и оглянулась. И похолодела! – вокруг действительно было много зданий. Но – ни одной двери!

Она резко посмотрела на собеседника, испугавшись, что в этом странном сне он на неё нападёт. Но он только сказал ещё:

– А если нужен вход в конкретное здание, так, может, стоит поискать с другой стороны, в другом месте?..

От недоумения она открыла рот, но незнакомец внезапно исчез. И она тут же проснулась.

За шторами пробивалось солнце. У кровати стояла пара одинаковых часов. Тик-так, тик-так... В руках дрожал компас.

Глава 2

Больше всего Жанну теперь беспокоило, что деньги, а их и так было немного, таяли слишком быстро. Оставалось надеяться, что удастся найти хоть какую-то подработку! Конечно, можно было бы попросить помощи у приёмных родителей, но она не представляла, как сможет объяснить им, почему не работала столько месяцев, где пропадала. Они не поняли бы её, да и не зря ведь уже так чётко объяснили, что не желают иметь с ней ничего общего!.. Потому, снова оставив этот вариант на крайний случай, она отправилась в ближайший киоск у дороги.

На неделе она успела просмотреть несколько выпусков газет, но ничего подходящего не нашлось – вся предложенная работа была на полный день, а она хотела искать вход в потерянный ею мир, и потому нужно было больше свободного времени.

Свежая газета оказалась тонкой, вакансий было не так много, как хотелось бы, и, не отходя далеко от киоска, Жанна присела на скамейку у автобусной остановки и сразу вчиталась в содержание. Скучно пробежав по нему глазами и вспомнив, что по названию

вакансии условия всё равно не определить, она открыла первую страницу. Терпеливо просматривала она все объявления в поисках того самого, в котором можно было бы найти лазейку и предложить работодателю услуги на половину рабочей недели, но ничего подходящего не было.

«Детский мини-садик, воспитатель, домработница...», – вздохнув, дочитала она последнюю рубрику. «Можно было бы попробовать... Но няне – и той требуется высшее образование по профилю... А менеджеры – только на полный день!», – с досадой подумала она, не понимая теперь, как её угораздило получить такую специальность, по которой ей и работать-то неинтересно. «Мы платим, так что учись и будь благодарна...», – снова услышала она в своей голове слова матери. Конечно, в те времена Жанна всё равно не смогла бы сама придумать, кем бы хотела стать, так о чём ей было спорить? Да и как она могла бы спорить, если благодетели и так забрали её из детдома?.. За это она всегда старалась быть послушной, чтобы не приносить неразберихи и проблем, и этот случай не был исключением.

«А стоило ли мне позволять *другим* управлять моей судьбой?.. Или, может, нужно было решать самой, выбирать самой, разбираться самой с тем, что мне важно и интересно?», – укоряла она себя, шагая по дороге совсем не в сторону дома: пока природа была ещё не такой холодной, как умела быть в иные месяцы, хотелось прогуляться, чтобы подумать на свежем воздухе. Да и новая, не особо неприятная мысль тоже засела в её голове – что одна в квартире она всё равно выхода не найдёт, а вот среди людей – был шанс... По крайней мере, в это хотелось верить! «Не зря же я и во сне ходила по улицам! – убедила она себя. – Вдруг найдётся новая дверь, вдруг найдётся *тот* магазин в другом месте?..».

– Деточка, купи семечек! – услышала она старый голос.

По привычке она послушно подошла, но вовремя вспомнила, что с деньгами у неё туго. А старушка уже насыпала чёрный кулёчек больших, аппетитных и, кажется, ещё тёплых семечек. Её руки немного дрожали – от опускающегося холода или от нетерпения: на улице вечерело, и найти покупателя на опустевшей дороге было непросто.

– Простите! – со вздохом развела руками Жанна, собираясь уйти.

– Не любишь семечки? У меня вкусные... – старушка торопливо нагнула краешек бумажного пакета и потрясла. От семечек оторвался вкусный запах. Они действительно были ещё горячими, будто их только что поджарили.

– Простите... – снова повторила она, не зная, что ответить.

«Нелепо будет, если скажу, что нет денег, – одета, ухожена, в руках газета...», – подумала она и произнесла:

– А сколько?

– Пятьдесят.

«Ой... На них можно купить хлеб. И мне эти пятьдесят рублей больше никто не даст, если я не найду работу...».

– Ох, и зима скоро придёт, холодает нынче быстро! – потирая руки, сказала старушка, выжидательно глядя на неё. – Стою тут, стою, деточка, никого нет... Вот, думаю уже, придётся идти домой, ничего не продав. А тут ты... А теперь и хлебушка куплю.

Жанна сглотнула и полезла в карман, где лежала бумажка в пятьдесят и несколько монет, оставшихся с покупки газеты.

– Держите, – протянула она купюру. – А семечек можно поменьше... – добавила она, неловко потряхнув полученный кулёк и отсыпав половину обратно старушке.

Отойдя на несколько шагов, она вдруг вернулась.

– И вот, возьмите, – вам ещё пригодится, а я уже посмотрела. Это чистая, свежая... – протянула она прочитанную газету и торопливо пошла дальше, сжимая в руках кулёк. Он уже начал остывать, но пока что ей казалось, что он немного греет её расстроенную душу.

Возвратившись домой, она положила его на кухонный стол и улеглась в кровать; свернулась калачиком и закрыла глаза. Пара слезинок появилась в уголках глаз и очень медленно скатилась на подушку. В руках с надеждой снова был зажат компас... Но опять он ничем не помог! – сна своего Жанна не запомнила и, открыв утром глаза, поняла, что наступил новый день, а проблем так и не убавилось!

Лениво сидя в кухне за чашкой остывшего чая, который она всё никак не могла допить, она протянула руку к чёрной горсти, высыпавшейся из бумажного кулёка.

Медленно пальцами она чистила семечки, пока рядом не образовалась горка шелухи, а в руках не остался пустой бумажный кулёк. Повертев его, она поставила его на стол вверх тормашками и, как ребёнок, представила, что это чья-то шапка. После снова повертела в руках, пытаясь представить, чем ещё это могло бы быть, потом развернула и разгладила рукой. Она помнила, что из листа бумаги можно сделать и корабль, и самолёт – те небольшие игрушки, которыми в детстве они с ребятами во дворе любили баловаться, и теперь хотела вспомнить, как это делается. Правда, ей не удалось: как она ни вертела лист в руках, корабля с него не получалось – как оказалось, слишком давно это было...

«Требуется...», – вдруг увидела она печатное слово. Она резко развернула лист и всмотрелась в текст.

Это была вакансия библиотекаря. «Ответственный, пунктуальный... грамотная речь...», – зачитала она.

По счастью, номер телефона сохранился, а вот адреса не было. Как, впрочем, и условий работы, оплаты и графика. Лист бумаги был весь в жёлтых пятнах, и было непонятно, от какой даты объявление.

«Может, даже прошлогоднее...», – подумала она, сжимая его в руке.

Впрочем, решение пришло быстро – в последние месяцы она приучила себя к мысли, что ничто не происходит просто так, поэтому, раз этот текст попал ей в руки, надо было действовать! «По крайней мере, за звонок с меня денег не возьмут, – подумала она, набирая номер. – А если и станет стыдно, то по телефону этого никто и не заметит!...».

Ответа в трубке не было, и в первые секунды она даже обрадовалась – она и попыталась использовать шанс, и ни перед кем ей не стало стыдно... Тут гудки резко прекратились, и с замиранием сердца она услышала голос. Она поторопилась ответить:

– Здравствуйте! У вас вакансия была – библиотекарь требовался, нашли уже?

– Да давно нашли! – усмехнулся кто-то, и внутри неё сразу всё оборвалось.

– Извините, спасибо, – глухим голосом ответила она, собираясь уже положить трубку, как вдруг услышала:

– Хотя подождите...

На заднем фоне раздавались голоса.

– Если только на полставки... – обратились, наконец, к ней.

– Я согласна! – Жанна сама не ожидала, что так поспешно ответит.

Судя по голосу, на том конце провода удивились ещё больше.

– Тогда приезжайте, посмотрим на вас.

Она записала адрес и положила трубку.

«Вот повезло!», – восхитилась она. Действительно, казалось почти невероятным, что библиотека находилась недалеко – в нескольких остановках от её дома. Конечно, о существовании в этом районе каких-либо библиотек она никогда не слышала, но ведь она их и не искала?..

Она тут же собралась и вышла. Торопясь добраться, она даже села в автобус, хоть раньше и собиралась сэкономить – на случай, если работа не подойдёт... Впрочем, доехала она быстро, а вот найти саму библиотеку оказалось сложнее – долго она плутала среди жилых многоэтажек, пока, наконец, не обратила внимания на старое одноэтажное здание. Вывески на нём не было никакой – но так лишь виделось издалека. Когда она подошла ближе, оказалось, что вывеска всё-таки есть – небольшая и весьма обтрёпанная. «Видимо, за книгами сюда ходят только те, кто точно знает, что здесь библиотека», – подумала она и осторожно тронула давно не крашеную, когда-то зелёную дверь. Та протяжно заскрипела, как тот старый дом с дверью без петель, и у Жанны резко засосало под ложечкой. Но это было просто воспоминание.

Внутри горел свет, за старой партой сидела женщина-консьерж.

– За книжками? – весело хмыкнула она, не задавая вопрос, а, скорее, утверждая.

– Ну так... – дёрнула Жанна плечами, решив пройти мимо, но потом обернулась и уточнила, – меня на собеседование позвали, на библиотекаря... Это куда идти?

– Ох ты, новенькая! Вот-те на! – удивлённо всплеснула та руками. – А я уж думала, нового никого-то уж и не будет... Ну, вон туда пройди, – ткнула она рукой в сторону чистенькой деревянной двери. – Да не бойся, там все хорошие! Ишь, робкая какая...

Жанна молча проглотила её слова, подумав только: «Ну и местечко...», и прошла, куда указали, спиной ощущая, что её провожают взглядом.

Внутри в комнате стоял длинный стол-стойка для библиотекаря, несколько шкафов с книгами и пустые столы со стульями. Читателей здесь не было или, по крайней мере, так сейчас казалось.

Шкафы были старыми, книги, судя по переплётam, – тоже, а у столешниц кое-где не хватало лака, а то и целого уголка, будто попали они в эту комнату уже после какой-то другой своей долгой и весьма насыщенной жизни. Казалось, что библиотека здесь находится давно и что ремонта тут не было с самого её основания. Правда, видно было и то, что за ней очень ухаживают – вокруг было опрятно и чисто, хотя почти всё тут и было потрепано временем.

«Компьютеров нет...», – мысленно подытожила она, оглядываясь мельком, чтобы никто не заметил её оценивающего взгляда. Но на Жанну, как на нового и единственного посетителя, никто и не смотрел: мужчина за стойкой внимательно изучал папку с бумагами, которую ему показывала молодая девушка.

– Я по объявлению, – осмотревшись, громко произнесла Жанна, поняв, что время тянуть больше нечем. От волнения голос немного захрипел, будто она болела, и ей пришлось прокашляться, отчего она почувствовала ещё большее стеснение. Особенно, когда на неё, наконец, оторвавшись от бумаг, посмотрел мужчина.

Он был молодым, симпатичным, темноволосым, с немного неаккуратной стрижкой, которая, как ни странно, весьма шла ему.

– Вот ты какая... – прошёлся он по ней взглядом. – А мы гадали: придёт кто-нибудь, не придёт... Ты так быстро согласилась на работу, что никто и не поверил, что ты взаправду. Так ты действительно хочешь здесь работать?

Он немного качнул головой, будто желал оглянуться и показать взглядом эту комнату, но передумал. Жанна всё ещё была смущена, и его бровь немного дёрнулась – видно, решил, что сейчас, после его слов, новенькая точно поймёт всю нелепость собственного решения и теперь-то откажется. Но она кивнула.

– Ну вот! А ты говоришь! – облегченно выдохнул он, повернувшись к коллеге. – Новые люди приходят, чтобы поработать, а тебе что-то не нравится... Вот уйдёшь – и пожалеешь ещё!

– Мне ведь всё уже подписали, – недовольно заметила та.
– Да, но ты запомни – уйдёшь, а потом пожалеешь.
– Я поняла вас, поняла! – грубо перебила она, не желая снова слушать нравоучения. – Мне вот ей нужно показать, что где? – ткнула она пальцем в Жанну.

– Да, покажи, расскажи, что надо. А я скоро подойду, – кивнул он и повернулся к Жанне. – Вы не уйдёте? А то Женя вас сейчас переубедит, да и условия мы с вами ещё не обговорили. Зарплата, конечно, не очень большая, тем более, что вы на подработку, но коллектив у нас хороший... – снова демонстративно кинул он в сторону бывшей сотрудницы.

– Я вас дождусь, – пообещала Жанна.

– Я, кстати, Иван.

Он потряс её руки, стиснувшие ремень сумки, и вышел из комнаты.

– Ну, чего стоишь? Снимай пальто... Можешь вон на стол положить, – кивнула Женя, снова продолжая жевать резинку, с приходом Ивана спрятанную за щеку, и оценивающе следя за Жанной, медленно стаскивающей с себя верхнюю одежду.

– А вы давно здесь работаете? – робко спросила та.

– Несколько месяцев. И чего я вообще сюда припёрлась?! – Женя вдруг так громко прищёлкнула жвачкой, что Жанна с тревогой на неё посмотрела.

– А что, тут всё так плохо?

– О, подруга! А ты снаружи-то здание видела? – ехидно усмехнулась та. – Я даже друзьям не могу сказать, где работаю, – засмеют! И тебя засмеют, кстати...

«А у меня нет друзей!..», – гордо открыла было рот Жанна, но промолчала, вовремя поняв, что это и не повод для радости.

– А почему не ремонтируют?

– Сносить же собираются. Так что и ты тут отработаешь – недолго! – подвела Женя итог и даже засмеялась: такой он ей показался логичный да ладный.

– Через сколько?

– Да я откуда знаю?! Как снесут, будет ясно... Но ты мне зубы не заговаривай – давай, смотри, что тут где! У меня всё-таки последний рабочий день, так что завтра сама будешь разбираться, если сегодня что-то не поймёшь.

«Ох, какая ответственность! А если я не подойду для этой работы, если... если она мне не подойдёт, то уже я подведу этих людей, этого Ивана, и ту старушку, что на входе, и читателей... Вот эта Женя уйдёт, а мне тогда новому библиотекарю и передать будет нечего, потому что я сама сейчас вряд ли что пойму...», – испугалась Жанна и постаралась включить всю свою внимательность, чтобы запомнить то, что говорила Евгения. Та даже выдала ей листик, чтобы можно было сделать пометки, и она старательно записывала всё, что казалось ей важным.

Через какое-то время дверь открылась, и в комнату вошёл мальчик лет восьми. Подойдя к стойке, он протянул книгу.

Жанна оглянулась на Евгению, но та не замедлила ответить на её растерянный взгляд:

– Ты ведь теперь библиотекарь, так что давай, принимай первого посетителя!

«Надо сказать, объясняет она отлично!», – отметила про себя Жанна: та действительно очень внимательно следила за её действиями и помогала найти всё, что было нужно.

– Так, вижу – эту ты принёс, а на руках у тебя осталась ещё одна книга, да? – прочитала она в карточке мальчика.

– Да, я ещё читаю, – ответил он, нетерпеливо осматриваясь.

– Ну всё, записала, можешь идти, – отпустила его Жанна, и он быстро выскочил в коридор. Она слышала, как, уходя, он громко попрощался с консьержкой, а та продолжала что-то говорить ему вслед, когда и дверь за ним уже хлопнула.

«Местечко...», – снова мысленно подвела она итог, а вслух спросила:

– Так ты уходишь, потому что тебе здесь не нравится?

– А тебе – нравится? – от удивления широко распахнув глаза, уставилась на неё Женя.

– Мне деньги нужны, – честно сказала она, и Женя сразу её поняла.

– Да, подруга, кому они не нужны?

Тут ответа не требовалось, и бывший библиотекарь решительно направилась к двери.

– А?.. – не успела придумать нового вопроса Жанна, но та махнула ей рукой:

– Ты теперь сама всё тут знаешь, вон – даже читателя обслужила!.. Так что стой пока, привыкай, а я пойду расчёт получу.

Жанна закрыла рот. Деревянная дверь хлопнула, и она снова осталась одна.

«Как будто я дома...», – отметила она с тоской, вспомнив, что давно уже не видела людей – так, как когда-то раньше, на прежней работе: когда сидишь в офисе, а рядом ещё человек десять, и целый день – вперемешку то с незнакомыми людьми по телефону говоришь, то с коллегами, то опять с незнакомыми, то снова с коллегами...

Вздыхнув, она присела на стул. Он был деревянный, сделанный под старину.

«Какой *под старину*!.. – осадилась она себя. – Это просто *старый* стул. Здесь нет ничего нового или современного!». Она облокотилась на стол и, ещё раз глубоко вздохнув, снова огляделась.

«Что же я делаю?.. – вдруг подумала она. – Да, я буду работать на полставки, половину рабочей недели... Но если мне этих денег, этой зарплаты не хватит?! Нужно ведь платить за квартиру и ещё что-то кушать... И вещи, вещи!.. Но вещи я могу пока не покупать, – сглотнула она, нервно царапая по столу ногтём. – Если всё удастся, если я смогу найти выход, у меня потом будет целый дом вещей, *мой дом*... Надо немного потерпеть!». Внутренний монолог прекратился, но через мгновение начался снова. «А если мне этих денег не хватит на жильё, на еду?! – вновь подумала она. Эта мысль неумолимо была в самое нутро. – Тогда будет полный крах! У меня не будет возможности найти вторую работу – потому что какой смысл брать две подработки ради денег?! Тогда надо брать целую работу, на полный день, на полную неделю. Но в этом случае я не смогу отыскать проход к Вильтону... А если работать только на полставки – тогда я *смогу* найти?», – снова резонно уточнила она у себя, уже и не веря в свою идею.

Окружающая тишина и отсутствие коллег, коллектива, начали угнетать, усиливая страхи. Посетителей тоже не было, и Жанна замерла у стола, боясь даже шелохнуться, чтобы в этой тишине не раздался какой-нибудь лишний шум. Ей уже захотелось плакать, когда вдалеке, наконец, почудились ей шаги. Хлопнула одна дверь, потом – другая, послышались голоса. Затем раскрылась и дверь в библиотеку – в комнату вошёл Иван.

Она сразу встрепелась и поднялась: не хотелось, чтобы кто-нибудь заметил, как она тут одинока и печальна.

– Ну как тебе? Катерина Петровна говорит, что сбежать ты пока не пыталась. И ещё она говорит, что у тебя тут прям какая-то плачевная тишина, так что она сама даже чуть не испугалась, – усмехнулся он, с любопытством глядя на Жанну.

– А Катерина Петровна – это?.. – уточнила она скорее для того, чтобы выиграть чуть-чуть времени и успокоить нервы, чем от интереса.

– Наш сторож, – махнул он рукой в сторону двери и присел на читательский стол. – Так как ты тут? Женя сказала, ты уже освоилась.

– Да, я жду её, она вышла...

– Она уже ушла.

– Как *ушла*? – не поняла Жанна.

– Совсем ушла – неделю назад написала заявление, отработала ещё, чтобы зарплату за целый месяц получить, и вот теперь ушла. Не знаешь, как с работы уходят? Никогда не увольнялась?

– Ох... – не нашлась она, что ответить: не хотелось сообщать, что с прошлой работы её уволили, потому что она перестала на неё ходить, а значит, она и не знает, что это такое – уходить с работы самой, и быстро добавила, чтобы перевести тему, – наверное, ей тут не нравилось.

– Работа как работа, – пожал он плечами. – А если книги любишь, так вообще... Сказка.

Теперь усмехнулась Жанна – уж она не понаслышке знала, что такое *сказка*...

– Так остаёшься с нами?

Она кивнула, но тут же немного сникла:

– А зарплата очень маленькая?

– Семнадцать, – он внимательно следил за её лицом. Оно даже как-то посветлело, но он добавил. – Это за целую ставку.

– Значит, в два раза меньше?

«На такую зарплату я смогу оплатить квартиру и пару недель поесть одни макароны...», – мысленно подвела она итог, и её подсчёты красноречиво отразились на вытянувшемся от разочарования лице.

Иван хлопнул по столу.

– Ладно, пойдём в отдел кадров сходим – узнаем, что да как. Может, прибавку получим!

Они перешли в другое помещение, мало похожее на отдел кадров: скорее оно напоминало рабочий кабинет и одновременно – комнату отдыха. На отдельном столе здесь стояли электрический чайник и микроволновка. У стен всё также были шкафы с книгами, на рабочем столе лежали стопки документов, листы картотеки и неожиданное в этом месте чудо техники – ноутбук. Кроме того, стоял тут и небольшой, очень старый диван.

– Это наша общая комната, – пояснил Иван. – Для сотрудников, не для читателей. Здесь можно пообедать, оставить свои вещи. Гардероба, как ты заметила, у нас нет... В основном мы тут перебираем книги.

– А отдел кадров? – не поняла она.

Он красноречиво указал на стол, где, присмотревшись, можно было обнаружить стационарный телефон, торчащий из-под кипы бумаг.

– Сейчас позвоню. Они в главной библиотеке сидят. Видишь ли, нас реорганизуют: здание сносить будут, а другую библиотеку взамен этой строить не планируется – одна ведь здесь есть, на район хватает; а наша слишком старая... Вот, все наши книги потребовали учёта, у нас-то его давненько не было... Ноутбук нам даже выдали – нужно переписать данные имеющихся тут книг в электронный документ. Потом их отсюда увезут, пустое здание снесут, а у нас не будет работы. Так что и твоя работа – лишь на время. Но тебе, так понимаю, временная сейчас и нужна, верно?

– Верно, – согласилась она, и Иван набрал номер главной библиотеки.

Жанна пыталась не пропустить ни одного слова с его стороны, но нить разговора всё равно потихоньку ускользала от неё, пока она с любопытством осматривалась. А потом она вообще отвлеклась – когда в комнату вошла ещё одна сотрудница. Это была небольшая старушка с очень мягким взглядом. Было видно, что она очень добрая, и

Жанна поглядела на неё с удовольствием, впервые подумав, что здесь можно было бы неплохо поработать, если б, конечно, не столь низкая зарплата... Та улыбнулась, заметив новенькую, и со вздохом облегчения опустилась на диван.

– О, баб Зоя! – закончив телефонный разговор, Иван положил трубку. – Устали?

– Ох, умаялась, умаялась, внучек! – выдохнула та, потирая бок. – Как нагнулась за этими книжками, так потом едва разогнулась...

– Ну, а к нам вот помощница пришла!

– Я ещё точно не знаю... А там что-нибудь сказали? – робко уточнила Жанна, стыдясь своей заинтересованности в деньгах.

– Сказали – повысят зарплату на треть, только четыре дня в неделю работать надо. Я помню, – добавил он, – что тебе нужна подработка на два-три дня, так что будешь выходить только три раза на неделе, но в отделе кадров этого не говори. Мы-то, видишь, никого уж принимать не собирались: объявление-то ты старое где-то нашла... Читатели у нас теперь бывают редко, а книги мы бы и сами перебрали. Просто ты так сюда хотела, что мы подумали: а почему бы и нет...

Она благодарно улыбнулась в ответ.

Следующим же днём она посетила отдел кадров и стала полноправным членом маленькой старой библиотеки, и так вдруг обрадовалась этому новому ощущению, что она будет работать *не менеджером*, что ей захотелось поделиться с кем-нибудь радостью, и, купив небольшой тортик, который ещё могли позволить ей финансы, отправилась на своё новое рабочее место.

– О, молодёжь! – увидел её Иван в дверях общей комнаты. – С чем пожаловала? Уже работать пришла?

– Документы оформила, вот – тортик принесла.

– Быстро ты, молодец! – одобрительно хмыкнул он. – Тогда снимай пальто и зови бабу Зою, а я пока чашки поставлю.

Он махнул рукой в сторону двери, где должна была быть старушка, а сам взял с подоконника поднос и вышел.

Жанна сняла пальто и сложила на стуле. Ей было так легко на душе, что это даже казалось странным, ведь зарплата, на которую она подписалась, не могла бы вызвать такого удовольствия. Но она радостно походила по общей комнате, рассматривая её и трогая предметы, а потом открыла дверь в комнату, где сама ещё не бывала и где, как сказал Иван, сейчас находилась баба Зоя. С этого места, у самого входа, в помещении никого не было видно, и она направилась внутрь.

На полу плотными рядами стояли связанные верёвками стопки книг и коробки. И тех, и других было так много, что они стояли друг на друге и вверху кое-где упирались в потолок. Она прошла вперёд, ощущая себя в картонном лабиринте и, наконец, услышала шум, а потом увидела и бабу Зою – та переписывала что-то из открытой книги.

– Ох... Там Иван зовёт, чай будем пить, я тортик принесла, – неуклюже произнесла она, не зная, как к той обращаться. – А вас как зовут, по отчеству?

– Раньше всё звали Зоя Михайловна, а теперь больше баба Зоя. И ты так зови, не робей, – крихтя, разогнулась старушка. Взглянув на смущённую Жанну, она широко улыбнулась, как раньше Иван. – Хорошая ты девушка, только боязливая...

– Просто я слишком мало знаю, а у меня ведь теперь работа... – ответила та, выходя из комнаты вслед за бабой Зоей. – Вот у вас книг тут много. А зачем они в коробках лежат? Как их там искать, если читатель попросит достать?

– Да из этих мы ничего и не выдаём – сами-то ведь не знаем, что там.

Они присели у стола, где Иван разливал по кружкам чай.

– Те книги, – объяснил он Жанне, – как раз и требуют учёта, а читателям выдаём те, что стоят в шкафах: они учтены со дня основания этой библиотеки, и записи о них хранятся – правда, только в письменном виде, поэтому и их данные тоже придётся в электронный файл перепечатать. А вот те, что в коробках...

– А они почему не учтены? – спросила она, не дождавшись продолжения: Иван замолчал, стараясь так аккуратно нарезать торт, чтобы кремовые цветы остались целыми на каждом куске.

– Видишь ли, они много лет привозились сюда разными людьми.

– Как интересно! – хлопнула она в ладоши, широко открыв глаза. – А почему?

– Повелось так... Это ещё до войны дело было – одна девушка страсть как любила читать! Книг мало было в то время, так она тексты всё собирала, покупала; даже меняла на них вещи, чтобы только заполучить... А после войны разруха была, дома стояли разгромленные, разоренные, и, чтобы как-то скрасить и свои будни, и чужие, девушка та устроила из своего дома избу-читальню – чтобы и другие люди могли прийти и что-нибудь почитать. А потом они уже сами стали приносить ей книги, которые им были не нужны. Или когда, знаешь, в опустевшем селе в старом доме кто-нибудь находил какую-то книгу, то приносили в её дом, чтобы могли читать все.

– А потом? – Жанна отхлебнула вкусного горячего чая, не отрывая взгляда с Ивана.

– Потом книг стало так много, что в её доме они уже не вмещались, и им нашли новый дом – вот это самое здание, – обвёл он пространство рукой. – Конечно, в то время оно было покрепче... Позже построились другие библиотеки, но наша так и осталась... Как напоминание о тех временах и труде одного человека, который сумел собрать столько книг. А сами они, некоторая их часть, так и продолжали после переезда храниться в коробках да стопками, увязанными верёвками, – некому было разобрать. Здесь ведь не сразу закрепили статус библиотеки, и работали вначале только энтузиасты.

– Интересно как! – выдохнула она. – А что девушка? Неужели бросила своё занятие?

– Почему же... – по-доброму усмехнулся он и перевёл взгляд на старушку. – А знаешь, что её звали Зоей?

– Неужели? Ох, это же сколько вам лет... – не поверила Жанна. – Так это вы создали эту библиотеку, а потом?..

– А потом стала здесь же работать официально, – кряхтя, засмеялась та, видя её удивление. – Да, деточка, разные в жизни бывают пути! Мои вот, видишь, сошлись на одних и тех же книгах...

Они ещё долго беседовали: за окном стало смеркаться, когда они, наконец, разошлись по домам – в поздней осени уже чувствовалось приближение зимы, и темень спускалась всё раньше и раньше. Жанна шла пешком, решив до первой зарплаты экономить деньги хотя бы на автобусе. Спрятав руки в карманы, она сжала их в кулаки, чтобы быстрее согреть – она сегодня забыла перчатки дома, и пальцы быстро замёрзли в холодном воздухе ноября. Но она не сильно думала о них, занятая другими мыслями, – перед её глазами всё ещё стояла молодая сильная женщина, пережившая войну и посвятившая свою жизнь книгам...

Дома она укуталась в одеяло и попыталась заснуть. Но внутренний взор всё не отпускал дневные картинки, и она всё ворочалась и ворочалась. В конце концов, посреди ночи она открыла глаза. Привыкнуть к темноте было несложно – сквозь шторы из тонкой ткани настырно пробивался лунный свет, даря лёгкие очертания окружающих предметов. Вскоре ей это надоело, и она дотянулась до настольной лампы; ещё немного полежала, а потом и вовсе встала с постели. Перед ней на столе спокойно стояли часы, и она по привычке дотронулась до них, но так осторожно, что ощутила их лишь кончиком пальца.

Оба экземпляра одинаково отсвечивали её зелёную ночнушку и никак не реагировали на внимание.

«Полпервого...», – с тоской отметила она, вспомнив, что когда-то в это же время просыпалась от звона будильника, как от предупреждения, что скоро нужно быть внимательнее, потому что перед ней появится дверь... Тогда она нервничала, ругая часы, и снова засыпала, чтобы появиться в иной реальности, которую считала своим сном.

«И – ничего...», – снова подумала она, не отводя взгляда от бесстрастного стекла, за которым, не умолкая ни на секунду, двигались стрелки. Вздохнув, она отправилась на кухню. Выпив воды, пошла в ванную, но тёплая вода, которой она попыталась смыть с лица бессонницу и нахлынувшую тоску, не помогала – что-то жгло изнутри, заставляя душу мучиться собственным бессилием и непониманием того, что же можно было бы сделать. Побродив по коридору, она заглянула и в тёмную тихую комнату, где оставались коробки. Подойдя к столу, безо всяких особых мыслей Жанна протянула руку к среднему ящику и медленно потянула на себя. В его открывшейся, в темноте кажущейся очень страшной пасти что-то мерцало: тихонечко, очень слабо – так, что это могло просто привидеться. С тревогой она опустила туда пальцы и, вытащив компас, быстро закрыла ящик и, почти трепеща от чего-то, от какого-то страха или ожидания, вернулась в спальню.

Темноты в собственной квартире она не боялась, но этой беспокойной ночью нервы её подводили: всё казалось, что за спиной шевелятся тени, что ветер слишком сильно колышет шторы... Она старалась не оглядываться, чтобы не давать воображению новую пищу, ведь знала точно, что никто не может быть за её спиной! Не здесь – не в этой квартире, в обычном мире, где никто и никогда не стал бы пользоваться магией.

«Почему здесь нет магии?..», – вдруг попробовала спросить она себя, но внятного ответа не было. Она и так ещё не особо понимала, что такое сама эта магия, чтобы размышлять о таких вопросах всерьёз...

Присев на постель, она всмотрелась в компас, и да – ошибки быть не могло: он действительно мерцал! Золотая стрелка немного дрожала, будто от нетерпения, а, может, из-за какой-то неисправности, и друг за другом по ней пробегали мелкие светящиеся точки – так быстро, что создавали иллюзию цельной мерцающей линии.

«Красиво!», – мысленно восхитилась она и тепло провела по нему рукой. Ей вдруг снова стало очень одиноко – так, что слёзы навернулись на глаза. Она не мешала им. В ночной тишине это гораздо легче – не мешать слезам капать с ресниц: никто ведь не узнает о твоей боли и тоске, никто не сможет припомнить твою слабость потом, когда тебе будет ещё сложнее... Тебя видит только ночная мгла, а к утру и она сотрется, чтобы в следующий раз прийти совсем другой и никогда не напомнить того, что узнала о тебе раньше...

Внезапно она отбросила компас на подушку – он резко стал таким горячим, что обжёг ладонь! Золотая стрелка металась по кругу, как безумная, не желая останавливаться! Жанна с тревогой глядела на неё, пока та вдруг также неожиданно не успокоилась. Тогда она осторожно дотронулась до компаса – тёплый, он уже остывал. Спешно протерев его ладонью – стекло было мокрым, как будто на него упали её слёзы, – она положила его на стол, рядом с часами и немного подождала. Ничего нового не происходило, и она опустила голову на подушку – хотелось побыстрее заснуть, чтобы ничего, ничего такого странного больше не мучило почти спящее ночное сознание, которое и само теперь разобраться не могло, бодрствует ли оно сейчас...

Выключать свет она не стала – ей всё ещё было неуютно, как будто вокруг, в этой тишине и ночном покое, пряталась какая-то неизвестная неизбежность, наполняющая

душу тревогой и тоской, и оттого хотелось лишь одного – чтобы поскорее настал день! Она закрыла глаза и уснула.

Перед ней снова была библиотека. Не та, где она получила работу, а эта прекрасная библиотека, созданная явным ценителем книжного искусства, находящая в *её доме*. Вокруг стояли всё те же шкафы, только полки были почти пусты – книги, казалось, устроили революцию: в беспорядочном вихре они летали по комнате, распахивая страницы и создавая немыслимый шум. Казалось, они чем-то были возмущены, взбудоражены так, будто на их полках перевернулся весь мир! Перед глазами Жанны то и дело мелькали печатные слова, на которых она никак не могла заострить внимание, чтобы прочесть и узнать, что такого они могли бы ей сообщить. Прикрыв уши руками, чтобы немного сбавить шум, она огляделась и вдруг заметила, что за шкафами что-то есть.

Медленно она продвигалась вперёд, отмахиваясь от пролетающих книг, но тень, которую она видела у шкафа, тоже не стояла на месте, а всё отодвигалась и отодвигалась, пока Жанна не дошла до самого тёмного угла. Здесь она остановилась и напрягла зрение, чтобы всмотреться в темноту, но внезапно рядом зажегся тусклый свет, и она прямо перед собой увидела то, что преследовала.

Это действительно была *тень*: тёмная масса с очертаниями человека сосредоточилась у самой стены и теперь не торопилась исчезать или уходить – она будто сама глядела на Жанну и изучала её. А потом протянула к ней руку... Жанна хотела бы отшатнуться, но словно приросла к месту и могла только смотреть. Рука становилась всё чётче и светлее, и на запястье постепенно выделилась тёмная точка. Книги в ушах шумели всё сильнее; она снова прикрылась руками, но шум не уменьшался. Ей казалось, что ещё чуть-чуть – и она оглохнет, и она...

Она открыла глаза и резко села на кровати.

За окном шумело жизнью новое утро, которого она так ждала этой бессонной ночью. В голове гудело. «Кажется, простыла...», – пошмыгала она заложенным носом. «Ничего, зато никаких лишних перемещений не случилось!...», – постаралась она приободриться, правда, тут же поняв, что эта фраза утешением считаться не может. С тоской подумав про свой потерянный дом, она под села к столу и осторожно взяла в руки компас.

Золотая стрелка была обычной – никакого мерцания, даже мелкого, не было. Не поверив, Жанна ушла с ним в ванную – тут, в темноте, с выключенным светом, она надеялась, что снова увидит ночное волшебство. Но оно не возвратилось, и ничто не могло подтвердить, что она всё ещё не спала, когда видела его ночью.

Грустно вернув компас на место, она вдруг насторожилась – в привычной тишине ей почудилось что-то угрожающе странное. Прислушавшись, она растерянно огляделась, но так и не смогла определить, что же не то, что кажется таким непривычным... Пока взгляд не упал на часы – тогда внезапно она ощутила ужас, поняв одну вещь: тиканья в унисон *не было*.

«На них – разное время!», – заметила она, похолодев: одни показывали на пятнадцать минут больше, чем другие. Сверившись с сотовым, она поняла, что спешили те, которые были слева – те, что были найдены в *том*, другом мире. Это было так странно, что она даже испугалась. С тревогой взяла она их в руки и осторожно погладила – это всё, что она могла сделать, чтобы попросить их не ломаться.

– Пожалуйста, вы мне очень нужны... – тихо, едва шевеля губами, прошептала она вслух и тут же вернула часы на место – ей стало очень стыдно за то, что она обратилась к предмету, который никак не мог её слышать!

Развернув их к себе другой стороной, она осторожно тронула колёсико. Напрасно: оно не желало двигаться, и, боясь что-нибудь сломать, она перестала его дёргать. Безнадежно подумала она о том, что они всегда будут идти так, как хотят, ведь даже подвести их сама она не в силах, как и отнести к часовщику – его вмешательство могло бы уничтожить магию, наложенную для перемещения, и исправить это она бы не сумела. Ощувив окончательно, что проблем у неё прибавилось, а решения, наоборот, не нашлось ещё ни для чего, грустная, она собралась и ушла на работу.

Конечно, поначалу она подумала о том, что может позвонить, сообщить, что заболела; тем более, не обязательно было приходить именно сегодня – у неё ведь была неполная рабочая неделя... Но ей хотелось куда-нибудь уйти – после нынешней ночи в квартире ей было не очень комфортно, и она стремилась побыть среди людей, особенно среди таких доброжелательных и спокойных, как её новые коллеги. И хоть, пока она шла, у неё и мелькнула тревожная мысль, что в прошедшие дни они лишь старались казаться такими, чтобы она согласилась на эту работу, те снова встретили её радушно.

– Только как ты работать будешь? – поинтересовался Иван, услышав простуженный голос.

– Ничего, я в порядке! Отработаю, – постаралась она бодро ответить, но, судя по его взгляду, получилось не особо правдоподобно. Да и, как назло, в горле что-то стало царапать, и Жанна резко начала кашлять.

Не желая, чтобы её отговаривали, она развернулась и ушла на своё рабочее место, села за стол библиотекаря и стала ждать – правда, не посетителей, ведь была уверена, что их не будет, а конца рабочего дня... Потому крайне удивилась, когда неожиданные читатели всё же вскоре пришли, и было их немало – около десяти ребятишек вбежало в дверь. Они тут же сложили верхнюю одежду на один из столов и расселись за остальные, и вокруг так резко стало шумно, что Жанна даже растерялась. Пока она лихорадочно пыталась отыскать карточки по фамилиям, которые ей выкрикивали сразу со всех сторон, в комнату вошла баба Зоя. Её, казалось, ничто не удивило – она поздоровалась с ребятами, как с давними знакомыми, и направилась к Жанне.

– Ступай-ка ты – там, в комнате посиди, – мягко остановила она её руку, мечущуюся по картотеке. – А то лица на тебе нет, болезная ты. Я там баночку варенья поставила, в шкафу хранилось, – с чаем горячим-то попей, полегче станет... А я с ними тут побуду.

Жанна хотела было отказаться, но поняла, что сейчас опять начнёт кашлять, и поспешила уйти.

В общей комнате за ноутбуком сидел Иван; на кухонном столе стояла неполная банка варенья, и Жанна немедленно обмакнула в неё ложку и с наслаждением облизала.

– Никогда не ела малинового! Вкуснятина!

– Ты серьёзно? – с удивлением оторвался он от работы. – Тебе бабушка не готовила?

– У меня не было бабушки, – вздохнула она.

– А родители?..

– Они никогда не варили варенья, – задумалась она. – А магазинное я ела, но оно совсем другое было – как джем, и в составе было яблочное пюре, а не малина, хоть и называлось: «Малиновое»... Вот как людям верить?

Он молча усмехнулся.

– А ты что делаешь? – спросила она, стараясь пить обжигающе горячий чай очень маленькими глотками, чтобы прогреть будто поцарапанное кашлем горло.

– Оформляю файл – записываю новые книги, которые ещё без записи, – показал он на стопку, стоящую рядом на полу.

– Это оттуда книги? – кивнула она в сторону двери, за которой были те коробки, что она уже видела.

– Да, оттуда. Обычно мы одновременно это делаем: кто-то в той комнате на лист выписывает данные книг, потом складывает их обратно в коробку и подписывает, что её содержимое зафиксировано. Только долго это – информации много, а писать вручную ещё и неудобно, тем более, что потом с бумаги всё равно ещё и в файл заносить надо. А второй – обычно это я – информацию о книгах вносит сразу в ноутбук; вот – стопку с собой приношу и сразу в файле фиксирую...

– А там Зоя Михайловна записывает, да?

– Обычно Женя там работала. А баба Зоя сегодня в библиотеке посидит... К нам же иногда ребята приходят после школы: книжки разные берут; бывает, и со своими прибегают – такие, знаешь, лабиринты есть, игры настольные... Столы-то здесь свободные, им тут и нравится; да и на улице уже холодно.

– А давай я пока там поработаю, с книгами?

Иван непонимающе на неё посмотрел.

– Говорю же – мы решили тебя отпустить лечиться, ты же вон какая сегодня... Разве не хочешь пойти домой?

Жанна отрицательно мотнула, умоляюще глядя в ответ. Ей не хотелось ещё так рано возвращаться в квартиру, да и немного давило уже на неё ощущение вынужденной благодарности – эти люди снова заботились о ней, и она не знала, чем за это отплатить, потому хотела хотя бы отработать.

– Ты странная... Что скажут твои родители? Что ты нашла работу, где тебе даже не дают нормально поболеть? – усмехнулся он, а её взгляд вдруг стал серьёзным, и она тихо ответила:

– Никто ничего не скажет – они со мной не общаются.

– Как это? С родной дочерью? Что же это за люди такие?

Она помолчала. Никогда ещё, никому, даже Мари, не рассказывала она, что у неё была приёмная семья. Но Иван смотрел внимательно, и взгляд его казался добрым и таким мягким, что она вдруг подумала, что ничего не потеряет, если скажет...

– Они приёмные – забрали из детдома, когда мне было пять; воспитали, дали образование. Потом подарили квартиру и – всё: больше их в моей жизни нет, они не хотят ни встречаться, ни даже говорить по телефону. Я для них чужая...

Теперь помолчал Иван. Задумчиво отойдя к столу, он нажал кнопку на чайнике, чтобы снова вскипятить воду.

А Жанне внезапно стало легче – будто то, что она хранила в себе столько лет, теперь принадлежало не ей одной. И она вдруг ощутила, что действительно – не только *она* для них чужая, но и они сами для неё – *чужие* люди. «Зачем же только они меня удочерили?...», – мелькнула у неё мысль, которую она, впрочем, тут же отогнала, вспомнив, что, какими бы ни были у них причины забрать её из детдома, то, что они на самом деле сделали это, было очень важно для неё. И она была благодарна им за это, хоть ей и не хватало их любви.

– А ты не пыталась найти... – вдруг начал он, но тут же осёкся.

– Настоящих родственников? – продолжила она за него.

Он посмотрел настороженно, пытаясь понять, не задел ли он эту хрупкую девушку. Но, как ни странно, она была спокойна.

– Сначала мне не приходило это в голову – я была слишком мала... А когда пришло, я решила, что мне это не надо – меня ведь бросили, оставили одну. Значит, была не нужна... – быстро и весьма монотонно, как заученный текст, произнесла она и отвернулась.

Она уставилась в окно. Там светило дневное солнце, и у него не было вопросов и ответов, не было мучений и сомнений... Просто солнце. А у Жанны они появились сразу же, как только она произнесла свою речь!

Она действительно думала то, что сказала, – но это было давно. И ещё год назад она ответила бы точно так же и после даже не мучилась бы никакими сомнениями, будучи уверена в своей правоте. Но теперь, когда она немного знала о своей настоящей семье, о том, что у неё действительно были родственники и что её одну специально перевезли в этот мир, она не была уверена, в чём на самом деле истина. Почему им пришлось так от неё избавиться? Что стало причиной, отчего так кардинально изменилась её жизнь, стала не той, что могла бы быть?.. Ответов на тот мешок вопросов, который она теперь носила с собой, у неё не было.

– Думаю, чтобы знать это точно, стоило бы поискать кого-нибудь из родни. В любом случае, ты не должна считать, что была не нужна, обстоятельства-то разные бывают... – осторожно сказал он и протянул горячую кружку свежего чая. – Твой уже остыл.

– Так я могу пока разбирать книги? – снова напомнила она.

– Если хочешь... Или можешь за ноутбуком поработать, а я коробками займусь.

– Я лучше в книгах...

«... чем в ноутбуке ещё твоём разбираться», – мысленно закончила она и, допив чай, схватила со стола несколько чистых листов и перешла в другую комнату.

Здесь было тише всего, даже тише, чем в самой библиотеке – там всегда слышался шум со стороны коридора, где сидела консьержка. А тут были только коробки. Настоящее хранилище книг...

Отойдя вглубь помещения, она выбрала дальний угол – это место, где за высокими рядами книг не было видно и двери, больше всего казалось ей загадочным и немного мистическим. Выбрав коробку без опознавательных знаков, сказавших бы, что её уже просматривали и содержимое фиксировали, Жанна принялась за работу.

Время текло медленно – так она думала. Она открывала книгу за книгой, иногда восхищаясь твёрдым переплётом, тисненные буквы которого приятно ощущались пальцами, а иногда разглаживая помятую мягкую обложку, лишь едва тонкими рваными краями прикрывающую содержащийся внутри текст. Всмотривалась в слова, буквы... Ей казалось, что она – почти у себя дома, почти в *своей* библиотеке. Никогда раньше, до попадания в *тот* мир, она не любила читать. Книги не были для неё ничем особенным – тогда, но не теперь. Сейчас она бережно гладила страницы, расправляя кое-где загнутые уголки, и с удовольствием пролистывала их, пытаясь хоть на миг воссоздать шум листов-аплодисментов в той библиотеке, в другом мире...

Взгляд её зацепила потёртая книжка. Она была тонкой и явно весьма старой, но твёрдая обложка с выгравированным названием привлекла её внимание. В тиснении скопилось много пыли, и Жанна провела по ней ладонью, а потом, как смогла, потёрла пальцами буквы, чтобы, наконец, прочесть название: «Узелковое гадание».

Перевернув первую страницу, она уставилась на чёрно-белое изображение дома, а, точнее, избышки. Вдоволь насмотревшись, она наугад несколько раз открыла книгу – на страницах были предложены вопросы для гадания и небольшие советы с заголовками, заманчиво пахнущими магией: «Как подружиться с домовым... Как узнать свою судьбу... Что сделать, чтобы встретить суженого...».

«Ну, мне ведь можно чуть-чуть передохнуть? – меня же и так хотели домой отпустить...», – подумала она, собираясь немного почитать, но, ненароком взглянув на часы, удивилась: оказалось, уже наступил вечер, и до конца работы оставалось всего полчаса.

С неохотой отложив «Узелковое гадание», она наскоро переписала данные ещё нескольких книг и с чувством выполненного долга поднялась. Из комнаты она выходила уже не одна – в руках её была тонкая тёмно-коричневая книга.

– С первым отработанным днём тебя? – поздравил Иван.

– Там так интересно! – оживлённо ответила Жанна. – Я даже про кашель забыла. А как там дети? Мне так жаль, что я не смогла нормально поработать, – обратилась она к Зое Михайловне, которая сидела на диване.

– Ничего, я уж с ними побыла, – ответила та. – Они меня знают, вечно просят что-нибудь рассказать. Болтуны, а слушать умеют... А ты, Ваня, сходи-ка к Катерине Петровне, да спроси, будет ли она ещё чай-то пить...

Когда он вышел, баба Зоя потянула Жанну за руку и усадила рядом с собой.

– Знаешь, он мне рассказал про родных-то твоих... Ты не печалься, что всё так вышло, – видно, на небесах так решили. А настоящих-то своих родственников поищи, да не злобись на них – ведь кто ж знает, какая у них самих-то судьба была... А раз сомнение есть, раз поминаешь их всё, то легче тебе станет, когда найдёшь. А уж если не поищешь, то и с вопросами своими останешься, да и корить себя потом будешь, что не решилась искать, да поздно будет...

Жанна кивнула – но отрешённо, на автомате. Ей нечего было сказать и ей совсем не хотелось ни о чём таком думать. Кого-то искать? Узнать ещё большую правду? Это могло быть страшнее и сложнее, чем сейчас. Сейчас – всё почти просто: её бросили, и с ней рядом никогда не был родной человек. А если она будет копать и рыть, и грызть землю, чтобы что-то найти, тогда придётся принять правду, какой бы та ни оказалась. А была ли она к ней готова, она и сама не знала.

Глава 3

Отработав ещё два дня, Жанна с чистой совестью сидела дома – хотелось отдохнуть, расслабиться. Кроме того, последняя насыщенная неделя и новые рабочие дни снова наполнили её впечатлениями и эмоциями и немного сдвинули на второй план поиски иных миров. К чему что-то искать, когда рядом уже есть твоя жизнь, твоя судьба? Другой мир снова начинал казаться слишком далёким и сказочным, чтобы его можно было обнаружить второй раз.

На столе среди тетрадок, найденных в коробках бабки Гвенды, теперь лежала и книга в потёртой жёсткой обложке – Жанне разрешили брать на дом любые тексты, и она сразу же этим воспользовалась. По привычке, принесённой из *того своего* дома, она сделала себе чай и пару бутербродов и уселась читать «Узелковое гадание».

Книга оказалась интересной. В ней говорилось о том, как можно использовать бечёвку для гаданий – нужно было завязывать узелки, тем самым создавая некоторые формы и очертания. К сожалению, у Жанны её не было, но она решила обязательно её купить и попробовать сделать что-нибудь из предложенного.

Впрочем, через пару часов она уже забыла и об отсутствующей бечёвке, и о гаданиях, да и о самой книге, потому что голову сверлил один и тот же вопрос: «А вдруг?..», – она никак не могла забыть разговор с Иваном и, главное, с бабой Зоей. Что, если она на самом деле потом будет очень жалеть о том, что даже не попыталась ничего узнать о своих

родственников в этом мире? Пусть была какая-нибудь нелепая причина, чья-то злая прихоть, по которой её переправили в этот мир, – это бы одно так её не интересовало. «Но ведь и бабка Гвенда, похоже, жила здесь – Мари говорила об её отсутствии *в том* мире... Так, может, тут остались её следы, которые сумеют рассказать, что же произошло на самом деле?», – подумала Жанна.

Она взяла сотовый, но, нерешительно покрутив в руках, положила на место. В последнем разговоре приёмные родители ясно дали понять, что не желали бы ещё с ней говорить, так что новая беседа по телефону могла просто не состояться. И если она действительно хотела хоть что-то узнать о своей настоящей семье, то должна была ехать прямо к ним домой – тогда они будут вынуждены уделить ей время.

Ещё немного она побродила по комнате, раздумывая, но на самом деле решение было уже принято. И вскоре медленно, будто всё ещё мечтая передумать, она собралась и ушла.

У дверей своей бывшей квартиры, где она провела всё то детство, что помнила, Жанна задержалась – она всё никак не могла решиться и нажать на звонок. Только когда этажами ниже слышались шаги, она быстро нажала на кнопку. Раздался бьющий по нервам пронзительный звон, и она немного отступила назад.

Она нещадно теребила в руках длинный ремень снятой с плеча сумки и смотрела в пол. И снова чувствовала себя маленькой, слишком маленькой, чтобы требовать ответа на вопрос, который и так уже когда-то задавала...

В квартире слышались шаги и женский голос. Металлическая дверь со скрежетом отворилась.

– Привет, мам, – попробовала улыбнуться Жанна. Пальцы сжались, вцепившись в ремень сумки, и замерли, словно она вовсе никогда не нервничала. Но сердце стучало так громко, что казалось, будто это кто-то с силой швыряет камень о скалу, заставляя эхо кричать в ответ.

Бровь женщины приподнялась.

– Я думала, мы в прошлый раз уже поняли друг друга.

– Точно, – кивнула Жанна, проглотив застывший в горле комок. – Я помню, ты мне не мать, это я просто по привычке... Мне поговорить нужно.

Та нерешительно оглянулась на пустой коридор позади себя, будто в поисках поддержки, и, подумав, нехотя отодвинулась от двери, и Жанна вошла. В глаза ей бросилась знакомая обстановка, и на первый взгляд показалось, что всё осталось почти, как раньше. Но всё же и что-то изменилось...

Она всегда думала, что с её уходом детских вещей здесь больше не будет. И действительно – всего, что она знала, её игрушек, лежащих то тут, то там на полках и спрятанных в шкафах, как она любила, теперь не было. Но какие-то детские вещи – те, которые она никогда не видела, – лежали повсюду.

С удивлением она посмотрела на мать Веру, и та, поняв её взгляд и едва сдерживая гордость и радость, произнесла:

– Да, теперь у нас есть *наш* ребёнок.

Она так и выделила это слово – *наш*, будто намекая, что Жанна никогда и не была с ними, никогда не была *их*.

Жанна смотрела спокойно. Она знала, что не будет плакать, не позволит себе. Зачем? У неё есть компас с золотой стрелкой, у неё есть настоящий кровный родственник Жан, хоть он сам об этом ей ещё не сказал, есть Мари и Аллен, даже если тот пока ещё её не вспомнил. А эти люди правы – они *чужие*, это надо признать, хотя они и жестоки в своей правоте.

– Мне нужно узнать о своей семье, – сказала она и, не дожидаясь приглашения, присела на стул. – Вы забрали меня из детдома. Какой это был детдом, где документы, по которым я туда попала?

Она вдруг даже сама усмехнулась своему спокойствию – она поняла одно: теперь это её жизнь, и она имеет право и будет требовать, чтобы рассказали всё, что ей нужно, и никуда не уйдёт, пока не получит эту информацию.

– Я думала, ты больше к нам не придёшь, – тихо, осторожно посмотрела на неё Вера Геннадьевна: она никогда не видела свою послушную приёмную дочь такой решительной.

– Не беспокойся, больше и не приду – если расскажете всё, что знаете о моих настоящих родственниках!

Та помолчала. Сначала в её лице появилась какая-то нерешительность, будто она не знала, как начать рассказ, но потом она быстро ушла в другую комнату и через пару минут вернулась с небольшой коробкой.

– Вот, тут всё, что нам дали вместе с тобой. Забери и больше ни о чём не спрашивай – ищи ответы здесь, а нас не трогай!

Эти слова показались Жанне странными. Мельком взглянув на пыльную коробку, она молча посмотрела на мать – слишком непривычно было видеть её поспешность, это необычное выражение какого-то опасения и даже страха на её лице.

– Там все *твои* документы, – нетерпеливо добавила та, видя, что приёмная дочь будто сомневается в содержимом картонного бокса. – Это твоя коробка, бери!

– Хорошо, если так, – наконец, кивнула Жанна.

Она сама не понимала, почему продолжала вот так стоять: вроде она уже получила всё, что хотела, но её почему-то заполонило странное ощущение – будто её обманывают или что-то не договаривают... Может, это от того, что от неё слишком явно пытались скорее избавиться?... Но за это их ни к чему было винить! – каждый сам выбирает, как он относится к людям и что готов дать другим от своего душевного огня. Ей просто немного не повезло...

подавив глубокий вздох, не желая показывать свою слабость бывшей матери, она подняла коробку.

– А пакета... – начав, тут же осеклась она, вспомнив, что гордо решила ничего у них не просить, кроме того, что на самом деле принадлежит ей.

– К сожалению... – тут же развела руками Вера Геннадьевна, нетерпеливо выпроваживая её.

– До свидания! – по привычке напоследок сказала Жанна и за быстро закрывшейся дверью услышала отголосок:

– Прощай!

Она снова была одна на лестничной клетке. И всё же теперь ей было не так одиноко, ведь руки крепко сжимали собственную, родную, детскую коробку... Только не ту, в которой хранятся игрушки, а просто такую, которая сама была будто символом детства – она была из того времени, когда Жанна была ещё мала и, как бы там ни было, по-детски счастлива.

Вернувшись домой, она с нетерпением протёрла и сняла крышку. Как и обещала мать Вера, внутри лежали документы – выписки из детдомовских книг, медицинская карта, небольшой альбом. Заметив его, Жанна сразу перевернула твёрдую обложку. Внутри оказались её детские снимки, те, что были сделаны после детдома, в приёмной семье. С грустью увидела она, что даже фотографии с совершеннолетия были спрятаны сюда же! – ни одну из них, ни одно из её изображений приёмные родители не оставили себе. Было очевидно, что с ними всё кончено...

Она заставила себя закрыть альбом и взять папку с документами из муниципального учреждения «Светлячок». «А вот и адрес...», – увидела она, но это был адрес лишь самого учреждения, а контактов и имени прежних родственников указано не было.

«... мало помнит о своей прошлой жизни... Возможны проблемы с памятью, рекомендуется медицинское обследование...», – прочла она дальше в отчёте, приложенном к документу о приёме Жанны Белозёрской в детский дом. «Надо же... Никогда на память не жаловалась!», – удивилась она и, отобрав несколько документов, спрятала остальное обратно.

Ехать сегодня было уже поздно, и она с удовольствием отложила поездку, надеясь к утру немного собраться с мыслями. Правда, это не удалось – всё это время Жанну снова мучил вопрос: нужно ли поднимать пыль времени и искать родственников? Она ведь и так знала, что они жили в другом мире, том, что она нашла в конце весны... Всё же, когда настал новый день, принятого решения она не изменила и отправилась прямо по адресу «Светлячка».

Пройдя через калитку во двор трёхэтажного здания, она поняла, что не чувствует ничего: точно также спокойно она ходит по улицам, заходит в общественные места, видит незнакомых людей... Ничто не отозвалось ей, будто она вовсе никогда здесь не бывала. Только шум ребятни – сначала на улице, потом и в здании, – напомнил кое-что, но это были лишь воспоминания об играх во дворе её дома и о школьных переменах.

Найдя кабинет директора, она осторожно постучала и заглянула внутрь. За столом, заполненным бумагами, сидела пожилая женщина.

– Вы кто? Новая воспитательница? – жёстким голосом, совсем не подходящим её округлой внешности, спросила та и даже подалась вперёд, чтобы впиться в кандидата острым взглядом.

– Нет, я сама по себе, – ответила Жанна, надеясь, что та смягчит взор, от которого становилось неуютно. – Меня удочерила приёмная семья, когда мне было пять, а до этого я жила здесь. Вот мои документы – хочу найти тех, кто меня сюда отдал, настоящих родственников...

Директор пролистала документы.

– Семья хоть хорошая попалась?

– Да, очень, – сглотнула Жанна подступивший к горлу комок. – Но кровных тоже хочется найти...

– Понимаю. Родственники – это чем их больше, тем лучше, – кивнула та и поднялась.

Дойдя до двери, она оглянулась на следящую за ней взглядом Жанну.

– Чего стоишь? За мной иди! – посмотрим в архиве.

Та послушно пошла. Она уже не обращала внимания на её грубоватый голос и думала только о том, что настанет момент, когда она точно выяснит, будет ли шанс отыскать в этом мире кого-то из членов семьи, или уже нет. В её документах адресов и имён прописано не было, а найдутся ли они в архиве, она не знала, но это была её единственная возможность хоть что-то узнать.

Директор неторопливо открыла запертый на ключ кабинет. Внутри помещение немного походило на библиотеку – у стен стояли невысокие шкафы с картотекой. Она ещё раз взглянула на документы, что дала ей Жанна, и отыскивала букву «Б».

– Белозёрская... Жанна. Карточка есть, а архив сейчас посмотрим, – произнесла она.

Жанна промолчала, поняв, что ответ не требуется, и продолжала терпеливо наблюдать, как неспешно та подходит к шкафу, сплошь уставленному толстыми папками.

– Вот и документы приёма, – отыскивала она нужную по жирному номеру на боку. – Сейчас посмотрим, кто тебя привёл...

Спокойно присела она за стол и открыла папку. Медленно она водила пальцем по бумаге, переворачивая лист за листом, а Жанну внутри всю как будто жгло от нетерпения и ожидания.

– Нашла, вот здесь... – наконец, произнесла та и подняла голову. – Что-то у тебя щёки горят. Любимый вспоминает, а?

Жанна заставила себя улыбнуться директрисе, не знающей о беспощадности своей шутки, и подошла к столу, чтобы склониться над открытым листом.

– Вот тут... – снова провела та невыносимо медленным пальцем по бумаге. – Игнатьевский район, село Часовщики, улица Узловая, 17, Белозёрская Галина Викторовна.

– А это что? – ткнула Жанна пальцем в странные даты.

– Это значит, повезло тебе! – спустя всего лишь месяц тебя семья новая и наша!

Жанну немного резануло слово «повезло», но она кивнула, соглашаясь, и, торопливо переписав данные, перепроверила, чтобы не допустить ошибок; а после покинула «Светлячок».

Ей было радостно, когда она шла домой – в сумке её был листок с адресом, словно напоминание о ещё одном доме, где, возможно, она тоже когда-то жила, и оттого всё казалось радужным. На неё нахлынуло даже какое-то воодушевление, так что хотелось прямо сейчас же туда отправиться – в село с незамысловатым названием Часовщики. Но в ближайшие дни она должна была работать, и поездка откладывалась.

А когда она вернулась домой, в ней не осталось уже ни недавнего довольства, ни какого-то спокойствия... Поразмыслив, она поняла, что всё складывается не так, как ей мечталось: она ведь думала, что поход к приёмным родителям откроет завесу её прошлой жизни, расскажет что-нибудь о настоящей родне, и что эта информация поможет открыть дверь в тот мир, куда она хочет вернуться. Но она посетила их – и получила лишь адрес учреждения, где её когда-то приютили; посетила учреждение – и снова в итоге у неё был только новый адрес и ничего иного, даже подтверждений, что кто-то или что-то всё-таки осталось в том селе.

То, что в документах было указано такое имя – Галина Викторовна, её не смутило: она сразу вспомнила, что «Галина» было написано и на одной из фотографий бабки Гвенды. Тем более не казалось странным и название выбранного ею для жизни села: Часовщики.

Снова повертев в руках часы, которые раньше хранились в коробке с вещами Гвенды, Жанна сравнила время с тем, что было на других. Но часы-двойники держались на той же дистанции и продолжали спешить, и она со вздохом поставила их на место.

Документы, полученные от приёмных родителей, она упрятала обратно в коробку. Она не хотела больше туда заглядывать – внутри не было ни одной её игрушки, ни одного лишнего предмета, который они могли бы сохранить в память о ней, ничего личного, интересного, кроме...

«А что это?», – она недоверчиво потянула за блестящий краешек предмета, застрявшего между картонными слоями дна. С собой он напоминал ручку для письма, но совсем не такую, какой была та, с головой дракона. Эта была явно металлической, гладкой и такой блестящей, как будто только что была отмыта и вычищена. При этом она казалась очень лёгкой, почти невесомой, и было сразу ясно, что внутренний стержень можно менять – он просто вытаскивался за чернильную головку и менялся на другой или, возможно, заливался свежими чернилами.

Жанна долго вертела её в руках, пытаясь разгадать, есть ли на ней чьё-нибудь изображение. Но рисунок, если по задумке мастера и присутствовал, был таким абстрактным, что она видела лишь линии, которые по кругу опоясывали площадь ручки сверху вниз волнами.

Она была холодной. И вскоре Жанна заметила, что холод этот, даже после нахождения в её руках, не уменьшился, и ей стало некомфортно. Осторожно положив эту ручку в нижний ящик стола, из среднего она достала ту, с драконом. Эта была совсем другой – какой-то тёплой; или, может, так лишь казалось из-за тёмно-коричневого тёплого цвета, или потому, что на ней был дракон, всегда связанный с огнём...

В другой комнате раздался звук. Жанна сначала дёрнулась, но тут же поняла, что это не будильник, а сотовый, и, неторопливо положив ручку на место, пошла к нему.

На линии была Марина. Говорить с ней не хотелось, и это состояние сомнения, когда ты не знаешь, отвечать на звонок или нет, было для Жанны странным. Она никогда не сомневалась в таких вещах: звонят – нужно брать трубку; не звонят – если надо, звони сама, если не надо – не звони. На все прямые вопросы были прямые ответы. Но после посещения *того* мира, она уже не понимала, что с ней происходит. В её мыслительных процессах как будто сломалась старая шестерёнка или завелась новая, которая меняла привычный и единственно верный, определённый путь механизма. И теперь, когда на дисплее перед ней высветилось имя бывшей коллеги, она несколько очень длинных секунд размышляла: а стоит ли отвечать на звонок?..

Всё же прошлые привычки взяли верх над нежеланием общаться с тем, с кем общаться, казалось, было не о чем, и она нехотя провела пальцем по экрану.

– Ну, привет! – голос Марины был слишком радостным. Она явно была чем-то взбудоражена.

– Привет, Марин! Хочешь пригласить меня погулять, в кафе?.. – нерешительно уточнила Жанна, вспомнив, что бывшая подруга раньше только это и предлагала.

– Не, нет... – чуть не поперхнулась та. – У меня к тебе дело есть. Тебе ведь нужны деньги?

«Хочет предложить работу?..», – задумалась Жанна: теперь, когда у неё уже была подработка, оставалось только отказаться, но она тут же подумала, что лишние деньги бы ей не помешали.

– А что нужно делать?

– Ничего, просто сдай мне комнату!

– Тебе негде жить? – удивилась она.

Марина помолчала, подбирая слова, чтобы не сболтнуть лишнего, но ей это не особо удалось, и она продолжила, не скрывая радости:

– Представляешь, я познакомилась с таким мужчиной!.. Это просто судьба! Я знаю – это мой человек; такой красивый, такой душа...

– А причём тут я? – не дослушав, спросила Жанна. Внутри неё снова закипели страсти – она вспомнила тот вечер на набережной и серые глаза Аллена, и на её душу будто плеснули кипятка.

– Он приехал из другого города, и ему нужна на время квартира или комната, – немного оскорблённо из-за того, что её перебили, ответила Марина. – И в этом районе ему удобнее всего, а здесь из моих знакомых только у тебя есть свободная комната.

– А у себя почему место ему не предложишь?

– У меня хозяйка не разрешит. Да и... Я предлагала, а он, как это... Сказал, что слишком меня уважает, чтобы вот так сразу после знакомства переезжать ко мне, – замялась она.

– Понятно. Но, пожалуй, и я не смогу сдать.

– Да что ты?! Я уже сказала ему, что ты согласна!

– Но ведь меня ты только сейчас спрашиваешь...

– А ты согласишься! Я тебе по-дружески помочь хотела – ты говорила, у тебя денег нет, а теперь так легко от них отказываешься! Он же немало заплатит, а тебе за это даже работать не придётся, деньги просто так возьмёшь!

Она даже назвала сумму чуть больше той, что изначально собиралась отсчитать из тех денег, которые новый знакомый уже дал ей для оплаты. Но Жанна всё сомневалась, пытаясь понять, как же поступить. Комнату сдавать она не желала, и не потому, что в квартире было что-то ценное – просто она привыкла жить одна и не могла представить, каково это: когда рядом будет находиться чужой незнакомый человек. При этом он будет пользоваться её жилплощадью, а вся ответственность за данное место всё равно останется на ней самой, что бы он ни натворил... Но и вопрос денег мучил её тоже. Конечно, она надеялась, что село, где жила бабка Гвенда, будет последним пунктом в её поисках, и она сразу сумеет вернуться обратно, в свой дом, где не будет ни в чём нуждаться. Но всё могло сложиться и по-другому, и она это понимала. Несмотря на свою надежду и даже веру, что указанное в документах имя Галины Викторовны Белозёрской является именем в этом мире бабки Гвенды, она не отбрасывала мысль, что это может быть и не так. И тогда никто больше в этом мире не расскажет о её прошлой жизни, о её настоящей кровной семье, никто не сумеет помочь вернуться в тот, второй, мир. И, конечно, в этом случае ей бы оченьгодились любые деньги, да и работу пришлось бы сменить на более оплачиваемую...

«Но только, когда не будет надежды...», – отметила она про себя напоследок и, наконец, перебила излишняя Марины, которая не прекращала взывать к её алчности.

– Убедила, мне действительно нужны деньги! Только вот в конце недели мне надо уехать; пока не знаю, на сколько – может, на пару дней... Когда вернусь, тогда и смогу выпустить твоего приезжего.

– Через неделю?! – возмутилась та. – Да ты понимаешь, что он за это время просто найдёт какую-нибудь другую квартиру?!

Мысленно, конечно, она добавила, что тогда ей самой придётся возвращать полученную от него оплату. А ведь некоторую её часть она уже благополучно потратила, вовсе не предполагая, что Жанна решит отказаться...

– Ты запусти его сначала, а потом и езжай, куда хочешь!

Она продолжала настаивать, но Жанна не соглашалась. Она *должна* была отправиться в село!

Марина раздражённо бросила трубку, а Жанна снова удивилась самой себе – ей было почти *спокойно*. А ведь раньше она и позавидовала бы подруге, что та нашла *своего мужчину*, и порадовалась бы вместе с ней, что можно вот так, не работая, сдать комнату и получить денег, и даже поругалась бы, если бы в беседе они зашли в тупик, как сейчас... Но теперь ничего этого не было. Внутри неё было вполне спокойно, будто весь прошедший разговор прошёл на нейтральные темы, нисколько её не задевающие.

«Больше она никогда мне не позвонит!», – почему-то усмехнулась она и снова задумалась: было ли это приятным или неприятным, или каким-то ещё? Или даже то, что она вот на таких раздражённых нотах, – хоть и не со своей стороны, – закончила разговор с тем, кого в недавнем прошлом считала подругой, теперь уже не имело никакого значения?

«А если бы это была Мари?», – вдруг подумала она и тут же грустно вздохнула: «Ах, *если бы* это была Мари!...».

Марина действительно больше не звонила, видимо, весьма обидевшись на её несговорчивость, но всё же недолго – через два дня на телефоне Жанны снова нарисовался знакомый номер.

– Да, привет? – осторожно произнесла Жанна в сотовый, уже на своём рабочем месте, не зная, чего ждать от этого звонка.

Но та снова была в очень хорошем настроении, и даже через трубку было слышно, как она довольна.

– Я договорилась! Он согласен подождать, пока ты вернёшься. Нашёл, где пожить несколько дней, в другом районе... Но ты уж не подведи!

– Что ж... – аргументов в противовес на ум не приходило, и Жанна нерешительно согласилась. У неё ещё оставалось какое-то сомнение, но она всё же пообещала, что сразу позвонит, когда вернётся обратно после поездки.

«Ну, если что, скажу, что обстоятельства изменились и комнату сдать не смогу...», – подумала она, что при желании ещё сумеет отказаться, но тем же вечером Марина этот её план подпортила, без предупреждения заявившись к ней домой.

– Я оплату принесла, – прямо с порога, запыхавшись, объявила она и протянула деньги – гораздо больше нынешней зарплаты Жанны за целый месяц. И, не удержавшись, вытащила прямо из её рук пару купюр, мысленно добавив их к тем, которыми уже успела раньше вознаградить себя за заслуги, – только возьму чуть-чуть себе, если ты не против, ну, за посредничество...

Жанна несмело усмехнулась, думая о своём: конечно, деньги – это было хорошо, но она до сих пор не знала, правильно ли поступает, принимая их сейчас... Ведь если бы она сразу же из села Часовщики, куда собиралась съездить в ближайшее время, переместилась бы в тот, другой, мир, то никакого постояльца и быть бы в её квартире не могло!.. И всё же, глядя на купюры в своей руке, она вдруг поняла одну неприятную жгучую мысль – она, похоже, просто не слишком верит в то, что поездка в село ей поможет...

Рабочие дни пролетели быстро и интересно – вместо ожидания читателей на месте библиотекаря Жанна помогала разбирать и переписывать книги. Какие-то были ей знакомы, в основном из детства и школьной программы, а какие-то она видела впервые и, открывая их, просматривая картинки и тексты, ощущала неведомое раньше чувство – прикосновение к чему-то новому, к миру букв и слов. Они открывались перед ней заново, будто она никогда раньше и не знала, что это такое, и рождали в ней новый интерес и мысли.

Когда же в один из дней выяснилось, что Ивану нужно взять выходной, Жанна тут же предложила его подменить, без дополнительной оплаты; а после и в свой выходной вышла на работу...

Конечно, ей не хотелось разбираться с собственными чувствами, размышлять, почему она так поступила – снова отложила поездку в село, решив, что нужно работать... Гораздо приятней было думать, что она сделала это из добрых побуждений, чтобы помочь Ивану. На самом же деле ею двигал огромный страх – слишком страшно было отправиться в это село, в то место, которое могло сдёрнуть тёмное покрывало незнания и залить светом её прошлое. Она не могла быть уверена, что сумеет потом спрятаться от этого света, если захочется расслабить глаза от его резкости, что сможет сбежать от полученного знания, если оно не принесёт ей радости... Нет, она боялась об этом даже думать! И самым простым и безопасным было отодвинуть, пока возможно, этот момент подальше, забыться, забыться и не вспоминать о том, что может произойти!..

Она отработала за Ивана ещё день, пытаясь забыть свои проблемы и страхи. Но мысли всё равно точили напряжённый, возбуждённый мозг, и когда настал тот день, в который она уже не могла, не вызывая лишних вопросов удивлённых коллег, прибежать на работу, объясняя это тем, что резко захотелось поработать в свой выходной, хотя из-за количества выходных она на эту работу и устроилась, когда настал этот день, ей пришлось взять себя в руки.

Глава 4

Подойдя утром к зеркалу, чтобы привести себя в порядок перед поездкой, Жанна ужаснулась: она так осунулась за эту единственную ночь, будто у неё много часов болела голова и теперь она измождена этой болью. Но никаких признаков болезни не было, только в глазах был страх.

Она очень медленно собралась. Уложила с собой некоторые документы и несколько детских фотографий; правда, после, передумав, сунула все фотоснимки – и полученные от приёмных родителей, и те, что были в коробке бабки Гвенды, – обратно в альбом, чтобы взять его с собой целиком.

Присев перед дорогой, она огляделась. На столе всё также стояли часы. Она подскочила и поспешила их убрать – спрятала под подушку, будто там они были в большей безопасности. Всё ещё беспокоясь, она походила по комнатам, проверяя всё, и это было странно – она ведь собиралась уехать ненадолго: село Часовщики находилось в нескольких часах езды от города, и она планировала в этот же день, ближе к ночи, вернуться домой. Но ей так сильно уже не хотелось никуда ехать, что она мучилась попытками хоть на что-нибудь ещё обратить своё внимание! А время двигалось своим ходом, не обращая внимания на её проблемы, и вскоре ей позвонил таксист. Это был знакомый, Константин, – раньше он много раз привозил её домой с вечеринок, и спокойно в дальнейшем село ехать она могла только с ним. Уже почти полчаса он ждал во дворе, когда она спустится, и, скрепя сердце, ей всё-таки пришлось выйти.

Пока он выруливал с дворовой территории, Жанна пыталась закрепить ремень. Тот долго не поддавался и, только когда Костя стал обращать внимание на её странные попытки пристегнуться, ей, наконец, это удалось. Немного блекло улыбнулась она в ответ на вопрос, в порядке ли она, и такси двинулось вперёд полным ходом.

Ехали они несколько часов. И всё это время у Жанны в желудке было странное ощущение пустоты и чего-то сосущего, какого-то гнёта. Есть при этом не хотелось, но было очень некомфортно, так, что она даже пару раз подумала, что ненароком чем-нибудь отравилась. Правда, она сразу же вспоминала, что в последнее время кушала лишь домашнюю пищу, которую готовила сама, и отравиться было нечем.

«А ведь было время, когда я ела только в кафе...», – подумала она немного отрешённо. Если бы она размышляла об этом год назад, то очень бы испугалась тому, что сейчас не имеет финансов посещать кафе и покупать готовую еду – отсутствие таких возможностей в то время казалось ей признаком и бедности, и даже какой-то отсталости в современном мире. А теперь, когда она пожила в собственном доме и почти каждый день ела домашнюю еду, она поняла, что это очень вкусно. Это была еда, приготовленная с душой и любовью, и удовольствием. Особенно та, что готовила Мари...

Поля и леса пробежали за чуть приоткрытым окном, откуда веяло холодом. Вокруг было жухло, некоторые деревья стояли уже полностью пустые, без листочка, и только ёлки немного разбавляли появившийся среди голых веток простор.

«Глухомань...», – грустно ёкнуло внутри Жанны. Здесь было пусто, тихо и глухо. Никого и быть здесь не могло. «Неужели где-то там есть ещё люди?», – меланхолично подумала она. Когда живёшь в городе, кажется, что так везде – везде шумно,людно; но стоит лишь выехать за черту благоустроенного города, проехать несколько посёлков и

деревень, и дальше – пустота и тишина, и только асфальтированная дорога говорит, что и здесь тоже есть цивилизация...

Вскоре и дорога сменила внешний вид, превратившись в пыльную поселковую, кое-где каменистую и весьма заросшую, когда они свернули с главной линии и покатались между лысыми деревьями. Впереди должны были быть Часовщики.

Местность удручала.

Жанна зябко поёжилась и поплотнее намотала на шею шарф.

– Холодно? Ты окно-то прикрой, – усмехнулся Костя, но она покачала головой.

– Ничего, зато так свежо.

Ей было душно, будто не хватало простора. А ещё хотелось выскочить из машины и броситься бежать – но не вперёд, а в обратную сторону...

– Приехали... Куда дальше-то?

Не слыша ответа, Костя затормозил прямо на дороге. Бояться, что он помешает какому-нибудь транспорту, было глупо – они давно уже не встречали по пути машин.

Впереди виднелись дома, а точнее, то, что от них осталось.

– Куда теперь-то? – повторил он, видя, что Жанна молчит.

А ей было очень страшно, и она никак не могла решиться! Мало того, что, очевидно, сюда редко заезжали со стороны – дорога была слишком уж запущена, – так похоже было, что и людей, постоянно живущих здесь, тоже нет...

– Глухомань такая, – ещё раз, уже вслух, добавила она в ответ к своим мыслям. – Мне надо на улицу Узловую, дом 17.

Она вдруг полностью открыла окно и высунулась.

– Может, проще выйти и осмотреться? – усмехнулся Костя, но вот выходить она как раз и не желала.

Он медленно поехал вперёд, и вскоре стало ясно, что опасения Жанны по поводу полной безлюдности не оправдались: проехав несколько явно заброшенных участков, они увидели и жилые дома. Конечно, были и тут покосившиеся крыши, прогнившие заборы, но встречались и сносные виды. И люди, как оказалось, тут тоже живут – старик, заметив их, продолжал спокойно курить, сидя на ступеньках дома, и даже махнул им рукой.

Костя остановился, чтобы узнать у него дорогу к дому по Узловой, и тот подошёл ближе.

– А у вас табачку не найдётся? – спросил он, заглядывая внутрь кабины.

– Не курю... – немного виноватым голосом ответил таксист.

– А вы в гости, али как? – уточнил тот, сплёвывая табак.

– По делам, узнать кое-что нужно, – быстро ответила Жанна, не очень желая обсуждать эту тему.

– Это я чего... Вы б, как ещё сюда поедете, табачку али папиросок бы мне привезли, каких-нибудь подешевле... – ответил старичок и, объяснив, куда им ехать дальше, проводил отъезжающую машину долгим взглядом.

Они медленно двигались по улице. Людей здесь было больше, чем в начале села, – кто-то работал в огороде, кто-то просто сидел на лавочке; игрались дети. И некоторые дома были очень даже ничего, правда, по сравнению с теми, заброшенными, которые они проезжали вначале... И всё же сама Жанна никогда бы и подумать не могла, что в таких домах можно жить, что так кто-то живёт в этом мире. По телевизору, в кино она, конечно, многое видела, но ведь это была выдумка, фильм! А здесь оказывалось, что и в жизни бывают такие разрухи – но не сами по себе, а как настоящее окружение конкретных людей, постоянная составляющая их жизни...

– И без телефона, без интернета... – с каким-то ужасом бормотала она, вовсе забыв, что в том другом мире, где до сих пор стоит её дом, подобных изысков тоже нет. Но там это было не так заметно – может, потому что были другие важные и нужные вещи, интересные и необычные, которых она не видела здесь?..

– Разве тут можно жить? – вслух сказала она, обращаясь теперь к Косте. Он, мужчина, взрослый, сильный, умный, должен был дать её молодой голове серьёзный чёткий ответ – бывает ли такое, что она сейчас видит, или это только обман зрения?

– Как видишь... Жизнь вообще штука сложная, и у всех разная...

– А у тебя бензина хватит? – вдруг испугалась она. По пути она совсем не обращала внимания, была ли где-нибудь заправка, а перспектива остаться здесь дольше, чем нужно, теперь очень её страшила.

– Хватит, ещё запасная канистра есть, – терпеливо ответил он и многозначительно кивнул в сторону дома.

Добротная табличка на когда-то салатовом заборе говорила, что это была Узловая улица, 17, а за забором стоял небольшой домик с покосившейся дверью.

– Это здесь, да?.. – Жанна не знала, что ещё сказать, чтобы отдалить тот момент, когда нужно выйти из машины. Но тянуть время дольше было нечем, и, ещё чуть помедлив, она нехотя открыла дверь.

– С тобой сходить?

– Не нужно.

– И правильно – лучше послежу за машиной. А то, если деревенские мальчишки колесо проткнут, мы ещё долго отсюда не уедем, – ответил он, осматриваясь.

Замечание было верным – пока они неторопливо ехали по селу, вслед за ними собралась целая группа ребятишек. Автомобиль остановился, и они окружили его и весьма шумно теперь разглядывали – и транспорт, и девушку, которая стеснительно вышла наружу и нерешительно направилась к старому дому.

Медленно, нервничая, она ступила за калитку и огляделась. И ей стало очень грустно – тут явно давно уже никто не жил; всё было в запустении и одиночестве.

Правда, сам дом казался не таким разрушенным, как те развалины, которые встретились им в начале села. Его даже можно было бы назвать приятным, если б он не выглядел слишком дряхлым, будто уже отслужившим верную службу всем поколениям своих хозяев.

На двери висел замок. Ключей у Жанны не было, но сейчас её, занятую совсем другими мыслями, это не смутило – она собиралась посильнее дёрнуть за ручку, рассчитывая, что дряблое дерево сразу сдаст свои позиции. Всё же, передумав, она решила для начала проверить другой вариант – и, приподняв маленький грязный коврик, скрученный из когда-то разноцветных лоскутков, действительно нашла ключ.

Дверь была очень лёгкой, будто была напитана воздухом, и отворилась почти бесшумно. Жанна осторожно прошла внутрь – и замерла, затаив дыхание.

Внутри не было ничего.

«Как – ничего?..», – она растерянно прошла по всему дому. Но тут действительно не было ни одного предмета – ни для бытовых нужд, ни чего-то личного, способного рассказать что-нибудь о его владельце. Комнат было две, и в одной из них нашлась только огромная печь у стены. И даже у неё не хватало заслона и кочерги, будто все предметы подчистую вытрясло отсюда ураганом!

Жанна спешно вышла наружу – находиться в этом доме было не только бессмысленно, но и совсем не приятно: было пусто так, что это давило на душу, и она торопливо закрыла за собой дверь, словно ограждаясь от увиденного. Рядом стояла небольшая наклоненная

скамейка со съеденным временем краем. Она была грязная, и садиться на неё не хотелось, и Жанна встала рядом, пытаясь отдышаться.

Успокоив возбуждённый взгляд простором двора, она снова упрямо посмотрела на дом – сдаваться вот так просто не хотелось, и она напрягла память.

И снова – ничего! Ни один кусочек какого-нибудь воспоминания не возник в голове, намекая, что она уже видела его, ни одна клетка не дрогнула, говоря, что Жанна когда-то тоже жила в нём. Ничего! Кроме...

Она вытянула из кармана старую фотографию. В последние дни она носила её с собой везде, не вытаскивая, не расставаясь с ней, как с клочком памяти, ей не принадлежащим, но доказывающим, что когда-то и её – любили... Это было фото маленькой девочки на скамейке рядом с бабкой Гвендой. И скамейка, и дом, вне сомнения, были этими самыми, что стояли сейчас перед ней. Конечно, снимок был чёрно-белым, на пожелтевшей бумаге, а возраст ребёнка – так мал, что можно было бы усомниться в том, что это действительно Жанна. Но как раз в этом ей сомневаться не хотелось!

Она ещё раз оглядела двор, но и тут, снаружи, не было ничего примечательного, способного привлечь внимание или вызвать какие-нибудь мысли – любые: важные, простые, о прошлом или о том, что могло бы быть...

Вполне бесстрастно она вышла за калитку к дороге – без каких-нибудь нахлынувших эмоций, опасений или надежд. Всё было просто и понятно – если когда-нибудь здесь и жил человек, то это было очень давно. Похоже было, что её действительно переправили в этот мир, чтобы избавиться от неё, а потом тот, кто переправил, сам вернулся обратно или переехал в другое место...

У дороги она вдруг похолодела, резко забыв, о чем только что размышляла – всё потому, что ни машины, ни таксиста Кости тут не было! Растерявшись, она постояла на месте, а потом, не веря, пошла в ту сторону, откуда они прибыли. Было невероятно, что он мог здесь её бросить, мог не понять, что она вернётся, что её нужно будет везти обратно!..

«Наверняка, решил подождать меня у начала села... зачем-то...», – дрожа, успокаивала она себя, когда, пройдя пару домов, заметила на скамейке у забора со стороны дороги старушку.

Та приветливо покивала ей, и Жанна подошла ближе.

– А вы не видели, тут машина не проезжала?

– Проезжала, милая, проезжала. Да как! С таким шумом да грохотом, которых это село ещё не слышало!

– Это как?

– Да детвора понабилась внутрь, да визжит от восторга. Я им кричу: мол, вылезайте, буяны, чуть ли не на голову-то водителю сели... А он такой мне и говорит: это я, бабулечка, сам позвал их прокатиться... Чай, говорит, в селе-то вашем давно кони железные не ездили.

– Ясно, – Жанне аж полегчало. – Значит, скоро обратно приедет.

– Ну, скоро, не скоро, а тебя он здесь не оставит. Ты ведь этого испугалась, да? – закрихтела, смеясь, старушка.

Та смутилась.

– Да не робей так, не робей! Не понимаю, что ли, каково тут молоденькой-то... – старушка задумчиво поглядела по сторонам. – Разруха одна осталась... Скоро и нас, людей, здесь уж не будет – поразъехались, поуходили... Вот одна, считай, и сижу тут всё время. Следующий сосед лишь через три дома будет, а в этих домах – пусто, только ребятишки и играют. Малы ещё... И то – и их родители скоро уедут, заберут с собой. В города нынче все направились, в лесах-то делать нечего... Работа есть, а делать нечего...

Земли столько – не наработано, не пропахано, семян не насеяно, чтобы урожай был. А делать нечего... А сейчас ведь все как – *дело* ищут, чем занять себя – не знают. И чего им не хватает? Всё ведь тут есть... – задумчиво смотрела она на заросший кусок земли у противоположного дома.

– Я тоже здесь когда-то жила... – нерешительно сказала Жанна. – Но не помню этого – меня увезли.

– Где ж это? – удивилась та, внимательно всматриваясь в неё. – Не помню я тебя такую...

– А это давно было. Я на Узловой, 17 жила, с бабушкой.

– Это которая Галина? Неужто?!.. А я ж, милая моя, подруженькой-то её была... Прасковья моё имя, да ты, верно, не помнишь?!.. Ох, вот не чаяла, не гадала когда-нибудь тебя увидеть! У тебя имя такое было... Интересное, редкое... – она оживлённо потянула её за руку, чтобы девушка присела рядом.

– Жанна, – устроилась та на краешке скамьи.

– Вот, Жанночка... Надо же! Какая ты теперь! А ведь была – вот такая маленькая! – провела Прасковья рукой по воздуху. – Помню, помню Галину... Ох, сколько времени-то прошло уже... А я, видишь, всё тут, уж одна, а всё сижу... Как по-разному у всех бывает!.. У меня вот никого не осталось – да сама теперь на мир гляжу, а бывает и наоборот... Вот ты теперь тоже ведь – одна, да? Али помог кто? – она поглядела так лукаво, будто что-то знала и хотела услышать продолжение истории.

– Помог *в чём?* – напряглась Жанна, будто ей задавали загадку, на которую ей самой важно было найти ответ.

– Ну как же... Тебя же... В детский дом тебя отдали, чтобы там тебе помогли, – не выдержала старушка, не спуская с Жанны любопытных глаз.

Та помолчала.

– Ты не обижайся-то на старуху, – добавила, кряхтя и немного посмеиваясь, Прасковья, – людей-то тут мало, а новых ещё меньше приезжает. Только изредка машина подъезжает – в магазинчик наш продукты привозит да вещи кой-какие... А так ничего нового-то никто не услышит, не расскажет. Только у кого кошка окотилась или крыса завелась... А про Галечку я всё помню, всё... Мы ведь, знаешь, какие подруги-то были! Она как сюда приехала – дом, говорит, купила, – так мы и сдружились с ней, и с тобой... Ты вот не помнишь, а мы частенько вместе и чаёк попивали, и пироги пекли. И ты нам под ногами мешалась, всё помочь хотела. То палец в варенье засунешь, то к печке подбежишь... За тобой глаз да глаз нужен был! – засмеялась она. – А может, и сейчас – чайку пойдём попьем? Расскажешь мне, как ты, где...

– Наверное, не стоит, – замялась Жанна. Ей неловко было идти к кому-то домой, особенно в таком месте, но Прасковья замахала руками.

– Ни-ни, не отказывайся! Ублажь старость – когда ещё сюда человек приедет, да ещё знакомый?!.. Всё-таки, чай, не чужие...

«*Чужие...*», – мысленно отметила та, но удержалась и молча поднялась. Старушка вставала очень медленно и так же медленно направилась к дому, цепко схватившись за Жанину руку.

Внутри было не так, как в доме бабки Гвенды, но и совсем не так, как в доме Жанны в другом мире, или в доме Мари, или у Жана. Здесь было прибрано, насколько это было возможно, но дом нуждался в ремонте; доски скрипели, пол кое-где был разбит временем, на одной из стен жила плесень. Все вещи были старыми, заслонка от печи была нечищена так давно, что Жанна не сразу её и заметила, решив поначалу, что это гора сажи.

– Да, силы уже не те... – заметила Прасковья её взгляд. – Раньше, бывало, одно делаешь, другое, а то и несколько дел сразу! – руки-то горят, молодостью пышут... А теперь... Уж и до скамейки дойти нелегко.

Она налила слабый прозрачный чай в кружку с отколотым краем и придвинула к Жанне. Та из вежливости ухватилась за ручку, но пить не стала.

– Так говоришь, семья тебе хорошая досталась? – Прасковья смотрела внимательно, но Жанна её вопроса не поняла.

– Я же не говорила, что меня удочерили, – осторожно произнесла она. – Из детдома ведь не всех забирают...

– Но тебе же *повезло*? – кряхтя, засмеялась та.

Жанну снова неприятно резануло слово «повезло», как тогда, в кабинете директора «Светлячка».

– Вы что-то об этом знаете? – вопросом ответила она, теперь сама уже не отрывая от неё взгляда.

– Ну как... Когда Галина-то стара совсем стала – она ведь старше меня была, – так всё думала, что с тобой делать, как ты будешь дальше жить... Ну и семью тебе нашла – какие-то знакомые у неё были, согласные тебя взять, – Галина-то мне по секрету рассказала... Так что она за тебя-то и не беспокоилась, тосковала только очень, когда отдать тебя пришлось.

– А почему тогда я в детдоме была?

– Так это чтобы ты там немного бабушку-то забыла, а то всё никак расставаться не хотела! Чтобы проблем с тобой не было у новой семьи-то... Ну как они, хорошо с тобой обращались? Ты, я смотрю, красивая, ухоженная... И жених твой вон какой, с машиной...

– Это не жених, это водитель, просто знакомый.

– Ясно... – понимающе качнула старушка головой, и Жанна добавила, покраснев:

– У меня жених другой, лучше ещё! – ей было неловко от того, что решили, будто у неё не сложилось... – Значит, меня отдали в семью по договорённости? То есть бабушка специально так сделала, да?

– Ну да, ну да... А как же иначе-то о тебе позаботиться было? Других-то родственников у тебя тут нет.

– *Тут* – это?... – Жанна напряглась, не зная, как задать вопрос: не имеет ли старушка в виду именно *этот* мир – то есть, знает ли она о втором?

– Да нигде их у тебя нет, – качнув головой, ответила Прасковья; в глазах её появилась жалость, как будто очень её обеспокоило, что молодая девушка не всё понимает с первого раза, и та покраснела от смущения ещё больше.

Внезапно за окном раздался шум. В дверь тут же постучали и, не дожидаясь ответа, её сразу кто-то распахнул, впуская в комнату уличный холод. На порог забежал малец.

– Баб Прасковья, а у вас тут девушки нет? А, вот... А вас там молодой человек ищет! – запыхавшись, выпалил он.

– Ох, заговорила я тебя...

Жанна подскочила.

– Мальчик, скажи ему, что я сейчас приду!

Тот выскочил за дверь и во дворе послышался пронзительный крик: «Нашёл, она здесь!».

– Пойдёшь уже? Я провожу только до двери – уж холодно на улице.

Старушка укуталась в шаль и медленно направилась к выходу.

Жанна в это время быстро открыла свою сумку и достала кошелек. Там лежали чужие деньги – она ещё не успела решить, сдаст ли комнату или вернёт залог, и не могла считать

их своими, но сейчас ей хотелось хоть немного оставить здесь. «Тут они нужнее», – лихорадочно подумала она, вытаскивая почти всё. Она осторожно прикрыла купюры на столе кружкой и вышла вслед за старушкой.

Костя стоял у калитки. На дороге за ним был автомобиль, но потемнело уже так, что увидеть его очертания Жанна смогла лишь благодаря включённым фарами.

– Я иду! – крикнула она, и Костя, поняв, что приключения на сегодня окончены, наконец, сел на место.

– А почему в доме бабушки ничего нет? – ещё задержалась она у дверей Прасковьи.

– Так вещи все свои, что хотела тебе оставить, в коробки она сложила. Говорила, тебе их передадут. Видимо, семья та... А остальное – бытовые предметы там, посуда... – это всё уж соседи, мы то есть, и поразбирали... Ей-то оно уже не в надобность было... Али ошиблись?

– Нет-нет, всё верно! Это не нужно, – поспешила уверить её Жанна и, простившись, направилась к машине.

Напоследок она помахала ей рукой – та всё стояла у дверей и смотрела в их сторону.

Костя нажал педаль газа, и они медленно двинулись вперёд.

– Сейчас бы никого не задеть... – пробормотал он с досадой. Вокруг была тьма, а под колёсами – сложная дырявая дорога, на которую приходилось всё время смотреть, чтобы не въехать в какую-нибудь яму, и он опасался в этой темноте не заметить какого-нибудь зазевавшегося жителя.

Жанна ещё оглядывалась по сторонам, пытаясь запомнить, как выглядит этот мир, но в быстро спустившейся мгле ничего нового разглядеть не удалось.

Через очень длинный час они выехали на более-менее сносный участок, где точно не было никаких жилых домов и можно было не бояться встретить пешеходов.

– Долго же ты беседовала, – заметил Костя.

– Здесь просто быстро темнеет.

– И то верно! Быстро... И растут мальчишки быстро. Они тут шустрые, любопытные... Эх, нелегко им будет лет так через десять!

– Почему это?

– Делать здесь нечего. Сейчас малые, играют... А взрослее станут – не будут же играть. А делать нечего. Загнется, завянет сила... Будут, как эти покосившиеся старые да гнилые дома: без времени высохли, а ведь их подмажь, подкрась – да пользуйся ещё пару десятков лет! Но никому не нужно, вот и пропадают... Узнала, что ли, что хотела? Как будто повеселела. А то туда ехали – бледная была, молчаливая, – посмотрел он на неё.

– Узнала. Не совсем то, что хотела, но... и это хорошо.

Она замолчала. Да, неожиданным было услышать, что её отдали в семью по договорённости. Но сейчас она думала совсем о другом – её *не бросили*. О ней действительно заботились, вспоминали, любили... Её любили. И больше ей ничего не было нужно.

Теперь она могла бы даже не искать иного – никакой информации, способной приоткрыть тайны прошлого, если бы не другая любовь – Аллен. Слишком сильно уж хотелось снова его увидеть, и потому нужно было бороться, нужно было искать, пока были хоть какие-то зацепки!..

К поздней ночи Жанна была дома, продрогшая и очень уставшая. И внутри, в душе, было пусто, как в том доме, где когда-то жила Гвенда...

Она улеглась в кровать и нащупала под подушкой часы – обе пары; она уже и забыла, что спрятала их здесь! Она вытащила их и поставила на место, и всмотрелась с тоской. Одни часы всё также спешили. Тикали они тихо и спокойно, размеренно, теплом

отзываясь в её душе, и она снова взяла их и сжала в руках. Она глядела на них, на отсвет в них то ли глаз, то ли ночной рубашки, на то, как не спеша и не останавливаясь, двигаются стрелки – одна, вторая, одна, вторая... Глаза её закрылись, и она не заметила, как уснула.

Она стояла на перепутье. Было холодно, и хотелось поплотнее укутаться в плащ, но его не было – она была в той самой серой кофте, которая тогда, в *том* мире, впервые показалась ей противной и слишком скучной. А вокруг лежал снег. С неба падали белые хлопья, слишком крупные для обычных снежинок. Ёжась от холода, Жанна всмотрелась в них и поняла, что это белеют книжные листы. Она нагнулась ближе к земле, где лежало уже много таких. Буквы в них таяли, но пару незнакомых слов она сумела заметить: *certum... finem...*

Резко подул ветер, и она подняла голову вверх, чтобы всмотреться в такое ледяное небо, что на миг ей показалось даже, что от холода у неё и волосы стали сосульками! Она потопталась немного на тающих листах и огляделась по сторонам.

Перед ней была дорога – сплошь усыпанная бумагой, будто распотрошили кучу книг. Листы были белыми, кое-где – жёлтыми. Но они не таяли, дорога была видна хорошо. А дальше, вдаль, казалось, будто спустилась темнота или спит тёмный город.

Позади себя Жанна увидела ещё один путь – там было бело так, что не оставалось никаких сомнений, что это лежал самый настоящий снег. Несмотря на это, оттуда, казалось, не веяло холодом. Но в эту белизну не очень хотелось идти, хоть там всё и было понятно: обычные деревья были укрыты снежным покровом, обычные снежинки падали с неба. Снег был не первозданной красоты – даже отсюда, издалека, было видно, что повсюду на нём много следов от обуви.

Слева и справа тоже были дороги, но они сейчас не привлекли её внимания. Быть может, это оттого, что так зацепил этот холод и тьма – Жанна видела и чувствовала их впереди, и это задевало её, подогревая интерес и любопытство. Ей было холодно, она ёжилась, но ещё сильнее хотелось узнать, почему под ногами тают книжные листы, как снег, и почему эти листы с печатными буквами ведут туда, вдаль, где уже не тают, а лежат, будто в ожидании, когда их прочтут?..

Она медленно сделала несколько шагов в ту сторону и остановилась; и, оглянувшись, заметила, что белый снег за спиной уже не так светится своей белизной, а словно погружён в небольшой мрак. Следы на нём темнели, их теперь было ещё больше, и это совсем не манило её назад.

Снова посмотрев вперёд, она увидела в той странной темноте, что ожидала там, какой-то блеск, будто вырвалось сияние из алмаза. Это так интриговало, так возбуждало любопытство, что Жанна почти забыла об окружающем холоде и о том, что на её плечи потихоньку спускается мгла, и уже немного давит своей силой, и заставляет ещё больше кутаться в эту тонкую кофточку, кутаться...

Она подскочила, как ужаленная, – услышав, как рядом вибрирует сотовый, спросонья она решила, что это долгожданный звон будильника! Но то была Марина, и Жанна, поняв это, не спешила поднимать трубку. В руке всё ещё были старинные часы, с которыми она заснула, и она очень осторожно поставила их на стол. Опустив взгляд на ноги, которые в чём-то путались, она увидела, что всю ночь пыталась кутаться в простыню. Из открытого окна невероятно дуло холодом.

Телефон зажужжал ещё раз, и она нехотя ответила на звонок.

– Ты говорила, через неделю сможешь сдать комнату моему мужчине. Всё готово, можно приводить? – Марина сразу поставила её перед фактом, что пора выполнять

обещанное, но той теперь и не пришло бы в голову отказаться – она прекрасно помнила, что отдала почти все полученные в залог деньги и возвращать их пока было нечем.

Но у неё ещё оставалось одно нерешённое дело, и она произнесла вслух, отвечая скорее собственным мыслям:

– Если всё пройдет нормально, можно будет вечером привести.

Она собиралась съездить к приёмным родителям – точнее, к тем людям, которые по просьбе бабки Гвенды взяли её на воспитание. Они знали Гвенду раньше, теперь она была в этом уверена и хотела вытрясти из них всю информацию, которую они скрывали!

– Что пройдет нормально? – не поняла Марина.

– Говорю, мне сегодня надо ещё уехать кое-куда, а вечером уже приводи.

Марина не очень довольна согласилась, и Жанна положила трубку.

Нужно было торопиться.

Она знала привычки своих родителей, и по обычному их дневному расписанию вполне могла через пару часов ещё застать их дома. Но как они жили теперь, когда у них был свой ребёнок, она не представляла. Вдруг они каждый день ходят в кафе или гуляют с малышом, или?..

Внезапно её охватила тревога. Нет, она не завидовала малышу, не ревновала его к людям, которых теперь точно ощущала, как чужих. Просто появилось странное чувство, что она может не успеть, что нужно бежать! Как тогда – на улице чужого города, в другом мире, когда нужно было торопиться, чтобы успеть пройти в дверь...

Она словно очнулась. Очень быстро собралась и вышла, даже не позавтракав и лишь на улице на ходу перекусив небольшим бутербродом.

У дома родителей кипел выходной день ноября – было прохладно, но светило солнце; во дворе шумели дети, взрослые сидели на скамейках, периодически поднимая от телефонов головы и всматриваясь в игровую площадку. Несколько старушек вышли просвежиться новым днём... Всё казалось обычным, но Жанну всё равно не покидала тревога.

Она взбежала по лестнице, не дожидаясь лифта. Дверь, как обычно, была закрыта; она нервно и очень длинно позвонила в звонок и через секунду повторила, едва удержавшись, чтобы в дополнение ещё не стукнуть кулаком.

Дверь распахнулась так быстро, что Жанна не успела отдышаться.

– Я уж думала... Зачем так звонить?! – рассердилась Вера Геннадьевна. Через секунду за её спиной появился ещё один человек.

«Отец...», – подумала Жанна, но вслух не произнесла. Она и раньше редко произносила это слово. Он мало проводил с ней времени, не очень любил выбирать подарки на дни рождения, оставляя заботу о ребёнке в основном матери.

– У меня остался последний вопрос, и я не уйду, пока не получу на него ответ! – выпалила она, на всякий случай схватившись рукой за открытую дверь.

Приёмные родители переглянулись.

Вера Геннадьевна недоуменно пожала плечами. Она, видимо, была так удивлена странной решимостью бывшей дочери, что даже не подумала её остановить, когда та прошла в коридор. Она закрыла за ней дверь и ещё раз посмотрела на мужа. В глазах обоих было непонимание.

– О, вот как... – медленно произнесла Жанна, оглядываясь в когда-то знакомой комнате.

Теперь здесь всё было не так даже по сравнению с прошлым разом – многих вещей уже не было, на полу стояли открытые коробки, откуда торчали какие-то – знакомые, какие-то – незнакомые ей предметы.

– Вы переезжаете... И далеко?

– В другой город, но тебе ведь это неважно, правда? Ты же знаешь, что мы не родные, мы говорили об этом. А мы должны жить, как нам хочется, – ответил Павел Антонович, подсев к жене на диван и приобняв её, чтобы немного успокоить.

– Пожалуй... Но мне было бы это неважно, если бы вы рассказали то, что знаете о моей настоящей семье! – вдруг с вызовом ответила Жанна. Она поняла одно: или ей сегодня всё расскажут, или она больше никогда не узнает свою правду на этой земле.

– Мы отдали всё, что у нас было для тебя. Мы не виноваты, что так сложилась твоя судьба. Ты должна быть благодарна, что мы тебя воспитали... – с упрёком сказала Вера Геннадьевна.

– А я и благодарна! – горячо перебила её Жанна. – Но скрывать информацию о моих родных – разве это не преступление?

– Да с чего ты взяла, что мы что-то скрываем?! – всплеснула та руками, а Павел Антонович аж подскочил с места.

– Я съездила в село, где жила моя настоящая бабушка. Почему вы никогда мне о ней не рассказывали?

– Да с чего ты взяла, что мы о ней знали? – возмутился он, но Жанна вдруг взвизгнула:

– Там ещё живут люди, которые знали Галину Викторовну и то, что она договорилась со своими знакомыми, чтобы они забрали меня к себе на воспитание! Я возила с собой фотографии, они узнали вас на снимках, потому что вы тоже как-то приезжали в село!

Она выпалила это наудачу. Она не знала точно, были ли её приёмные родители когда-нибудь в селе Часовщики или нет, но решила сыграть на этом, ведь прошло уже много лет и они могли попросту забыть... А их реакция была странной – они как-то скукожились, утихли, их уверенность в глазах угасла.

– Тогда ты всё равно должна быть нам благодарна, ведь мы воспитали тебя... – неуверенно повторила Вера, держась за руку мужа, который снова сел рядом.

– А я и благодарна, хоть вы в это и не верите! – возмутилась Жанна, видя, что они уже не отрицают, но всё равно не собираются говорить о её семье. – Мне просто нужно знать, кем были мои родные, почему оставили меня одну... Вы можете пролить свет на всё это, но даже не пытаетесь помочь!

Она расстроено махнула рукой. Вера Геннадьевна и Павел Антонович на миг резко пригнулись, будто опасаясь чего-то с её стороны, и она вдруг увидела их глаза – в них было опасение и какой-то страх. Она снова посмотрела на свои обычные ладони и внезапно поняла.

– Вы *знали*, что меня перевезли из другого мира? Что моя бабушка сначала жила в *том* мире? – медленно, едва ощущая движение своих губ, сказала она, резко уставившись на приёмных родителей.

Те снова переглянулись.

– Когда твоя мать погибла, всем было страшно... – тихо сказала Вера Геннадьевна, сжав руку мужа, который хотел было опровергнуть сказанные слова.

– Не верю!.. Вы – вы тоже жили в *том* мире? – изумилась та, внезапно увидев перед глазами свет.

Теперь всё вставало на свои места! Гвенда перебралась в этот мир с ними, а потом договорилась, чтобы они воспитали Жанну... «Но почему они всё это скрывали? Почему не сказали сразу?!.. Сказали бы, ага... – перебила она свои мысли, – чтобы их посчитали ненормальными...».

– Но почему вы не говорили этого, когда я просила – и в прошлый раз, и сегодня?

– Мы и подумать не могли, что ты про тот мир знаешь, – развела руками Вера Геннадьевна. – Бабка-то твоя нас увещевала, что заклятие на тебя наложила, чтобы ты подзабыла своё прошлое, а то ты всё оставлять её не хотела... Потом тебя в детдом отдали, чтобы только он и был в твоих воспоминаниях, без другого прошлого; а после мы тебя и забрали. Откуда ж тебе было про второй мир узнать...

– Да и думаешь, нам так приятно это вспоминать? – вдруг грубо добавил Павел. – Нам с Верой там не нравилось. Ма... магия, волшебство... Вся та чушь, о которой ты любила читать в детстве книжки и пересказывать их снова и снова, пока мы не завалили тебя учебной литературой, чтобы ты возненавидела чтение!.. Кому это надо? Зачем нужны такие сложности, когда есть простые миры, где всё понятно, логично и следует из одного в другое?

– Значит, вы из тех людей в том мире, кто никогда не колдовал... – поняла Жанна. Вера нехотя кивнула.

– Мы узнали, что одна из знакомых наших друзей – Гвенда, твоя бабка, – собирается переместиться в другой мир, где нет ничего подобного. И уговорили её перенести туда и нас, – добавила она, ища поддержки в глазах мужа.

– Да, сами-то мы не маги... А старуха-то не простая оказалась, – пообещала перенести нас, если мы потом поможем ей, выполним одно её желание. Какое желание-то у неё могло быть?! – продолжил Павел Антонович. – Мы и согласились. А она после как заявила: хочу, мол, чтобы вы девочку мою на воспитание взяли, вырастили, да семьёй ей стали хорошей! Мы были тебе хорошей семьёй? – он грубо уставился на Жанну. Она кивнула. – Так мы и квиты! Мы ничего не должны ни тебе, ни ей. Даже квартиру, что она тебе оставила, себе не взяли – всё, всё сделали, как обещали! Вещи её тебе перевезли. А теперь всё! – больше ничего тебе дать не можем! Ты уже взрослая, сама разберёшься, как жить. А наша жизнь теперь – только для нас, да, Вера?

Женщина кивнула. Она ещё опасливо поглядывала на Жанну, и та теперь понимала, почему...

– Но вы могли больше рассказать о моей семье, могли говорить мне о моих родных, вы ведь их знали...

– Не знали никого, кроме твоей бабки!

– А прабабку? Розу Нориевну? – ухватилась Жанна за новую мысль, но они недовольно переглянулись.

– Больше *никого*! – раздражённо повторил Павел.

– Про историю с твоей матерью нам рассказала Гвенда. Она боялась, что в том мире и с тобой может что-то случиться, и потому перебралась сюда, – ответила Вера.

– Вот тебе, кстати, и доказательство, что тот мир совсем не хорош! – добавил Павел Антонович.

– А вы знаете, как *туда* попасть? – Жанна задала главный вопрос, который её мучил. Если приёмные родители были из того мира, который нужно было найти, возможно, они имели представление, как туда вернуться. Не могло же быть такого, чтобы они ушли оттуда, даже не поинтересовавшись, как прийти обратно?..

– Не знаю и знать не хочу! – снова рявкнул Павел и уставился на бывшую дочь с возмущением, не понимая, как она может нести такую чушь. Вера отрицательно мотнула головой.

– Это правда? – ещё раз нерешительно спросила Жанна.

Но в голове её ответ уже был – они действительно *не знали*, как и куда нужно переместиться, что надо сделать, чтобы снова попасть в *тот* мир. Они всей душой не желали именно этого и боялись даже подумать о таком повороте событий!..

На миг она устало прислонилась к краю стола за своей спиной. В комнате стало тихо. Бывшие родители снова осторожно переглянулись, не зная, чего ещё от неё ждать, и подумывая, как бы уже выпроводить её из квартиры, но она сама, наконец, резко поднялась.

Она ещё раз оглядела их – сидящие на диване, держащие друг друга за руки, сейчас они казались такими напуганными – даже Павел Антонович, который во время всего разговора был так резок и зол... Теперь она ясно видела, что эта злость была лишь от страха. Похоже, они действительно ненавидели тот мир, в котором другие умели больше, чем они сами...

Она подняла скинутую на диван сумку и направилась ко входной двери. Напоследок оглянулась – за ней никого не было, родители всё ещё сидели в комнате и, видимо, провожать её не собирались.

– Прощайте! – громко произнесла Жанна и ушла.

С этим домом теперь точно всё было кончено.

Она вышла на улицу.

Было душно.

Она не могла сказать, что ощущала боль. Дул ветер – сильный и холодный, резкий и весьма колючий для кожи, и это притупляло остальные чувства, которые могли её сейчас бить. Но она чувствовала огромный неприятный комок в желудке, будто проглотила что-то большое и отвратительное, что-то, чего не должно было быть внутри неё. Это было мерзко, противно, от этого ощущения хотелось избавиться, чтобы ощутить хотя бы пустоту, хотя бы дикую пустоту от голода, которую всё же можно забить чем-нибудь иным – любой, хоть бесполезной, едой, – но не таким мучительным, как болезненные воспоминания! Но было душно до тошноты так, что не хотелось съесть даже кусочек любимого шоколада, который всегда был у неё с собой в сумке...

На улице она ненадолго остановилась. Да, она узнала всё, что хотела, хоть оно и было не таким, как она ждала! Но теперь она не могла понять другого: что же ей делать – она не знала, куда идти прямо сейчас, чтобы было не так душно, чтобы стало не так пусто в душе, в глубине, в сердце!.. Тускло она побрела, но не к остановке, а в другую сторону, куда вели ноги; шагала, не разбирая пути, пытаясь окружающим холодом поздней осени перебить этот чёрный осадок, который остался внутри от сгоревшего прошлого – от того самого, которое оказалось для неё не таким, каким она держала его в своей памяти все эти годы. Несколько часов она бесцельно бродила по улицам, не замечая холодного ветра, и только к вечеру вернулась в квартиру.

Оставив сумку в коридоре, она устало села на диван и внезапно ощутила, что та тяжесть, которая оглушила её днём, была не такой уж большой по сравнению с той, что навалилась на неё теперь! Она неимоверно устала и хотела сейчас лишь одного – залезть в горячую ванну с пеной и закрыть глаза; и так лежать, не думая ни о чём, не вспоминая, не чувствуя... Ванны бы согрела тело, глаза бы отдохнули в темноте под опущенными веками, голове было бы всё равно, что происходило этим днём, и, может быть, потом она даже бы задремала...

В дверь резко позвонили. Наверное, также резко и настойчиво, как несколько часов назад это делала сама Жанна у двери в свою бывшую квартиру.

Подходить не хотелось.

Звонок раздался снова, и снова... И с неприятным ощущением она припомнила, что недавно говорила по телефону с Мариной. Та спросила, когда она будет дома, а Жанна ответила, что через час-другой точно...

Мысленно проклиная всё на этом свете, очень медленно она подошла к двери, чтобы посмотреть в глазок, и убедилась – там действительно была Марина. И та была не одна.

Глава 5

Маринка счастливо улыбалась, будто не замечая настроения Жанны. И даже, казалось, наоборот: когда она увидела, как та вымучена, ей стало ещё приятнее – теперь можно было не волноваться и не ревновать своего друга к этой уставшей простушке!

Представив Жанне Андрея, она ушла довольная и уверенная, что можно спать спокойно: во-первых, дело было сделано – комнату тот получил, и за возврат ему денег можно было больше не беспокоиться; и, во-вторых, эта замученная бывшая коллега уж точно его у неё не уведёт! Судя по слишком утомлённому виду Жанны, она сегодня говорить с ним особо и не будет, а потом у неё будут обычные дни на новой работе, о которой она ей рассказывала. А сама Марина за это время успеет так охмурить молодого мужчину, что он и не подумает больше глядеть ни на кого другого!..

Пока она обдумывала такие приятные мысли, шагая домой, в коридоре Жанны произошла небольшая заминка: сначала она открыто уставилась на постояльца, не понимая, что происходит – в глазах у неё отчего-то стало мутиться, и она видела его как будто сквозь туман. Когда же в момент просветления она, наконец, на миг увидела его чётко, у неё мелькнула мысль, что она встречала его где-то и раньше. Но это было так мимолётно, что она не могла вспомнить, где именно... Ещё пару мгновений она недоуменно смотрела на него, но его силуэт продолжал расплываться перед её глазами, и она стесненно отвела взгляд, ощущая неловкость ситуации; правда, мельком она заметила, что сам Андрей продолжает пристально смотреть на неё. Ей даже показалось, что взгляд его что-то значит – что-то большее, чем простую попытку запомнить, как выглядит хозяйка квартиры. Но он отвернулся и оглядел коридор, и это странное ощущение прошло.

– Нормально? – спросила она, видя, что сам он говорить ничего не собирается.

Он коротко кивнул, очевидно, совсем не желая общаться, и лишь мельком скользнул по ней взглядом; и Жанна снова почувствовала нечто – что-то странное, чему она даже не могла подобрать названия: это было точно не опасение и не страх, и даже не подозрение чего-то; конечно, то была и не любовь, да и не обычная и вполне подошедшая бы к этому случаю симпатия к приятному человеку, интересному незнакомцу... И всё же взгляд его вызывал в ней какой-то отклик, что-то непонятное начинало двигаться в душе, задевать её, и объяснения этому не было.

Стараясь лишний раз не задерживать на постояльце взгляд, Жанна быстро показала ему комнату и, убедившись, что его всё устраивает, подошла к столу – она не вполне успела подготовиться к сегодняшнему приезду жильца, потому там всё ещё лежали бумаги, тетради и пара книг. Конечно, можно было бы и оставить их здесь, по крайней мере, до утра, но в детских тетрадях были те необычные записи – о действии разных растений, – и Жанна не хотела, чтобы их заметили.

Она сгребла листы в стопку и, вспомнив, быстро вытянула из среднего ящика стола ручку с драконом, надеясь, что Андрей действительно этого не заметил – когда она двинулась к двери, он спокойно рассматривал вид из окна. Правда, уже через секунду у неё появилось чёткое и очень сильное ощущение, что ей глядят прямо в спину тяжёлым пристальным взглядом.

Зайдя в свою, теперь единственную, комнату, Жанна оставила бумаги на тумбе, а необычную ручку сунула под кровать, где были уже припрятаны часы и компас – ей не

хотелось, чтобы, пройдя по коридору мимо случайно открытой двери, новый жилец увидел на её столе такие редкие старинные предметы. Ещё раз она попыталась вспомнить его лицо, что, впрочем, ей так и не удалось, и очень тихо, очень осторожно подошла к двери своей комнаты, чтобы аккуратно закрыть её на ключ. Тот поворачивался медленно, но даже этот тихий, едва слышимый скрежет, раздавшийся в этой новой тишине квартиры, непривычно разделенной на двоих, показался ей визгливым, кричащим о её беспокойстве... Провернув его, Жанна оставила его в замочной скважине. Конечно, когда-то она читала рассказ, в котором ключ, оставленный в замке, можно было достать с другой стороны – вытолкнув на подложенный под дверь лист бумаги и вытянув к себе. Но здесь свободного пространства между дверью и полом практически не было, да и Жанна совсем не предполагала, что новый знакомый решит ограбить её саму в её же комнате, пока она спит. Ей просто хотелось знать, что дверь закрыта и сама она прочно защищена даже от взгляда, тем более такого, до странности пристального...

Она огляделась. Снаружи давно было темно. Из чуть приоткрытого окна несло холодом, но она всё равно не стала его закрывать – после сегодняшнего сложного дня ей нужна была свежесть, а закрытая комната казалась душной, как та давняя и уже чужая квартира – из её прошлого, из детства...

Жанна устало опустилась на кровать. И ощутила вдруг, что на неё навалилась вся тяжесть мира... Поначалу, когда пришла Марина, когда нужно было показывать комнату постояльцу, она даже сумела забыть о том, что происходило этим днём и где она была. Но теперь, когда она осталась наедине с собой, ей стало так печально, что она вдруг вспомнила собак: тех, бездомных, которых иногда видела на улице зимой, – с такими глубокими грустными глазами, как будто они уже познали всю печаль мира и больше ни от кого не ждут никакой помощи. И вот теперь Жанна саму себя ощущала точно такой же собакой – изголодавшейся, осунувшейся, с грязной ободранной шерстью на обвисшей коже и не имеющей никакой надежды на чужую помощь. У неё не было даже слёз, настолько она выдохлась, настолько иссохли её эмоции.

Она понимала, что видела сегодня приёмных родителей в последний раз. «Наверняка, завтра у них будут уже и другие номера телефонов!..», – подумала она с горечью. Теперь она знала, что они никогда и не были её родителями – не хотели ими быть, не хотели брать на воспитание. У них была сделка, и это условие было для них пыткой и наказанием. Но ведь они-то об этом знали!.. А она жила во лжи все эти годы, верила, что её любят, надеялась, что растёт и ведёт себя так, как они хотят, и что оправдывает их ожидания! Надеялась, что её постоянное послушание поможет родителям больше любить её... Она не знала, что их ожидания невозможно было оправдать – для этого нужно было иметь другое прошлое! Но прошлое она сама не выбирала, как, впрочем, и свою судьбу.

Выключив верхний свет в комнате, Жанна оставила настольную лампу – она не любила засыпать при свете, но сегодня не хотелось видеть полную тьму; легла в кровать и закрыла глаза...

Через какое-то время она вновь открыла их, чтобы уткнуться в пространство комнаты, – сон не шёл к ней, и возбуждённый мозг настырно продолжал проматывать картинки прошедшего дня, будто не желая, чтобы она хоть что-то забыла из своей тоски. Она повернула голову, и взгляд упёрся в тумбу – там лежали тетради и книги. Дотянувшись, она взяла верхнюю и повернула обложкой к себе. Это было «Узелковое гадание».

Лениво Жанна переворачивала листы, пытаясь отыскать пару картинок, которые как-то в ней видела. Как вдруг захлопнула и всмотрелась в название загоревшимся взглядом.

– Узелковое гадание, – едва шевеля губами, по слогам прочитала она.

«Это которая жила на улице *Узловой*? Так мы с Галиной, бабкой-то твоей, подружками были...», – вспомнилось ей.

Резко сев на кровати, она стала лихорадочно пролистывать страницы. Но ничего подходящего не видела – все гадания были простыми: каким будет суженый, в какое время лучше поехать в путешествие, разрешится ли проблема... В этой тонкой книжке не было ни слова о том, как можно было бы отправиться в другой мир!

Она ещё раз перечитала первые страницы с общими рекомендациями и методикой гадания. Нужно было взять обыкновенную бечёвку и, концентрируясь на своих вопросах, с закрытыми глазами завязывать узелки. Каждый узелок, а точнее, узелковая фигура, которая получалась в конце, трактовалась, давая ответ на поставленный вначале вопрос.

Жанна подскочила. В тумбе уже несколько дней лежал клубок, за которым она специально ходила в хозяйственный магазин после того, как нашла в библиотеке эту книгу. Она достала его и ножницами отрезала длинный кусок бечёвки. Она не собиралась *гадать*, как было предложено в этой книге, но её вела надежда, что название этой попавшей к ней в руки книги не случайно оказалось созвучным с названием улицы, на которой жила её непростая бабушка. И она хотела сотворить с помощью этой методики и своих желаний своё собственное действие!

В соседней комнате послышался шум открываемых ящиков стола. Видимо, постоялец разбирал свои вещи из того небольшого и весьма старомодного чемоданчика, что был при нём. Но Жанну теперь его присутствие не беспокоило – у неё было слишком важное и интересное дело, которое так её вдохновило, что отвлечься на что-то другое сейчас было невозможно!

Вытащив из кармана кофты свой детский снимок с бабкой Гвендой у дома, она положила его на постель; осторожно уселась там же и аккуратно распрямила одеяло, чтобы было меньше складок. Дальше в ход пошёл отрезанный кусок бечёвки – она хотела выложить ею контур дома, символизируя этим тот дом, который был у неё во втором мире. Но для начала она решила сосредотачивать мысли на том, что этот контур станет для неё проходом в тот мир, к тому дому, который она имеет в виду; она не спешила и очень напрягалась, чтобы мысли её были только об этом.

Это было весьма сложно – не замечать окружающего мира, не думать о том, что за окном свистит ветер, не слышать шороха за дверью, не вспоминать ни капли из того, что происходило этим днём или прошедшими, или голоса людей и их слова, или... Ничего не должно было существовать в голове в этот момент, кроме ярого и очень ясного желания попасть в тот дом, пройти к нему, где бы он ни находился! Она видела его перед глазами, прощупывала мысленно каждый сантиметр его стен, видела отблески света на стекле каждого окна... Его атмосфера оживала в воспоминаниях, дом начинал дышать, двери его открывались...

Жанна фиксировала в виде узелков каждую новую весточку оттуда, каждый кусок внешнего вида дома или его внутреннего убранства. Какие-то узлы получались мелкими, она едва могла их нащупать, стараясь не открывать глаз, чтобы не перебить серию воспоминаний; другие были крупнее. Когда она мысленно описывала гостиную и кухню, новый узелок превратился в целый моточек, пока она всё нанизывала один узелок на другой, пытаясь использовать все детали, предоставленные щедрой памятью. Не зря же она провела столько часов в гостиной и так ярко запомнила свою кухню, где когда-то проплакала несколько дней, не зная, как достать еды!..

Вскоре тонкая нить была усыпана горошинами разной величины, а воспоминания Жанны иссякли. Она открыла глаза и критично уставилась на свою работу. Крупных узелков было очень мало, но она не собиралась ничего здесь трактовать, и работа эта была

проделана совсем не для того. К тому же, она была и не закончена, – и, ещё раз осторожно поправив немного съехавшее на край кровати одеяло, Жанна начала выкладывать на его поверхности рисунок дома. Она не была художницей и не особо бы вспомнила, как на самом деле должен выглядеть контур дома, если бы его не было перед глазами: в этом ей помогала фотография с бабушкой Гвендой – настоящее здание было перед ней, и она ловко и быстро разложила бечевку с узелками.

Теперь на её постели можно было прочесть символ дома. Очень осторожно она залезла под одеяло, следя, чтобы рисунок из коричневой нити на нём не нарушился; потом дотянулась до кнопки светильника и выключила свет. И закрыла глаза, рассчитывая, что теперь быстро заснёт, и надеясь, что проснётся она уже в том месте, откуда можно будет перейти во второй мир. В её комнате, наконец, воцарилась настоящая тишина.

И тишина эта была уже не такой активной, как это отмечал про себя недавно Андрей. Он был в своей комнате, но не спал и не разбирал свои вещи, как решила Жанна. В его пустом чемодане вообще не было никаких дорожных вещей!..

Почти всё это время он глядел на один предмет в своих руках. Не зря же он ощутил, что нужно заглянуть в ящик стола! – эта блестящая ручка была ему знакома, и, судя по всему, и ей эти твёрдые мужские руки были не чужими: она быстро нагрелась в его ладонях и словно ожила – по ней, беспрестанно извиваясь, бежали стальные волны, создавая безумно красивые отсветы в тёмной комнате и даже немного освещая её.

Всё же, несмотря на неожиданную встречу с ранее знакомым и явно дорогим ему предметом, взгляд Андрея оставался бесстрастным. Только когда периодически он поднимал голову и всматривался в стену, отделяющую его от комнаты Жанны, взор его менялся, становился слишком сосредоточенным. Это был глубокий и очень странный взгляд: какой-то особой злости или ненависти в нём не было, но было что-то другое – что-то сильное, непонятное и затаившееся очень глубоко, будто в чёрном омуте спрятался огромный живой клубок, готовый в любой момент резко выпустить все свои смертоносные щупальца.

Молодой человек методично следил за атмосферой смежной комнаты и отмечал все всплески эмоций, что были там, за стеной. Это казалось для него несложным, хотя, будь он немного меньше занят мыслями о своей основной цели, он бы отметил про себя, что причина столько хорошего обзора сейчас всего лишь кровная связь, а вовсе не какие-то его новые способности. Он никогда не был любителем прощупывать чужие эмоции, но тут читал их вполне открыто, будто перед ним была книга, правда, распахнутая на конкретной странице – перелистнуть её дальше или назад он не мог и мог только наблюдать вокруг Жанны существующее в этот момент волнение. Впрочем, не умел он и читать мысли, но и того, что видел теперь, ему было вполне достаточно – внутри помещения трепетала, бурлила энергия, и эмоции накалялись, придавая ей новые оттенки. Значило это лишь одно: девушка ещё не спит в своей колыбели и мает ночь, пытаясь наиграться верёвочкой и собственными воспоминаниями.

Андрей сосредоточенно глядел в стену, не видя её; убеждался, что ещё не время, и снова опускал голову, чтобы охладить взор стальным цветом давнего друга, которого он не видел уже много-много лет.

А потом вдруг стало тихо. Он резко поднял голову и прищурился. Ответ был ясен, но, не желая рисковать, ещё несколько минут в нетерпении он походил по комнате, а после опять устался в сторону стены и сосредоточился. Теперь он был уверен, и ошибки быть не могло – во второй комнате всё затихло: девушка спала.

Захватив небольшой старомодный чемоданчик с истёртыми краями, он вышел осторожно и направился прямо к смежной комнате. Та была не просто закрыта, но заперта

на ключ – он это знал, потому как сам мысленно предложил Жанне сделать это. Конечно, в таком тумане и беспокойстве, в котором она была в тот момент, она не поняла, что, повернув ключ в замке один раз, второй раз она провернула его в обратную сторону под действием чужого желания – Андрей как раз стоял в коридоре напротив её двери. И теперь та была открыта, но зато Жанна была уверена в том, что она защищена. И не ожидала вторжения...

Андрей осторожно отворил дверь. В комнате было темно. Он провёл рукой по воздуху; перед ним возник небольшой шар приглушённого света, и он подошёл к кровати.

Мельком взглянув на выложенный бечёвкой контур дома, долгим взглядом он посмотрел на Жанну: она безмятежно спала, не ожидая ничего опасного в своей квартире, в своей постели, за закрытой дверью. Её лицо было чисто, на нём уже не было видно печали, которая читалась в глазах ещё недавно. Прядь тёмных волос упала на лоб, и Андрей, не удержавшись, вдруг осторожно сдвинул их вбок, легонько коснувшись пальцем её кожи.

Он тут же отдернул палец, будто совершил преступление или ошибку. Его лицо ещё больше помрачнело, хотя казалось, что это уже невозможно. Он пристально взгляделся в Жанну, но она продолжала спать.

«Слишком беспечна...», – отметил он про себя. Он начинал чувствовать раздражение и понимал причину: он должен был *сразу же* выполнить то, для чего пришёл, для чего подверг себя риску, хоть и небольшому, посетив этот далеко не магический мир. Но вместо этого продолжал всматриваться в Жанну! Что-то тянуло к ней... Что-то, чего не было раньше ни в нём самом, ни в ком-то другом, кого он знал в своей жизни. Это было что-то иное – кровь словно закипала; горячая, она будто становилась всё гуще и продолжала свой закольцованный путь по телу, доставляя ему доселе неведомые ощущения какой-то новой полноты и силы.

Ему захотелось сесть рядом и не отрывать от неё взгляда, но, сдержавшись, он продолжал просто стоять и смотреть, размышляя о том, какой характер может быть у этой неизвестной ему девушки. Правда, как только она вздохнула и, чуть повернув лицо набок, подсунула под щеку ладонь, он очнулся.

Поспешно, но очень осторожно он раскрыл чемодан. Внутри лежали какие-то предметы, пара фигурных деревянных палок, несколько светящихся пакетов с порошком... Вытащив один из них, он открыл плотную застёжку и высыпал содержимое на ладонь. Порошок засветился ещё ярче, чем казалось в пакете, переливаясь всеми золотыми оттенками.

Склонившись над Жанной и сосредоточившись на ведомых только ему мыслях, Андрей осторожно посыпал её открытый лоб так, что получился странный символ, и после рассыпал немного светящегося порошка и по её голове. И, напоследок кинув на неё долгий пристальный взгляд, в котором не было ни вражды, ни любви, и было что-то странное и, похоже, непонятное и ему самому, вышел в коридор.

Стараясь не шуметь, он отворил входную дверь, за которой открылась тьма спящей лестничной площадки. Медленно провёл он пальцем вокруг себя, обрисовывая в пространстве прямоугольник – за рукой его по воздуху вилась горящая золотом линия, – а когда контур был очерчен, вошёл в проём и закрыл за собой открытую квартирную дверь.

Замок щёлкнул, запирая её. А самого Андрея на лестничной площадке уже не было.

Глава 6

Жанна, не подозревая, что постоялец покинул квартиру, спокойно спала в своей кровати. На лбу её светился необычный знак, но был таким невесомым, что она никогда бы его не почувствовала! А при свете дня даже бы и не заметила: сиянье золотых частиц сливалось с солнечным светом и будто переставало существовать само по себе. Поэтому, снова шагая по улице и иногда заглядывая в зеркальные витрины, она не видела ничего необычного. Впрочем, особо рассматривать витрины ей сегодня не хотелось – она спешила.

Сон, эта знакомая улица появились недавно – ещё пару мгновений назад она не ведала ничего, не могла думать и осознавать, что спит, перед её внутренним взором была только шёлковая темнота, которую дарует глубокая ночь. А теперь всё снова ожило, и сон, появившись, снова расцвел её внутренний мир разными красками.

Перед ней была дорога. Она тянулась далеко вперёд, но это была обычная улица, а ещё не та, не центральная, на которой стоит много зданий, и большая часть из них – старинные, построенные ещё несколько столетий назад. Жанна шла мимо, не обращая внимания на манящие, кое-где вычурные, дорогие вывески магазинов, которых здесь было много, хотя раньше с удовольствием их рассматривала. Тогда ей представлялось, как здорово было бы иметь столько денег, чтобы можно было покупать, что только вздумается, и она жадно глядела в витрины, где холодные статуи-манекены бесстрастно носили всё, что желалось иметь ей самой. Но теперь ничего этого ей не хотелось, и она просто шла вперёд. Она торопилась: она помнила, что в таком сне может найти дверь в помещение с проводником, и поначалу очень радовалась, что за свои старания, – за выложенный узелками контур дома, – наконец, получит положенную награду!.. Но она шла и шла – и даже быстрее, чем обычно, – а центральная улица всё не появлялась, и вскоре Жанна даже стала подумывать, что перепутала дорогу... Эта мысль была неприятной, как, впрочем, и то и дело возникающие у неё ощущения: в глазах её иногда было мутновато, словно их накрывало пеленой... Она особо не удивлялась, помня, что и постояльца она встречала также: тогда глаза тоже смотрели будто сквозь туман, и она никак не могла сосредоточить на новом знакомом острый взгляд, и была уверена, что это всё от усталости, тем более, что день этот, да и вся последняя неделя, были для неё тяжёлыми.

«Ох! А как же часы?!», – внезапно вспомнила она, что оба будильника в эту ночь были под кроватью. Она даже остановилась и осмотрела себя: и руки, и карманы были пусты, часов у неё с собой точно не было. Тут она вдруг очень удивилась новой мысли и осмотрела себя ещё внимательнее, а потом огляделась, чтобы ещё раз осмотреть окружающий мир. Как ни странно, вокруг было всё, как обычно – обычный день, вот только *летний*, а не ноябрьский, и сама она была без пальто, в той же кофте, в которой провела весь прошедший день. Было тепло и душновато: казалось, скоро должен начаться дождь. И, конечно, зонтик она с собой не брала! Правда, это огорчило её не так сильно, как отсутствие часов, – она ведь рассчитывала, что идёт прямо к старинному зданию и что там будет долгожданная дверь, через которую она перейдёт во второй мир, где у неё дом. Теперь же получалось, что обратно она вернуться не сможет, потому что будильник она с собой не взяла, а самостоятельно находить проходы не умеет.

«А может, получится и контур квартиры очертить узелками? Тогда вернусь за часами, а потом таким же способом снова обратно с ними...», – подумала она, нерешительно водя носком туфли по тротуару.

Всё же по размышлении она посчитала это слишком рискованным: несмотря на всю восторженность от того, что идея с узелковым гаданием удалась и теперь она ходит по улице города, способной привести её к двери, она понимала, что второй раз такой фокус может не получиться. «Я ведь ничего в этом не смыслю... – критично отметила она про себя. – Но ведь другие – смыслят? Мне смогут помочь *другие*, маги, хоть кто-нибудь из них, – откроют дверь, приведут к проводнику... Или они хотя бы поговорят со мной об этом, а в этом своём мире я с такими вопросами сижу одна, и даже обратиться не к кому!».

Решение было принято окончательно, и она снова пошла по дороге. Что она знала точно, так это то, что возвращаться обратно – снова просыпаться в квартире, – сейчас бессмысленно: она опять оказалось бы в том же тупике, в каком была всё это время. «Нужно идти вперёд, открывать дверь и переходить в другой мир. Там можно будет хотя бы говорить с людьми о переходах, и будет не так одиноко, как здесь, где ничего и не расскажешь», – подумала она и ещё раз оглянулась. Как она и ощущала, погода менялась: впереди в небе она видела сгустки темноты – будто тучи понемногу насыщались гневом и спускались ближе к земле, стремясь вылить его на головы людей.

«А я сегодня беззонтничная!..», – подумала Жанна в каком-то возбуждении. Она шла всё быстрее и быстрее и, наконец, уже выбралась и на центральную улицу. В глазах её всё больше мерцало, дорога периодически терялась, и иногда ей даже казалось, что она не узнаёт ни эту улицу, ни эти дома... Конечно, это было глупо, она это понимала! Ей даже захотелось смеяться оттого, какая она сегодня глупая и странная.

Она оглянулась убедиться, что прохожие не пялятся на неё с удивлением, но никого не было ни рядом, ни вдалеке. Она была одна во всей этой местности, во всём этом мире.

«В конце концов, это ведь *мой* сон, так что нечего им здесь шастать!», – снова в каком-то тумане произнесла она вслух, едва шевеля губами.

Она вновь остановилась и огляделась. Дома темнели перед ней, иногда мерцая странным образом: казалось, будто на здании внезапно включался образ другого здания, и оно искажалось, и потому она никак не могла узнать его – видела она этот дом здесь, не видела?.. Было в каждом из них – и в домах, и во всей улице, и даже в самой дороге, – что-то знакомое, знакомое, как всегда, как обычно... Но было и что-то чуждое, и это незнакомое, проявляясь, беспокоило её, заставляя ругать туман в глазах.

«Вот и ты!», – возликовала она, увидев, наконец, долгожданное здание. И вывеска на нём была!

Жанна побежала к двери, но, споткнувшись о внезапно выросший прямо перед ней большой булыжник, упала. На колене выступила кровь от ссадины, и ей стало очень неприятно – она ведь должна сейчас предстать перед Вильтоном, но теперь так странно выглядит...

Она ещё раз внимательно осмотрела себя, свою одежду. Всё было нормально, но она продолжала стоять и рассматривать себя, будто не желая идти дальше. Казалось, что она почему-то просто не спешит открывать дверь с ручкой из красного дерева – такой потёртой, будто за время отсутствия здесь Жанны этой ручкой каждый день пользовались раз по сто!

Стало холодно – над головой сгустились тучи и, казалось, уже готовы были плюнуть на неё холодным ливнем.

«Моя дорогая вывесочка! – умилилась она, снова найдя, чем заняться, не открывая дверь, и всмотрелась в старинную медную вывеску. – Fortunam...». Дальше она прочесть

не сумела, потому что картинка перед её глазами внезапно опять замерцала, и из только что чётких букв выделилось нечто иное: «Certum voto pete finem»¹ Правда, это длилось всего миг, будто скакнуло напряжение, и буквы вновь стали знакомыми: «Fortunam suam quisque parat»².

На голову упали первые холодные капли, и Жанна, не дожидаясь более намёков с небес, дёрнула дверь на себя.

Внутри в полутёмном помещении царил знакомая тишина.

– Вильтон, привет! – радостно крикнула она и тут же осеклась, уставившись на стоящего за стойкой продавца, и чуть прищурилась, всматриваясь.

Перед глазами у неё всё плыло. Поначалу ей казалось, что это Вильтон мерцает, но снова будто скакнуло напряжение, и она увидела другой силуэт. Ей пришло в голову, что эту новую фигуру она тоже раньше встречала – причём, тут же: тогда, когда как-то шла гулять во второй мир, а здесь был не Вильтон, а другой мужчина. «Он тогда мне ещё хотел пауков показать и скорпионов...», – вспомнила она и, немного замедлившись, протянула:

– Ааа, это вы...

Тот молча посмотрел в ответ, видимо, считая, что беседовать тут не о чем.

– Да-да, – не очень соображая, что говорит, Жанна произнесла вслух свои мысли. – Я помню: вы тут проводник, чтобы просто *проводить* взглядом проходящих, а не говорить с ними!

Она не видела, как бровь молодого человека приподнялась, потому что сразу же решительно направилась к сияющей двери. Впрочем, не заметила она и того, что на столе у продавца лежал старомодный чемодан из потёртой кожи, как две капли воды похожий на тот, что был у постояльца Андрея в её настоящем мире...

У неё было очень необычное состояние, особенно теперь, в этом помещении – странное, шальное. Бурная беспричинная радость вдруг нахлынула на неё, кровь кипела, а мозг словно отключился, будто она была чертовски пьяна!

Она резко дёрнула ручку двери и шагнула туда, на асфальт своего второго мира, по которому так соскучилась.

Здесь уже вечерело – видимо, она слишком долго бродила по дорогам своего сна... Глубоко вдохнув этот воздух, она радостно улыбнулась, будто до этого момента всё никак не могла насытиться лёгким воздухом, и медленно пошла прямо – в ту сторону, где всегда было кафе «Для встречи». Правда, теперь оно ей не встретилось, и она бы и огорчилась при мысли, что его могли закрыть за то время, пока её самой тут не было, но подобная идея не пришла ей в голову – просто потому, что она вовсе не заметила его отсутствия! Она всё ещё была в каком-то тумане, и предметы, и дома виделись ей сквозь странную мерцающую пелену. Также как и там, за дверью, на улицах первого мира, они были как будто с наложением других зданий, других предметов, и Жанну, уставшую от таких нечётких двойственных изображений, это уже стало напрягать, несмотря на шальное настроение, которое незаметно для неё понемногу рассеивалось.

На крыше одного из зданий она заметила огромные винтажные часы с чёрными стрелками и поняла, что ошиблась: до вечера было ещё несколько часов. Она сразу же догадалась, что её сбива погода – было мрачновато... И недавно, похоже, прошёл дождь – вокруг остались лужи; к тому же, тучи всё ещё свисали с серого неба...

Она шла всё быстрее. Ей было уже спокойно – она нашла мир, о котором так много мечтала в последнее время! Теперь в голову стали приходить новые мысли: про Аллена,

¹ Certum voto pete finem: «Ставь себе лишь ясные цели» (лат.)

² Fortunam suam quisque parat: «Свою судьбу каждый находит сам» (лат.)

про Мари... Про то, как сама она скоро придёт в свой дом, отдохнёт там, как обрадуется её подруга, как возненавидит её Кара, когда Жанна вернёт Аллену память и заберёт его себе...

Она свернула на новую улицу и остановилась – место показалось ей незнакомым. В голове всё что-то гудело и кружилось, но она не обращала внимания. Решив, что свернула не там, она вернулась на предыдущую дорогу, но оказалось, что *и это* место она никак не могла теперь вспомнить, хотя *точно* должна была пройти здесь!..

Тут она совсем растерялась и даже решила попросить помощи у прохожих. Но, сколько ни осматривалась, рядом не было *никого*. Она оглядывалась ещё и ещё, но никто не появился и в течение нескольких минут, пока она топталась на месте, пытаясь понять, в какую же сторону нужно идти.

Постояв ещё немного, она почувствовала, что эйфория улетучивается. Уже не хотелось так сильно смеяться, уже не было такой, обычно неприсущей ей самой, решительности и отчаянной смелости, которые нахлынули на неё в помещении проводника. Ситуация страха и неуверенности начала пробуждать в ней осторожные мысли, к которым она понемногу привыкала в те месяцы, когда жила по соседству с Мари, и она задумалась.

Пройдясь по цепочке памяти в обратную сторону, она дошла до момента, когда шагнула через порог двери, ведущей в этот мир. И поняла вдруг, что самое странное в этом воспоминании то, что за весь этот промежуток она не увидела *ни одного* прохожего! – ни одного силуэта, ни одной фигуры, ни одной человеческой тени она здесь сегодня не заметила, будто весь город вымер!

От размышлений её отвлёк странный шум над головой – как будто шелест крыльев, но такой интенсивный, будто в небе висела целая стая птиц. Или одна, но очень большая.

Она посмотрела вверх и отшатнулась: в воздухе прямо над ней задержалась огромная чёрная птица!

«Опять ворон, как в тот раз!», – испуганно вспомнила она день встречи с Манди. А ворон глядел прямо на неё и каркал, каркал, будто проклиная!..

– Кыш, кыш от меня! – крикнула Жанна и оглянулась.

Ей хотелось, чтобы сейчас рядом оказался хоть кто-то из людей! Пусть даже он станет смеяться над ней, будет считать глупой и истеричной, но пусть сейчас же появится здесь хоть кто-нибудь и спасёт её от страха!..

Но никто не слышал её мысли, никто не появлялся, и только огромный ворон над головой продолжал будто насмехаться над ней, то спускаясь ниже и задевая крыльями, то страшно смеясь.

Жанна не выдержала и побежала. Она видела, что дорога ей незнакома, но помнила, какое расстояние она проходила перед поворотами на другие улицы, и потому бежала, ориентируясь на эти ощущения, в обратную сторону, туда, где по её подсчётам должно было стоять то здание, в котором есть дверь к проводнику.

Ворон летел вслед за ней. Иногда казалось, что он исчезал, но после он всё равно снова появлялся и снова догонял, и бил её чёрными крыльями, и громко каркал, не переставая!..

Прибежав к зданию, Жанна поняла две вещи: во-первых, память у неё действительно хорошая, и своё знакомое здание, хоть оно и продолжало попеременно мерцать, она нашла; и во-вторых, в здании отсутствовало самое главное – дверь и вывеска.

«Проход закрыт», – лихорадочно отметила она. Она не то, чтобы не ожидала этого, ведь шла сюда, прекрасно понимая, что проход для неё закроется и что старинных часов у неё с собой нет. Вот только знать, что этот мир *вот так* сегодня её встретит, она не могла!

На улице всё ещё было пусто, и за помощью обратиться было не к кому, и сначала Жанне даже очень захотелось крикнуть в пространство: «Кто-нибудь! Люди! Помогите!»,

но что-то её остановило, какая-то осторожность и внезапное нежелание привлечь к себе лишнее внимание...

«Здесь происходит что-то странное...», – только и успела подумать она, как на неё снова кинулся ворон.

Было почти не больно, учитывая, что птица могла ударить клювом и так, что мало бы не показалось! Похоже было, что ворон просто играет – но только не с другом, а со своей жертвой; будто собираясь завершить игру, лишь когда доведёт до изнеможения.

От обиды Жанна сжала кулаки и посмотрела вверх, прямо на него.

Теперь она видела его чётко – это был огромный ворон, из тех, что водятся только в этом мире, а никак не в её первом, где нет магии. Очевидно, это было что-то... не обычная птица.

«Это человек...», – не мигая, она уставилась на беснующуюся в воздухе тварь, пытаясь осознать собственную мысль. «А если это действительно так... То для чего *она* так поступает?», – она не знала, как в уме называть ворона, бывшего на самом деле человеком – *он* или *она*.

Она тут же вспомнила Манди. В тот раз, когда они познакомились, за мгновение до их встречи Жанну напугал летящий прямо на неё ворон, а потом он исчез, но этого она уже не видела, потому что перед ней была девушка. А ещё на площади, когда они гуляли с Манди, мужчина отшатнулся от них также, как и сама Жанна когда-то от того ворона...

«Это не может быть Манди», – она замерла, настороженно следя за птицей. Та висела в воздухе, ужасающе хлопая большими чёрными крыльями, будто на самом деле стремясь посильнее напугать. Через мгновение она ещё раз метнулась вниз и, пролетев над головой Жанны, задела когтями её волосы.

Та снова сжала кулаки и стиснула зубы – внезапно ей стало так гадко, что её пытаются испугать, что она напряглась, стремясь напряжением воли отогнать от себя этот страх.

«Это – всего лишь человек, даже если он владеет магией, – прозвучали в её голове слова Мари. – У человека может быть много способностей, но он сам решает, как будет ими пользоваться: принесёт ли ими добро, или нет».

«Ты – всего лишь человек, а не творец этого мира и не кто-то особенный... Ты – такой же человек, как и я, только умеешь немного больше. И ты не нападаешь, а пытаешься напугать, значит, желаешь моего страха. Но это *я в силах* сейчас тебе не дать!», – Жанна гневно посмотрела вверх.

Она уже поняла, что помощи ждать неоткуда – неизвестно по каким причинам, но никто не появится перед ней, никто из людей не окажется рядом. «Может быть, это Манди и устроила? – подумала она. – Пропустила меня в какую-то ловушку, как с тем домом, где время двигалось по-иному?.. А теперь смеётся...».

Всей кожей она вдруг ощутила, что отбиваться придётся самой. Внутри себя она чувствовала огонь: тело пылало, будто кровь снова закипала в ней, как тогда, недавно, – когда она встречала постояльца в своей квартире и когда была в магазине проводника перед тем, как сюда войти. Кровь бурлила, обжигала, придавала уверенности... Хотелось собрать всю волю в кулак и дать отпор, ударить этим самым кулаком так, чтобы недругам не показалось мало, чтобы они навсегда запомнили, что её трогать нельзя, чтобы они сожалели о том, что осмелились напасть!..

Её мысли были резко и грубо прерваны: ворон снова начал атаку и ринулся вниз. Казалось, в этот раз он не собирается шутить – его острый и твёрдый, как камень, клюв, направился прямо к ней, стремясь со всей силы ударить её в грудь. Но Жанна вдруг вытянула вперёд руку со сжатым кулаком!

По всем законам логики и физики, которые она знала, эта ситуация должна была сейчас окончиться весьма плачевно: огромный клюв должен был разрезать её руку пополам – на миг это молниеносно мелькнуло в её голове, но дело было уже сделано. Как вдруг произошло нечто странное: внезапно она, совсем об этом не думая, машинально разжала кулак. Из её пальцев и ладони неожиданно выплеснулись искрящиеся, будто горящие огнём, плети энергии. Они были короткими и, оторвавшись от кончиков пальцев и холмов ладони, ударили приближающегося ворона прямо по голове и глазам. Его полёт резко остановился, он затрепыхался в воздухе, махая крыльями так, будто пытаясь от чего-то избавиться.

С громким карканьем он снова взметнулся вверх и оттуда зло поглядел на Жанну. Покружив ещё немного над её головой, он прокаркал что-то чёрное и улетел, а она продолжала стоять, сжимая кулаки и следя, как далеко в сером небе ещё маячит чёрная точка, пока, наконец, та полностью не скрылась за тучами. Тогда она глубоко вдохнула воздух, и на миг ей показалось, что можно расслабиться. Но она резко осадилась это легкомысленное ощущение. «Мир *не изменился*. Если таким странным, пустынным его сделала Манди, то её исчезновение ничего не поменяло – вокруг всё равно нет никого из людей, а ведь они должны тут быть!», – подумала она с тревогой.

Оглянувшись, внезапно она заметила у одного здания чёрную тень человека. Но мало того, что людей рядом точно не было, так и тень через миг уже пропала. И только на ветке дерева, свисающей к карнизу дома, появилась ещё одна птица. Стервятник.

«Я таких видела по телевизору... Кажется, они падалью питаются...», – с тревогой посмотрела она на него. Но тот, похоже, нападать не собирался – по крайней мере, пока что он сидел спокойно, вцепившись когтями в плоть толстой ветки. У него были очень грубые тёмно-коричневые края крыльев и очень пронзительный взгляд чёрных глаз, которыми он, казалось, тоже следил за разглядывающей его Жанной.

«О чём ты думаешь?.. Что меня не стоит трогать, потому что я сумела прогнать огромного ворона?..», – поймав его взгляд, она замерла на месте, не в силах от него оторваться. Её кровь снова начала бурлить, а сердце стало наливаясь какой-то тяжёлой уверенностью в своих действиях. «Я действительно *могу!* – громко подумала она про себя во вновь начинающемся опьянении. – Мои родственники ведь не зря колдуны, я тоже имею власть. Я...». Она вдруг осеклась – в чёрных глазах стервятника она увидела пылающий огонь, будто красные языки пламени, сменяясь чёрными клубами дыма, жгли его изнутри.

«Это не я, я – ничего не умею, я – никто. Никто в этом мире», – быстро забормотала она, сразу вспомнив, что эта сильная странная уверенность так ей несвойственна. «Это какое-то наваждение. *Что-то* мучает меня, что-то хочет лишить меня разума...», – широко раскрыла она от ужаса глаза. На птицу она больше не смотрела – ей стало страшно, что этот чёрный взгляд заставляет забыть её истинную сущность, и она опустила голову и всмотрелась в землю, пытаясь понять, что же теперь делать.

Стервятник же, не спуская с неё взор, бесшумно расправил огромные крылья и медленно поднялся в воздух. У крыши здания он замер и, больше никуда не двигаясь, медленно растаял в пространстве, так что, когда Жанна снова посмотрела на ветку, там уже никого не было.

На миг ей снова захотелось расслабиться, но она сдержалась – теперь она точно не могла себе этого позволить! Её кровь вновь постепенно успокоилась, стала спокойно течь по венам, и даже сложно было представить, что она могла быть другой, могла давать то странно жгучее и всё-таки манящее ощущение огня и силы, какой-то власти... Вновь мысленно ощутив это недавнее чувство, Жанна передёрнула плечами. Это было много, слишком много для неё! «Такой огонь может сжечь дотла, если будет постоянным, –

подумала она. – Но ведь это невозможно? – не может быть, чтобы были люди, которые жили бы с таким чувством! Наверняка, я заболела... И болезнь вот так периодически накатывает, заставляет ощущать свои всплески... Надо быстрее найти дорогу!».

Она опять оглянулась, гораздо тщательнее теперь осматривая окружающий мир, чем во время своей прогулки до встречи с вороном. Но результаты осмотра оказались неутешительными: мало того, что нигде рядом она теперь не наблюдала даже того старинного здания, которое недавно ещё видела здесь, так и поняла, что действительно *не знает* этого места – вообще! Ни одно из зданий, до которых она смогла дотянуться сейчас взглядом, она не видела раньше; никакие предметы, которые стояли у домов, были на их крышах, не казались ей знакомыми. К сожалению, в глазах её снова всё нещадно мерцало, будто она видела то, чего нет, и всё, что она сумела понять из этого окружения – то, что улица эта, как и предыдущие, точно ей не знакома; а также то, что, скорее всего, здесь сейчас или осень, или зима.

Конечно, снега не было, она была в этом уверена – уж белые сугробы-то она никак бы не пропустила! Но зимы ведь бывают и бесснежными... А деревья вокруг стояли мрачные и даже зловещие, и были полностью пусты – ни одного листочка. Листьев, жёлтых, сухих, не было и на тротуарах.

Она быстро отвернула взор от дерева, на котором недавно сидел стервятник: подул ветер, и оно, качаясь, показалось ей сейчас особенно страшным, будто оно готовилось само запустить в неё свои когти-ветки!

Поёжившись, она запахнула поплотнее кофту и вдруг резко поняла: ей становится *холодно*... То ли погода изменилась, то ли и раньше было холодно, но горячая кровь не позволяла ей этого заметить, то ли она действительно была больна, очень больна...

Она приложила руку ко лбу, но тот был обычным – особого жара не было, но вот пальцы уже похолодели.

«Было бы ужасно умереть здесь. От холода, голода...», – со страхом подумала она. Эта перспектива показалась ей такой кошмарной, что она внезапно кое-что вспомнила и подбежала к дороге.

– Возница! – крикнула она громко и настойчиво и прислушалась. Через мгновение, как она ни надеялась, ответа не последовало. Но она не растерялась и снова настойчиво повторила, ещё громче и увереннее.

Через пару минут в нескольких метрах от неё появился взявшийся из ниоткуда экипаж – чёрная коляска без верха, – и, подъехав, остановился прямо перед ней. Один конец поводьев уходил в пустоту, другой лежал в руке мужчины.

Жанна очень обрадовалась – это был первый человек, которого она здесь сегодня встретила. Внешне он ничем не отличался от обычных людей, и она надеялась, что внутри он тоже нормальный.

– Вы можете мне помочь? – она снова поёжилась, начиная понемногу приплясывать: становилось всё холоднее, будто тело её, наконец, образумилось и поняло, какая на самом деле на улице погода.

– Чем именно? – тот оценивающе осматривал её, вовсе не скрывая своего взгляда. Очевидно, он думал о том, как бедно она выглядит в своей странной лёгкой кофте, когда вокруг такая низкая температура. Сам он был одет по-зимнему тепло.

– Я... заблудилась, – ляпнула она, не найдя лучших слов, чтобы начать объяснение.

– Вот в чём дело! – усмехнулся он. – А я гадаю, что вы тут делаете. Сюда-то мало кто заходит!

Тут уж удивилась Жанна. Она ещё раз осторожно оглянулась, но пейзаж вокруг не изменился: она всё ещё была на незнакомой улице, которая странно мерцала в её глазах.

– Так куда вам нужно?

С замиранием сердца она назвала адрес – но не свой, а Мари. С тайной надеждой она вдруг подумала, что, быть может, дом подруги известен тем, что в нём живёт маг, и это покажет вознице, что и на саму Жанну нападать опасно...

Но ответ её ошеломил:

– Такого дома не существует, – бесстрастно сказал тот, продолжая оценивающе на неё глядеть – похоже, он начинал думать, что она сошла с ума, и Жанна на миг даже подумала о том же: а не спятила ли она?! Но она тут же отогнала эту мысль и ещё раз уверенно и твёрдо повторила адрес, который по настоянию Мари давно заучила. Но ответ остался неизменным.

– Послушайте, не надо со мной шутить... – строго сказала она, но он тут же её осадил:

– У меня нет времени слушать ерунду. Если собираетесь ехать, назовите реальный адрес. Если же нет – я сваливаю отсюда!

Грубый голос и слова о *реальности* добили бедную Жанну – она резко всхлипнула, а потом, не удержавшись, горько заплакала.

Возница ожидал от ненормальной чего угодно, но только не этого!

– Ну хватит, чего вы... – неуклюже пробормотал он.

Но она продолжала плакать, и, помедлив, он отпустил поводья и, выйдя из коляски, неловко открыл перед ней дверь.

– Садись пока. Сейчас разберёмся, куда тебе надо...

Она продолжала плакать, не двигаясь с места, и он легонько тронул её за плечо.

– Да не бойся, не обижу! У меня ведь, знаешь, работа тоже не сахар... Вечер уже, устал, а тут ещё ты с несуществующими домами!.. Сорвался, понимаешь...

Жанна продолжала всхлипывать, но позволила усадить себя на сиденье.

– Прогрогла вся... Одежды нет другой, что ли? – он неловко потёр её холодные руки и, достав из-под второго сиденья давно не новый, весь в катышках, серый плед, накинул ей на плечи.

Она качнула головой.

– Дома есть, не с собой. И деньги тоже – только дома, с собой нет. А как отсюда туда идти, не знаю... – в отчаянии прошептала она, кутаясь в плед.

– А дом твой где?

По лицу Жанны снова потекли слёзы, и, всхлипывая, она назвала адрес, где должен был стоять её дом. Конечно, она не верила, что в этой безумной реальности, где её убеждают в отсутствии дома Мари, найдётся её собственный, но возница усмехнулся.

– Что ж сразу не сказала? Забыла или пошутить решила?

– Как это? – не поняла она. – Мой дом напротив того, что я называла первым.

Он снова вздохнул, будто действительно уже устал – но не от работы, а от странных шуток.

– Напротив твоего дома – пустырь. И вообще, я бы сказал, что и вокруг него – тоже...

– Пустырь? – снова всхлипнула она, не поняв, шутит ли теперь он сам или нет.

– А ты как думала? Как называется место, где почти не бывает людей и есть только одинокий дом?

– Пустырь... – согласилась Жанна. – Но ведь у меня-то там целая жилая улица.

Ещё раз бросив на неё оценивающий взгляд, возница всё же промолчал и вернулся на своё место. Подняв вожжи, он добавил:

– Если тебе больше ничего не нужно в этих развалинах, можно ехать.

Тут Жанна, которая уже перестала плакать от обидного холода и страха, даже почти засмеялась.

– Ничего себе *развалины*!

Мужчина обернулся через плечо и чуть дольше всмотрелся в её лицо. Казалось, он пытался предположить, не нанесёт ли ненормальная девчонка ему удар в спину, когда он будет занят работой. Но она только мило улыбалась – пока не заметила серьёзности его странного взгляда. Тогда на всякий случай она снова оглянулась. И обомлела...

В глазах уже ничего не мерцало, она видела всё очень хорошо, и не было никакого сомнения в контурах, цветах, формах. Никакого тумана, её взгляд снова был остёр, как всегда, и теперь она чётко видела, чётко видела... Но лучше бы она на это не смотрела! – со всех сторон вокруг неё действительно были только развалины!

Ни одного целого здания, ни одного жилого дома... Кое-где ещё можно было прочесть былые изыски архитектурной мысли, но основные её элементы были съедены временем и безжалостным разрушением. Подёрнутые коррозией металлические сваи кое-где торчали из каменного мяса, как вывернутые и сломанные кости. Грязь на неубранных тротуарах, хлопья древнего мусора, в котором нельзя было разобрать ничего цельного... Единственное, что осталось нетленным, – каменные тротуары и дорожки. Но и это тут не казалось чем-то приятным, ведь за время запустения и разрушения сквозь них на белый свет не проникло ни одно растение, будто здесь больше не было жизни. Лишь одно изображение, которое Жанна увидела сейчас в этом месте, резко ставшем для неё новым, совпало с тем, что она видела недавно – это было то зловещее корявое дерево, которое, казалось, продолжало тянуться к ней, такой живой, своими иссохшими пальцами...

Серый разрушенный пейзаж, особенно после того обычного города, который она наблюдала до этого, был так страшен, что Жанну поглотил ужас. Видимо, он слишком явно отразился на её лице, потому что возница вдруг уточнил:

– А *ты* что видела?

Она попыталась сглотнуть и прокашляться, но в горле невозможно пересохло, и она растерянно развела руками, а после, на миг прикрыв лицо ладонями, пальцами немного помассировала глаза, будто стирая из них то видение, что казалось безумным.

– Я просто не знала, что это и называется *развалинами*. Выглядит-то не очень... А давайте действительно уже поедem, – обрета голос, уклончиво ответила она, решив, что лучше показаться глупой, чем совсем ненормальной. «Что здесь произошло?!...», – цепенея от страха, подумала она. Но ответ так сразу получить было невозможно – нужно было потерпеть ещё чуть-чуть, добраться к дому и спросить обо всём Мари, обо всём, что случилось тут за время её отсутствия!..

Возница пожал плечами и тронул поводья.

Несмотря на тёплый плед, внутри Жанны всё заledenело. Она прекрасно поняла, что этот мир встречает её совсем не так, как раньше, и прекрасно поняла, что то здание, через которое она сегодня прошла в этот мир, она больше не сможет узнать, ведь видела его только в обыкновенном обликии и совсем не представляла, как оно выглядит среди этих развалин. Найти среди них дверь в первый мир теперь казалось невозможным!

Кроме того, здесь, в таком месте ей действительно стало очень страшно признаться кому-нибудь в том, что она не отсюда, а из другого мира. Она вдруг резко вспомнила и обеспокоенное лицо Аллена, когда тот в своё время слышал о её проводнике, и слова Мари, и решила, что никто другой в этом мире больше никогда не должен будет узнать, откуда она на самом деле, иначе это может принести ей вред!..

Она затихла на заднем сидении экипажа, думая только одно: «Лишь бы дом был на своём месте, лишь бы был... Иначе всё будет кончено, и идти будет некуда...».

Не успела она ещё полностью осознать все свои страхи, как коляска бесшумно переместилась.

– Приехали, – кинул возница и обернулся.

Жанна выходить не спешила. Мужчина терпеливо смотрел на неё, не торопя.

– Я сейчас схожу за деньгами и обязательно принесу, у меня есть, – быстро произнесла она, очнувшись, наконец, и вспомнив, что обещала оплату.

– Темно уже... Пойду с тобой, а то вдруг среди кустов заблудишься... Да и плед не снимай, теплее будет!

Она огляделась. Вокруг действительно было очень темно, и куда идти видно было не очень. Но она прекрасно помнила, как здесь между домами ведёт дорога к её родной калитке, и уверенно двинулась вперёд.

– Да ты на самом деле тут живёшь! – удивился возница, следуя за ней. – А я, честно, думал, что ты немного приврала. Мне казалось, что здесь вообще никто никогда не жил!

– Но вы же видите: в окнах горит свет, – спокойно ответила она, подходя к забору, и тут же остановилась, осознавая свои же слова.

«Внутри воры, что же делать?!.. – подумала она в панике, но тут же возликовала от новой мысли и сразу ускорила шаг. – Ведь у дома защита, Мари говорила об этом! Значит, внутри она, это может быть только она!».

Калитка была заперта – не так, как до получения Жанной наследства, когда со стороны дороги здесь висел замок, а по-иному: изнутри, с другой стороны, был задвинут засов. Она толкнула её раз, и другой, но та не поддавалась. Её это даже разозлило: у неё был такой тяжёлый день, такой сложный, она так сильно устала, а тут даже собственная дверь ведёт себя так нелепо!

«А ну-ка немедленно открывайся! Ишь ты, хозяйку не узнала!», – грубо подумала она в сторону калитки, и внезапно засов, скрипя, сдвинулся в сторону, и под новым нажатием та отворилась, а Жанна гордо прошествовала к крыльцу, изредка оглядываясь на возницу.

Парадная дверь открылась без проблем, и в передней, приветствуя, зажегся свет. «Наконец-то я дома!», – внутри всё потеплело, и даже как будто полетели бабочки в животе, так сильно она обрадовалась тому, что вернулась!

Деньги хранились в комоде в её бордовой спальне, но немного было и внизу – в небольшом шкафу в холле и на всякий случай – чуть-чуть в кухне. Она поискала и там, и там, не желая сейчас подниматься на второй этаж, пока возница ждёт тут же, но всё никак не могла их найти. Испугаться их отсутствию там, где они точно должны были быть, Жанна не успела, потому что больше её напугало другое – она поняла, что всё-таки заболела, ведь с глазами опять творилось что-то странное: она видела какие-то предметы, которых раньше здесь никогда не было, а иные просто стояли не на своих местах. Она промолчала, чтобы не пугать ещё и возницу своими нелепостями и совсем уже не убеждать его в том, что она спятила. В конце концов, она нашла несколько купюр на столе в гостиной и расплатилась с ним и, вернув плед и накинув себе на плечи пальто из прихожей, проводила его до калитки. Потом задвинула засов на место и вернулась обратно, в дом.

В холле она очень осторожно повесила пальто на место и грустно вздохнула. Она понимала одно: *это* мужское пальто она никогда раньше не видела. И уж тем более, оно никак не могло висеть в её доме! Она была больна, она была очень больна...

«Надо сходить к окулисту... Или к неврологу», – печально отметила она и пошла искать Мари. Но, походив по дому, поняла, что тут никого и нет.

«Она могла быть вчера, могла забыть погасить свет...», – устало подумала Жанна, совсем не вспомнив о засове, который, когда она пришла, был задвинут изнутри... Решив ещё немного подождать в надежде, что Мари скоро вернётся, она присела на диван в гостиной. Потом положила голову на подлокотник. А затем очень быстро заснула.

Глава 7

За окном шумел ветер. Казалось, что так может шуметь только ранняя осень – когда ветер теребит ветви, полные жёлтых и багряных листьев; они падают, смеясь и создавая тот необыкновенный шум, как будто тихий струящийся непрерывный дождь...

Жанна открыла глаза. Прямо над ней под потолком кружила книга, хлопая страницами. Не поднимая с подушки головы, она последила за ней взглядом. А потом услышала смех.

Она подскочила на кровати и увидела девочку – та сидела на стуле у туалетного столика и смотрела прямо на неё. Девочка продолжала весело смеяться, видя на лице Жанны изумление, а после вдруг тоже подскочила со стула и, казалось, вслушалась в само пространство. Впрочем, не было слышно ни звука, кроме хлопанья страниц книги, но, видимо, она так не думала.

– Меня зовут! – произнесла она и выбежала из комнаты. Книга метнулась за ней, но, столкнувшись с быстро закрывшейся дверью, упала на пол и затихла.

Жанна резко огляделась. Нынешнее окружение, хоть и был приятным, показалось ей ещё более нереальным, чем вчерашние развалины: она была в спальней комнате, но последнее, что помнила из вчерашнего дня, – это гостиную. Значит, это был новый факт её болезни – миражи продолжались... Кроме того, несмотря на то, что здесь и было мило, даже прелестно, это была *не её* спальня. По крайней мере, не та прекрасная, в сочных бордовых тонах...

«Может быть, это спальня на третьем этаже? Или что-то из детской?.. Я туда всего пару раз заглядывала, могла не запомнить...», – попыталась разгрузить она озабоченный мозг, но он продолжал шнырять по всем предметам и выявлять всё новые и новые *не её* предметы.

В конце концов, она поднялась. И поняла, что тело ломит от усталости, будто она мешки ворочала!.. Медленно осмотрев себя – одежда была вчерашней, той самой, в которой она посещала приёмных родителей, – она подошла к окну, чтобы сдвинуть шторы. За стеклом ничего интересного не было – ветер действительно шумел, но на улице была поздняя осень, или уже зима, так что никаких жёлтых листьев на деревьях не наблюдалось... Кроме того, эта часть двора показалась ей незнакомой, и ей стало очень грустно.

Она вышла из комнаты и спустилась на этаж ниже. Тут она ещё больше расстроилась, ей стало очень жаль себя – большую часть окружающих предметов она тоже не узнавала! По лицу её потекли слёзы, ей не жаль было отпускать их – было уже всё равно, что может появиться какое-нибудь привидение, как эта девочка, или другие призраки из неизвестного прошлого этого дома, которые заметят, что она плачет. «Пусть видят... Главное, что не настоящие...», – подумала она: людям свои слёзы Жанне было показывать стыдно, и при них она старалась держать себя в руках, хотя и не всегда это получалось.

Она медленно спустилась ещё по лестнице, продолжающей идти вниз, и, наконец, оказалась на первом этаже.

Из столовой чем-то вкусно пахло, и оттуда же слышался детский смех.

«Зрительные галлюцинации – есть, слуховые – тоже... А теперь ещё и обонятельные... – неутешительно подсчитала она. – Сейчас приготовлю что-нибудь поесть и спрошу у Мари, где тут... где можно сходить к психологу. Или неврологу?..»

Всё же аромат горячих кушаний повернул её ноги не в сторону кухни, а к столовой с несуществующим запахом, и Жанна вошла внутрь.

Стол был накрыт, и весьма хорошо. В центре стояло несколько больших блюд с кушаньями. В воздухе, в пространстве столовой, висело два вазона с красными цветами.

Девочка, которую недавно она видела в спальне, сидела за столом и нетерпеливо улыбалась, очевидно, желая приняться за еду, но чего-то ожидая. На главном месте, месте хозяйина, сидел пожилой мужчина.

Увидев Жанну, он привстал, будто собираясь подойти к ней, но больше не двинулся и, указав на накрытый стол, снова сел.

– А... что это такое? – изумилась она. – Кто вы? И что делаете в *моём* доме?!..

– Вот оно как... – задумчиво произнёс он, а девочка захихикала. – Ошибочка вышла, барышня... Дом этот мой. А вы, видимо, адресностью ошиблись.

Он так и сказал: «адресностью». Жанну от этого слова чуть не передёрнуло.

Не успела она в гневе выдохнуть и нескольких слов, как он всё-таки поднялся и сделал несколько шагов по направлению к ней.

– Оглянитесь, посмотрите в окно, изучите двор – вы убедитесь, что это *не ваш* дом. Вы просто ошиблись – с кем не бывает?... Два дня назад прихожу – спите на *моём* диване, в моей гостиной... Вы не заметили, что окружение для вас – незнакомое? Или в вашем доме всё точно такое же?

В его взгляде было что-то доброе, но только в глазах. Лицо его казалось строгим, может быть, от узкой, подёрнутой сединой бороды. Но саму Жанну зацепило только три слова:

– Как *два дня назад*? – не поняла она. – Я что, *спала* два дня?

– Ещё как! Даже когда мы тебя переносили в спальню, ты не проснулась... – встряла девочка и тут же замолкла, увидев строгий взгляд деда.

– Вы сейчас пойдёте проверять мои слова или сначала всё-таки позавтракаем? Мы уже полчаса вас ждём. Абби настаивала, что вы уже проснулись и тоже спуститесь кушать.

Он смотрел испытующе. И будь Жанна внимательнее, она бы заметила, что в его оценивающем взгляде было слишком много личного интереса для человека, которого она видит впервые в жизни, но она испуганно глядела в сторону окна.

– Я сначала посмотрю, – повернулась она к двери.

– Подождите, барышня! Как вас зовут?

– Жанна.

– Прелестное имя, Жанна, – задержал он её за руку. – А моё имя Далтон. Это, как я уже сказал, Абби – моя внучка.

Девочка махнула ей с задорной улыбкой.

– К чему пропускать завтрак, когда осмотреться можно и позже... – более мягко продолжил он, глядя в слишком растерянное лицо. – Абби голодная сидит, она так ждала вас...

Жанна качнула головой.

– Нет, сначала я должна посмотреть! А вы, если действительно находитесь в *своём* доме, можете позавтракать и без незваного гостя.

Конечно, она прекрасно понимала, что говорит сейчас с призраком! Она бы и хотела ничего не произносить вслух, чтобы не создавать своим ушам иллюзию собственной веры в эти галлюцинации, но не могла, ведь призраки так ожидающе на неё глядели...

«Сейчас я отойду подальше от вас, от всяческих привидений, и успокоюсь! И мои глаза покажут мне настоящую реальность», – подумала она, торопливо, с твёрдой решимостью

выходя из столовой и направляясь к выходу. Осматривать дом внутри смысла не было – она уже отлично поняла, что большая часть предметов тут ей незнакома.

Она надеялась найти ответы во дворе или на улице – там, за калиткой, стоял дом с умной Мари, которая могла бы многое объяснить: и как общаться с неожиданными призраками, и как уговорить их покинуть её дом, и как избавиться от странных миражей.

Поспешно она выскочила на крыльцо. На улице было свежо, но одеть ей пока было нечего – вдруг висящие в прихожей мужские и детские призрачные пальто испарятся на ней самой в самый неподходящий момент? Нет, уж лучше она будет в своей не очень новой, но зато надёжной кофте!..

Она спустилась по ступенькам, держась за перила, и быстро оглянулась. А потом осмотрелась ещё раз, гораздо медленнее. После прошлась к калитке и подёргала старый, но вполне крепкий засов – явно другой, не такой, какой был у её калитки...

За забором была дорога, и очень долгим пристальным взором Жанна осмотрела всё, что было прямо перед ней и по боковым сторонам. Казалось, память её пыталась запечатлеть каждый листок, лежащий на дороге, каждую пожухлую травинку, каждую ветку пустого, почти зимнего дерева... А больше на этом пустыре ничего и не было: ни жилого дома, ни каких-то развалин, ни других дорог, кроме той, по которой она сюда пришла... И, конечно, никакого человеческого силуэта. *Ничего.*

Она всмотрелась в одну из сторон – она помнила, что вон там, в десяти метрах от калитки, останавливался экипаж, который её сюда привёз. Возница позволил ей дойти до дома, укутавшись в его плед. Плед был старым, затёртым, но мягким и тёплым, и даже уютным. Она нашла в доме *что-то* деньги и оплатила проезд...

Потом она вспомнила весь тот день – а точнее, весь свой последний *сон*, и снова прошлась по нитке времени обратно – к тому моменту, когда прошла через дверь в комнате проводника; и раньше... И то, как выкладывала на постели в первом мире контур дома бечёвкой, и то, как впустила постояльца; и Марину, и разговор с приёмными родителями... Ничто не вызывало подозрений, ничто не давало намёков на болезнь или какие-то галлюцинации. Она *не была* больна всё это время. А всё, что вызывало у неё ужас и вопросы теперь, появилось перед ней только после прохода в этот мир.

«Где же тогда *мой* дом? Что произошло здесь, пока я отсутствовала? Где Мари?», – стуча зубами от холода, она снова повернулась, чтобы посмотреть на дом, из которого вышла, и от неожиданности отшатнулась – она не слышала шагов Абби, но та стояла прямо перед ней.

– Я уже ухожу, – неуверенно пробормотала Жанна, решив, что за ней хотят запереть калитку, но девочка схватила её за руку.

– Пойдём уже кушать, там всё остывает!

Она смотрела так просительно, и Жанне снова стало так жаль саму себя, что она безропотно пошла за ней. А Абби так обрадовалась, что побежала к дому чуть ли не вприпрыжку, не выпуская её руку из своей.

– Дед, вот она, привела! – крикнула она, залетая в столовую.

Далтон в это время ел. На миг оторвав взгляд от тарелки, он спокойно кивнул Жанне и указал на место поодаль от себя, ближе к другому концу стола.

– Ну как, убедились? – он бесстрастно жевал, не обращая внимания на то, что после его вопроса лицо девушки вытянулось ещё больше.

– Да, только не понимаю, как так вышло, – всё же нашла она в себе силы ответить. Правда, язык будто был налит свинцом.

– Да как... Забрели не туда, куда нужно, вот и вышло, – сказал он, взглянув будто с каким-то намёком.

– Не знаю всё же... – осторожно продолжала она. – Если бы я шла пешком, тогда понятно... А так – меня привёз возница, адрес я назвала... Так что это он мог ошибиться.

– Да не понимаете, что ли... Глупы? Не думал, что *такой* можно будет сказать: «Глупая», – вдруг ухмыльнулся Далтон.

– Какой *такой*?

– Ты в какой мир шла? – резко сменив тон и глядя слишком пронзительно, спросил он как у давней знакомой или у слишком молодой особы, и Жанна резко похолодела при мысли, что так быстро он понял, что она – *не отсюда*...

Она промолчала, помня, что никому нельзя говорить о своих перемещениях, и пытаясь придумать, что же в таком случае можно сказать. Не дождавшись ответа, он отодвинул тарелку с обглоданными костями и щёлкнул пальцами: грязная посуда тут же растаяла в воздухе, а перед ним на столе появилась пустая десертная тарелка.

– Дедушка, можно я? – тут же воскликнула девочка, и он кивнул.

На пару мгновений закрыв глаза и сосредоточившись, она поднесла руку к стоящему в центре стола металлическому блюду. Резная крышка с него плавно слетела и опустилась на стол, и два аккуратно сложенных треугольником блинчика перелетели в его тарелку.

– А соус?

– Нет, лучше сам, – нерешительно посмотрела Абби на соусник.

Далтон усмехнулся и чуть дёрнул указательным пальцем. Соусник приподнялся над столом; подлетев к тарелке и накренившись, аккуратно вылил на блинчики сладкую вишнёвую подливку и вернулся на место.

Жанна молчала, окунувшись в воспоминания. Похожее необычное ощущение, как сейчас, у неё было, когда она впервые встретилась с Жаном – в том кафе, где он подносил руку к меню, и к ним летели кушанья... А потом в его доме – когда он делал то, что хотел, таким волшебным образом, что самой Жанне никогда бы не суметь... Но и отличие она ощутила тут же – Жан *не старался* использовать магию. Многие вещи он делал сам, вручную; говорил, что магия не нужна для того, чтобы, к примеру, открыть окно... А здесь даже такое простое действие, как налить соус...

– Вам не жаль энергию? – вдруг спросила она и тут же прикусила язык: она сама не ожидала, что что-то скажет, и тем более не могла поверить, что вот так просто в чужом доме незнакомым людям осмелится задавать вопросы, да ещё и такие, которые касаются их личной жизни!..

«Со своим уставом в чужой монастырь...», – вдруг резко ощутила она слова, будто их выстрелили в неё ответным взглядом. Она сдержалась и упрямо не отвела взор, хотя и была бы рада, если бы все уже забыли про её вопрос, а Далтон продолжал смотреть на неё странно – в его взгляде было и ехидство, и интерес, и какая-то сталь. «Кажется, будь у него кинжал, он пронзил бы им мой язык!», – подумала она, поёжившись.

– А ты считаешь, для чего нужна магия? – вместо ответа, наконец, уточнил он, откинувшись на спинку стула.

– Чтобы делать хорошие поступки... – замялась она.

Абби перестала жевать и только с любопытством переводила взгляд с деда на гостью и обратно. На лице Далтона была усмешка, и он продолжал сверлить Жанну молчаливым взором. Она же на миг опустила глаза в свою тарелку, но потом вдруг снова посмотрела ему в лицо и больше не отводила взгляд.

– А вы как считаете, для чего она нужна? – тихо, но упрямо спросила она.

Он не ответил, испытующе рассматривая её. Вдоволь насмотревшись, он, наконец, переключился на стол и махнул рукой – кушанья и грязные тарелки исчезли, и появились чашки и дымящиеся чайники.

– Тебе не место *в этом мире*, если ты ещё не поняла, – он вручную налил чашку кофе, встал и сам демонстративно поднес её Жанне.

– Дед, не гони её... Смотри, какая она хорошая... – жалобно протянула Абби, но тут же замолчала, увидев его взгляд.

– Мне нужно просто найти свой дом, и я вас больше не побеспокою, – поняла Жанна, что ей время уходить. Но куда идти, она так и не знала.

– Ты действительно глупа? – искренне удивился Далтон.

«Или просто *другая*...», – продолжил он вдруг про себя в ответ на свои мысли. Он слишком хорошо помнил ту напористую, энергичную и весьма сильную натуру, которую когда-то знал и которую, вольно-невольно, Жанна напомнила ему. Увы, характер юной девушки, очевидно, был слишком далёк от его воспоминаний! А ведь поначалу, пока гостя спала, он даже надеялся, что она точно такая же...

– Вы в мире теней, барышня, – произнёс он, наконец, – так что *вашего* дома тут быть не может, если, конечно, вы его здесь ещё не купили. А, судя по вашим высказываниям о магии, это вряд ли.

Жанна похолодела. В её голове резко пронеслись фразы, которые она когда-то вычитала в одной из книг в библиотеке у себя дома: «Если вы попадёте в Мир Теней, нужно быть ещё более осторожным, чем когда вы стоите в кругу врагов. Потому что врагов вы видите, и, возможно, что-то знаете о них; их существование и они сами могут быть вам известны... Но опасайтесь, попадая в Мир Теней – любой звук может означать опасность, любая тень может оказаться вражеской, любой силуэт может принадлежать не только иллюзии, но и реальному врагу, о котором вы никогда не подозревали! И даже если раньше у вас и не было врагов, они обязательно появятся здесь! Конечно, если сами вы не можете защититься и покажетесь окружающему вас миру достаточно слабым, чтобы на вас можно было напасть...

... в Мире Теней нет друзей, нет тех, кто поможет, когда попадёте в беду. Если вы – часть клана, вас поддержат соратники, но для этого вы должны будете отдавать общей задаче всего себя. Если задача – уничтожать слабых или воровать энергию, вам придётся делать это, несмотря на личные внутренние убеждения...

... не надейтесь, заходя в Мир Теней, что он встретит вас радушно. Раскрыто – да, но не с объятиями тёплых рук, а когтями и страхами! И всё, чего вы боитесь, может случиться именно здесь...».

Ещё она вспомнила, что в мире теней люди могут обретать облики разных животных или птиц. Способность становиться птицей считалась редкостью – это означало, что маг может перемещаться между мирами своими силами, без помощи дополнительных предметов или специальных ритуалов. Облики животных в основном использовались, чтобы незаметно напасть на врага и чтобы незнающий не смог увидеть лицо мага, который стоит против него.

– Значит, *вы* живёте в мире теней, – едва шевеля побелевшими от страха губами, произнесла она, посмотрев на Далтона и медленно переведя взгляд на Абби.

Он опять усмехнулся. Теперь его глаза казались Жанне хищными, а девочка – очень хитрой, очень лукавой. Ей даже стало казаться, что на лице этой милой девочки сейчас появится оскал, и они оба кинутся на неё и разорвут в клочья!

Она уперлась руками в стол и тяжело задышала. В голове всё закружилось, резко стало очень душно, и она вдруг потеряла сознание...

Когда она очнулась, она лежала на том самом диване в гостиной, где заснула, когда пришла, как думала, к себе домой.

– Я отправил Абби погулять. Пусть подышит воздухом, пока ещё не так холодно, – Далтон сидел в кресле напротив и дымил трубкой.

– Разве на неё не могут напасть? – слабо спросила она, не поднимая головы с подсунутой под неё диванной подушки.

– По-видимому, ты думаешь, что этот мир очень плохой, такой, что здесь живут только чудовища? – усмехнулся он.

Она открыла рот, но поняла, что ответить ей нечего, – ведь именно так она и думала. То, что она сама до сих пор была жива, оставалось для неё странной, нелепой загадкой. Впрочем, и ответа на неё она знать бы не хотела! В голове её сейчас прокручивалась только одна мысль, правда, очень устало, – как отсюда сбежать и остаться живой? «А как же Аллен? – вдруг быстро заморгала она. – Неужели он никогда, никогда меня не увидит?...».

– Выпей чаю, – Далтон, не двигаясь с места, сделал движение рукой, и, появившись из ниоткуда, в воздухе прямо перед Жанной зависла чашка на блюдце.

Она попыталась мотнуть головой, не поднимая её с дивана, но он повторил, и в голосе его появились стальные ноты, требующие подчинения.

Машинально протянув руку, она глотнула чай. Тот был горячий и очень сладкий. Она сразу почувствовала, как по всему телу растекается тепло и в голове немного проясняется. Выпив всю чашку, она устало присела, оперевшись рукой в подлокотник.

– Разве здесь живут обычные люди? – тихо спросила она, посмотрев в середину комнаты и стараясь не встречаться взглядом с хозяином.

– А кто это – обычные? – он не захохотал, но так широко улыбнулся, что было видно: он едва сдерживается. – Те, что ли, которые магией не владеют, так? А что им здесь делать?!

Он вытряхнул пепел из погасшей трубки в массивную пепельницу из камня, появившуюся в воздухе. После вытянул из кармана сюртука небольшую изящную коробочку, и, открыв, стал неторопливо набивать трубку табаком.

Жанна молчала. Как она поняла, на её вопросы он всё равно отвечать не будет, пока сам не захочет. Впрочем, вскоре он сжалился, а точнее, закончил набивать табак, и, закулив трубку, снова обратил внимание на неё.

– Этот мир не для таких, кого ты назвала обычными, – в его голосе появились строгость и какая-то суровость. – Его не зря называют миром *теней*. Все, кто живёт здесь, имеют вторую тень, или вторую сущность – зови как хочешь. Есть и те, у кого второго лика нет, но они всё равно – слышишь, всё равно *видят* блуждающие перед ними тени. В ином случае тут просто не выжить.

– А зачем тогда здесь жить?

Он задумался, не отводя от неё взгляда. Казалось, ему понравился вопрос.

– Конечно, проще было бы жить в другом мире. К примеру, в таком, в котором, очевидно, стоит твой дом. Но представь: ты – маг, у тебя есть особая сила, особые способности. А в таком мире, как твой, известно, что тех, кто обладает такими способностями, нужно бояться. И как им, таким магам, жить среди других? Они станут изгоями или, если не станут, то будут чувствовать себя таковыми, потому что они *другие*. Не как те слабаки, которые не могут позволить себе распоряжаться данной силой так, как им хочется...

– Значит, это мир тёмных магов? – вдруг перебила его Жанна. Глаза Далтона сузились в злые щёлочки.

– Это мир тех, кто пользуется своими силами, как им хочется. Зовут ли другие люди их *тёмными*? – да, это так, – он пронзительно смотрел на неё, видимо, рассчитывая, что она сейчас или сойдёт с ума от новостей, или снова потеряет сознание.

Впрочем, его злость, мелькнув, быстро пропала. А Жанна, сама уже строгая и вытянутая в струнку от напряжения, лихорадочно обдумывала услышанное.

– Вы не собираетесь на меня нападать?.. – спросила она, но так твёрдо, будто на самом деле произносила факт, а не задавала вопрос.

Далтон молчал, очевидно, зная, что она понимает ответ.

– Выгнать меня сейчас на улицу – на вашу *тёмную* злую улицу, – подчеркнула она, – было бы тоже самое, что напасть на меня самим, ведь вы просто отдали бы меня во власть других тёмных магов. Значит, отсюда вы меня не выгоните, правда?

Он наклонил голову, соглашаясь с её выводами, но всё ещё не отвечал, внимательно глядя в её глаза.

– И оставлять меня в этом доме для вас бессмысленно... Значит, вы возьметесь мне помочь и выведете из этого мира, вернёте обратно в мой, верно? – продолжала она, с тревогой смотря на него.

Он постучал пальцем по подлокотнику кресла.

– Не всё так просто, барышня... Вы ведь сами должны уметь находить выход. *Вы* ведь сюда вошли, так?

Она, поёжившись, кивнула, и сразу попыталась оправдаться:

– Но я не виновата, я шла не сюда...

– Тебя кто-то сюда толкал? – усмехнулся он, но глаза его были строги. – Нет? Тогда это твоя вина, что ты здесь! Ты смотрела, куда шла, видела, куда ведут тебя ноги, оглядывалась по сторонам? Спросила у знающих людей, безопасна ли дверь, куда ты хочешь войти?

Жанна прикусила язык.

– Так кто ещё, кроме тебя самой, виноват в том, что ты оказалась здесь?

– Никто, только я, – вынужденно согласилась она, видя, что он ждёт ответа.

Далтон ещё раз оценивающе посмотрел на неё.

– Что ж, свои ошибки признаёшь – и то неплохо! Жаль только, что так глупа... Как можно было идти куда-то и не размышлять, *куда*? Почему не смотрела по сторонам?

– Я смотрела, но я ведь знала, что иду домой! Просто в глазах всё мерцало, я видела и свой мир, и что-то непонятное...

– Что это значит? – насупился он. – Как ты могла *идти домой*, если и так была в *своём* же мире?

Жанна тяжело вздохнула. Она снова вспомнила и Жана, и Аллена, и Мари... И даже приёмных родителей, которые с ужасом говорили о переходах между мирами. Ей не хотелось сообщать не очень приятному Далтону о своём прошлом, но иного выхода она теперь не видела: иначе он не стал бы ей помогать... Пришлось объяснить, как она пыталась перейти из одного мира в другой и для чего.

– Так это была не проверка своих умений: сумеешь-не сумеешь пройти в другой мир? – подвёл он итог её рассказу, вновь не ожидая ответа на свои мысли, и задумался: «Вот оно что... Она не жила среди магов и ничего не смыслит в магии, ничего. Она сейчас как чистый лист, на котором можно писать. А есть ли у неё сила?..».

Он ещё раз пристально всмотрелся в Жанну, несколько не стесняясь своего взгляда. А ей стало так неловко, что она заёрзала на диване, делая вид, что поправляет подушку.

«Она не может быть слабой... Хотя, если она ничего не знает, то это и есть – её первая слабость! Другая её слабость появится, когда она только начнёт узнавать – и магию, и

свою силу. Тогда ей будет больно, потому что она навсегда попрощается с той собой, которая есть сейчас. Но это будет не моей виной – она сама, того не ведая, уже вершит свою судьбу! Она могла остаться в своём мире без магии, но рвётся к ней, и я всего лишь приближу момент, когда она сольётся со своей истинной сущностью, заложенной кровью прекрасной Абаль...».

Его взгляд упал на дымящуюся трубку в его руке и немного угас, затуманившись воспоминаниями... Перед глазами его снова стояла *она* – женщина, прекраснее которой он никогда больше не встречал в своей жизни. Её подвижное лицо и яркие, как камень, зелёные глаза... Алый рот, полностью оправдывающий её цветочное имя – Роза. Роза Нориен, которая для всех незнакомых людей была обычной женщиной, для простых знакомых – обычной колдуньей, а для своих домочадцев – сильной ведьмой и жизнерадостным человеком, для него была больше, чем просто другом. Когда-то она была женой его отца Бронта, но сам он, молодой Далтон, тоже влюбился в мачеху, как в саму жизнь, ведь она просто горела жизнью, была неиссякаемым источником энергии для его души! Абаль – звал он её, «дикая роза». Та, что никогда не сдаётся и, чаруя всех красотой и свежей энергией, имеет ещё и кучу острых шипов, чтобы себя защитить. А в случае с Розой Нориен, защитить ещё и всю свою семью, какой бы большой она ни была...

Жанна уже отчаялась дождаться, когда собеседник вернётся к разговору, который был так важен для неё самой. Но это только измученные нервы упрямо шептали, что про неё напрочь забыли – на самом же деле прошла всего пара минут, и Далтон снова поднял на неё сосредоточенный взгляд.

– Ты сказала, перед глазами всё мерцало. Ты чем-то больна?

Её бросило в жар от стыда: ей всегда было неловко показаться перед людьми, когда она болела – когда от насморка менялся голос, если приходилось кашлять или чихать... – и она быстро замотала головой:

– Нет, просто в этот раз... вот так как-то вышло. Кстати, я и не знала, что разные миры могут быть так сильно похожи, – тут же добавила она, спеша перевести тему. Но эти слова, казалось, заинтересовали Далтона ещё больше.

– *Похожи?* – повторил он, подавшись вперёд. – А потом?

– Потом?... – не поняла она. – Потом не знаю – с глазами всё опять стало нормально, и тогда я и увидела, что тут всё другое. Но только дверь обратно уже найти не смогла – я ж не знаю, как она выглядит теперь, то есть здесь.

Она тяжело вздохнула и снова поёжилась, вспомнив свой день у развалин и огромного ворона, и стервятника, и то зловещее когтистое дерево...

– Что ж... Тогда, может, ты не так глупа, как мне показалось поначалу, и тебя подвела не глупость, а невежество, – снова спокойно откинулся он на спинку кресла. – Кстати, резкий туман перед глазами – это в большинстве случаев магическое воздействие, особенно, если для физической болезни у тебя причин нет.

Он внимательно смотрел на Жанну, наблюдая, как в её глазах появляются мысли. Но она не поверила.

– Вы говорите, что меня... *заколдовали*? То есть, обманули? – быстро поправилась она, поняв, как нелепо в её устах звучат слова о магии.

– А что тут такого? У тебя есть враги?

– Нет, – растерянно мотнула она головой.

– Значит, у тебя их много, и ты слаба! Тот, кто всегда помнит о своих врагах, – даже если не знает их в лицо, но подозревает об их существовании, – защищён сильнее, чем тот, кто видит во всех друзей.

– Так не бывает, – тихо ответила она и упрямо уставилась в глаза Далтону, желая найти в них указание, что он шутит. Но он только снова усмехнулся.

– Ты глядишь на меня сейчас такими большими глазами, будто заколдованная сова. Ты не веришь моим словам, они кажутся тебе слишком преувеличенными? Тогда ты и дня не протянешь, выйдя на улицу в этом мире! И как же ты жила в других мирах? У тебя что, было много друзей, которые были тебе стеной?

Она открыла было рот, чтобы гордо объявить о своих способностях заводить кучу знакомств, но вдруг осеклась. Могла ли она кого-то действительно назвать другом? Ещё год назад в ответ на этот вопрос она перечислила бы имена *всех* людей, которых знала, потому что искренне верила, что это – *друзья*. Но не теперь. Сейчас у неё была только Мари, и, возможно, Жан, – хоть он и был большой вредinou, она уже соскучилась по нему. Она задумалась и об Аллене, но с удивлением поняла, что даже его, которого с самого начала знакомства считала своим возлюбленным, назвать другом сейчас не могла – она ничего не знала о нём, не знала, что он любит, как живёт, чего желает в своём мире. И он тоже ничего не мог знать о ней, потому что они виделись всего лишь раз, и, как бы она ни была ему симпатична, он может не доверять ей. А ведь главное в дружбе – это *доверие*?..

– Я не знаю... – нерешительно промолвила она, видя, что Далтон ждёт ответа.

– Что ж... Неплохо для начала, – оценив её растерянный вид, сказал он. – В следующий раз, надеюсь, ты чётко скажешь, сколько у тебя друзей, если они на самом деле есть, но то, что ты не кричишь о доброте к тебе всего мира, уже хорошо.

– Так вы можете мне отсюда выбраться? – осторожно уточнила она, чувствуя что-то неладное – ей казалось, что после всех этих объяснений и по большей части лишнего копания в её ситуации, можно было бы уже помочь ей конкретными действиями: открыть дверь, пространство с проводником... А не задавать всё новые вопросы. – Вы ведь можете мне вернуться в мой мир?

– Почему бы и нет... Явно ведь, что здесь тебе нечего делать. Вот только сначала тебе придётся кое-чему научиться.

– Чему?

Нетерпеливо она ожидала ответа, но он молчал, оценивающе глядя на неё, – он думал о том, что собирается сделать. «Будет ли она прилежной ученицей? Поймёт ли то, чему я могу научить? И не опасно ли ей, такой наивной и молодой, давать в руки подобные знания? – размышлял Далтон. – С другой стороны, в этот мир её отправили явно специально, и тот, кто это сделал, точно ей не друг! Как только она покинет мой дом, её наверняка уничтожат... Удивительно, что этого не произошло раньше!.. Могу ли я допустить, чтобы внучку Розы Норизн постигла такая ужасная участь – погибнуть даже без боя от руки врага, о котором она не подозревает в силу своего возраста и обстоятельств, не позволивших ей получить подходящее образование?..

Абаль... Подозревала ли она, что её потомкам придётся побывать в мире теней? Она так хотела, чтобы я купил именно этот дом, в месте, параллельном тому, где в её мире стоял её собственный... А что было бы, если бы я не собирался поселиться в мире теней?...», – подумал он и, наконец, произнёс вслух:

– Ты станешь моей ученицей. Я научу тебя некоторым вещам, для начала – самым азам магии, потому что сейчас тебя нельзя назвать даже новичком. Ты просто ноль...

Он говорил ещё и ещё тем же монотонным и строгим голосом, но Жанна уже ничего не слышала. У неё опять было ощущение тумана – но уже не перед глазами, а в ушах, и после первой же фразы Далтона она не поняла больше ничего. Как, впрочем, не поняла и саму эту фразу.

- Что значит: стану ученицей?.. – тупо переспросила она, уставившись на него. Он пристально посмотрел в ответ и очень медленно, с расстановкой, повторил.
- *Вы* хотите научить меня магии? – ещё раз переспросила она, не понимая.
- Снова получив тот же ответ, она занервничала.
- Нет. Пожалуй, для меня это слишком... Не нужно. Просто помогите найти дверь перехода в мой мир.
- Только после того, как обучу тебя. Иначе это будет бессмысленно – тебя уничтожат.
- Нет, вы смеётесь надо мной! – от волнения она вдруг даже подскочила. – Вы – хотите научить меня – жить – в *этом* – мире?
- А что тебя удивляет?
- Вы живёте в мире теней! Значит, вы – один из тех... которые... – пыталась подобрать она слова, но никакой сладкой замены не нашлось, и она резко выпалила. – Вы – из тёмных магов, и научить можете только тому, что сами знаете. Вы хотите, чтобы я тоже стала... этой... тёмной?! Да как я потом на людей буду смотреть? Как в глаза Мари погляжу, что скажу ей?!
- Весьма интересно, кто такая Мари, но об этом ты вполне сможешь рассказать позже, – так спокойно ответил Далтон, будто вовсе не заметив, как Жанна взбудоражена, и снова повторил. – Как я уже сказал, как только ты покинешь мой дом, ты наверняка лишишься жизни, так что, если дорожишь ею, ты должна остаться здесь. А чтобы не оставаться здесь навсегда, а также успешно отправиться в свой мир, тебе нужна моя помощь. Я дам тебе её, но ты должна будешь многому научиться!
- *Многому*? – возмущённо передразнила Жанна. – Вы только что говорили: *некоторым* вещам...
- Будешь ещё спорить, придётся выучить *всё*, что знаю я сам! – холодно ответил он.
- Его глаза стали очень пронзительными, и она почувствовала, что из них будто готовы вырваться молнии. Она сразу немного стихла и даже присела обратно на диван. Она и хотела бы снова что-то сказать, но побоялась: вдруг его слова – правда? Вдруг он действительно опять изменит свои правила, которые озвучил, и ей придётся остаться в этом мире навечно, пытаясь выучить всё, известное ему?.. «Но ведь в какой-то момент я узнаю, как перемещаться между мирами, и сразу смогу уйти сама, не продолжая ничего учить... – попробовала она себя успокоить, но в голову влезла новая мерзковатая мысль, – а вдруг он научит меня переходам только через много-много лет?..». Её глаза увлажнились, и она захлопала ресницами. А потом опустила лицо в ладони и заплакала.
- Далтон смотрел бесстрастно. Теперь он ясно видел, что это не Роза. Та никогда не плакала – нет, не так: он никогда не видел, что она плачет... Она была слишком горда и смела, чтобы делить свою печаль с другими. А эта...
- Жанна, – вдруг произнёс он и, подавшись вперёд, протянул к ней руку. Правда, он тут же одёрнул свой неожиданный порыв, и она не успела заметить его ладонь, нависшую над её головой. – Боюсь представить, каким ты видишь меня в своих мыслях, раз так не хочешь у меня учиться.
- Я просто не хочу быть тёмным магом, – всхлипнула она.
- Я вовсе и не обещал, что ты станешь магом. Я лишь покажу, что происходит вокруг, то, как можно использовать невидимые ресурсы – свои и мира, – чтобы ты хотя бы понимала, какие возможности могут быть у окружающих тебя людей. Тогда ты будешь представлять, чего от них можно ждать. Ты не обязана будешь сама использовать эти навыки, хотя, если научишься и захочешь, – сможешь. И, конечно, никто не заставит тебя причинить своими силами кому-то зло, если ты сама этого не желаешь!
- Она подняла голову.

– Тёмные, светлые... Видимо, ты начиталась сказочных книг, – продолжал он успокоительно. – В этом мире тоже есть сказки, древние легенды... Этот мир обычный, как и все остальные. В нём, как и в других, живут *люди*. У них бывают разные по внешнему виду стремления, но по сути своей желания у всех одинаковые. Просто кто-то хочет больше одно, кто-то – другое, и каждый сам выбирает, каким путём получит желаемое. Кто может решать верно, что выбрано или сделано плохо, а что хорошо? Где та грань, как использовать свою силу, если сопротивление и конфликты с других сторон будут всегда?.. Сделаешь ты добро – тебя будут проклинать злые, поступишь плохо – станешь врагом хороших... Вопрос лишь в том, что ты сам сочтёшь плохим или хорошим и с чьим другим мнением это совпадёт... Главное – не ошибиться лишь в себе. Ведь даже если ты сделаешь добро, другие могут этого не простить... Потому что добро в твоём понимании может не быть добром в глазах других...

Голос Далтона казался Жанне всё тише и всё дальше. Она смотрела в его глаза – в них была сталь, твёрдость, которой она никогда раньше ни в ком не видела. Было ли это уже когда-то? – она не знала, как не знала и то, можно ли через глаза рассмотреть человеческую душу. Никогда раньше она об этом не думала, но теперь, глядя в эти очи, не понимала – может ли на самом деле душа быть такой серой, такой бездонной, такой искрящейся, будто внутри, в серой глубине, где не существует дна, разрывается тысячами искр множество мелких трещин?.. Почувствовав, что утопает в этой серой бездне, она закрыла глаза. Но и теперь перед ней кружились искры, то приближаясь, то отступая. Серый цвет перед глазами постепенно отчего-то светлел, желтел, будто наполняясь солнечными бликами, пока резко вдруг не превратился в бессмысленно чёрный...

Далтон встал и осторожно всмотрелся в её лицо. Её голова лежала на подлокотнике дивана, а руки безжизненно свесились почти к полу. Глаза были закрыты, а дыхание было глубоким.

Удовлетворённый осмотром, он дотронулся до неё, и через пару мгновений, исчезнув из гостиной, они оказались в уже знакомой Жанне спальне. Здесь, махнув рукой в сторону окна, он заставил шторы закрыться, а затем вышел и осторожно затворил за собой дверь.

Глава 8

Уже несколько дней Манди удивляла Жана – она была так весела и так радовалась всему, будто её подменили. Он даже пошутил, не укусила ли она Жанну, чтобы заразиться такой беспечностью, которая была свойственна больше его сводной сестре, чем тёмной возлюбленной.

Та отшучивалась, делая вид, что не произошло ничего сверхъестественного, и продолжала напрашиваться на прогулки по набережной, на аттракционы, в рестораны и театры. Настроение её, казалось, всё улучшалось и улучшалось, и Жан почти поверил в её искренность. Его перестало даже смущать, что она всё также старательно, как раньше, пропадает на какое-то время – потому что теперь она каждый раз сообщала ему об этом, что было для неё несвойственно, тем более, что и перемещалась она – куда и обычно: обратно, в свой мир теней – тот самый, где они когда-то впервые и встретились.

День их знакомства Жан помнил до сих пор – в то время он в основном жил в своём исконном мире и лишь иногда отправлялся и в мир теней. Дорогу туда он когда-то нашёл сам, и это было давно...

В библиотеке его первого дома, дома Нориен, было очень много текстов. Но лишь когда Жан перебрался жить к деду Шамилю, он понял, что книги могут быть и другими – более тёмными... Он стал интересоваться ими, но найти их было не так просто, и он выискивал их в городских библиотеках под ненавязчивыми названиями, которые никак не могли бы указать на истинную сущность содержащегося под обложкой, или выкупал у знакомых... В них говорилось о многом, но Жана больше всего интересовало одно: каким должен быть подход к магии, чтобы создавать свои собственные заклинания. Эти подходы он искал в разных источниках, иногда анализировал даже действия вымышленных героев из художественных произведений, чтобы понять, как они пришли к тому или иному выводу или действию в своей судьбе...

Дед Шамиль не особо вникал в учёбу внука – сам он не был любителем магии. Если бы ему дали мир, в котором была бы только одна деревня рядом с полем у леса и озера, он был бы счастлив – правда, только если бы ему дали это сразу от рождения! А так, родившись в магическом мире, он считал, что и прожить свой век он должен здесь, что такова его судьба. Потому, когда Гвенда предложила ему отправиться с маленькой Жанной в другой, не магический мир, он отказался. Быть может, трижды он и подумал бы перед тем, как отказываться, если бы не ситуация с Жаном – то, что дед Шамиль случайно узнал о своей с Жаном семье, о том, что скрывали его жена Гвенда и её мать Роза Нориен, и Лидия, его падчерица, так шокировало его, что он не мог бы теперь оставить Жана. Потому, разведясь с Гвендой, он и предложил мальчику пожить у него, на что тот радостно и согласился.

Впрочем, что именно привело семью к распаду, сам Жан так и не узнал. И считал, что, судя по тому, что из этой семьи он единственный остался жив, уже никогда и не узнает...

Проход же к миру теней он нашёл случайно. К этому моменту он уже много тренировался находить проходы самостоятельно, чтобы переходить в другие миры, минуя комнаты проводников, без огласки и без чужих глаз. Но, несмотря на все старания и измышления, до сих пор ему ни разу не удавалось никуда проникнуть самому, даже разрезать ткань пространства. Пока его не покинул дед Шамиль... Это было не нападение врагов, и не случайность, а просто старость. Она пришла за ним незаметно для Жана, и это сильно шокировало молодого человека и стало новым толчком для его магического развития.

В ту ночь, когда он впервые остался совершенно один – один на этом свете, – он раскинул руки, мысленно проклиная весь мир, потому что теперь ему больше нечего было терять. И перед ним вдруг резко распахнулись двери! Он не видел дверной ручки и порога, и даже самой двери, но внезапно ощутил незримо, что глядит прямо в открытое пространство. Оттуда веяло свежестью и новизной, и злобой, и это так совпадало с его собственным ощущением в тот момент, что, не задумываясь ни на одно лишнее мгновение, он шагнул вперёд...

Новый мир вокруг него оказался тёмным. Это была не ночь и даже не зима, когда темнеет раньше, чем всегда, и снежное небо чаще скрывает солнце. Это была просто окружающая агрессия и специфический холод самого мира – тех, кто в нём жил. Но в тот первый раз Жан даже не заметил этой темноты, потому что перед глазами его всё равно была его боль. Это теперь он знает, как в мире теней на самом деле...

С тех пор он много раз бывал в нём и даже приобрёл там дом. Этот мир был близок ему. Ни разу никто здесь не ранил его, не упрекнул ни в чём, не сделал вид, что дружен с

ним. Тут не было обмана и такого предательства, когда тебе сначала обещают или дают понять одно, а потом предают эту память и обещание и поступают с тобой по-другому. Здесь тот, кто Жану враг, был врагом и не был другом, и это опьяняло его больше, чем свет его первого мира, где желающие быть хорошими люди всё время мечутся, пытаются понять и выбрать, что же на самом деле правильно.

В один из таких дней, когда он снова жил в мире теней, он вышел на улицу – ему хотелось пройтись по этой темноте: горячие эмоции он считал слабостью, тем, от чего нужно уметь избавляться, и он хотел немного охладить собственные мысли...

Как он и рассчитывал, снаружи было прохладно. Но не так, как бывает зимой, когда или всего изнутри тебя наполняет невероятная свежесть, или начинает морозить открытые участки кожи лица и рук. И не так, как приходит весна, – когда даже с закрытыми глазами можно ощутить запах нового рассвета жизни вокруг. А по-другому: как будто ты – тёплый комочек, тёплое существо, – находишься в необычной атмосфере. Вокруг тебя вроде бы холод, но он лишь касается тебя, не проникает внутрь, будто глядя по коже, даже прикрытой одеждой, и предостерегая: вот это – я, тьма; знай, в чьи края ты ступил... остерегайся и помни: как только ты отвернёшься, забудешь про меня, расслабишься, тогда я мгновенно проникну в твоё нутро и отравлю твою жизнь!..

Ему нравилось это ощущение опасности, когда необходимо напрягать все внутренние силы своего тела, чтобы не сбиться с курса, не поддаться, не сломаться. Не проявить слабость. Тогда все эмоции берутся под контроль – потому что *иначе нельзя*. Тогда он холоден и рассудочен, спокоен и строг, и никакие эмоции тогда не способны разрушить его сердце и разум.

Он шёл вперёд, вдыхая этот воздух и стремясь почувствовать движения сразу со всех сторон. Это было новой для него тренировкой – пытаться ощутить не только, что происходит там, куда он направляется, или не появляется ли угроза со спины, но чувствовать, что происходит со всех сторон сразу. Где-то вспорхнула птица? – настоящая ли она? Где-то затаился зверь? – это реальный зверь или воплощение колдуна? Где-то назревает ярость? – направлена ли она на него самого, или он лишь идёт мимо участка, где кто-то и так стоит в гневе?..

Как вдруг он ощутил странную птицу. В сгустившейся тьме её вовсе не было видно, и, оглянувшись, он лишь раз заметил мраморный блестящий клюв. Он продолжал идти и ощущал, как птица, будто беснуясь, появляется перед ним то сзади, то спереди, то летит на расстоянии сбоку. И странность, которую он ощутил, была в том, что все эти свои движения она делала для него самого!

Через полчаса пути, когда изменений в её поведении не появилось, как не было и нападений или других неожиданностей, Жан остановился. Он понимал, что, если тёмный маг ведёт себя так угрожающе беспечно, явно напрашиваясь на разговор, то у него на это должны быть веские причины.

«С другой стороны, – вдруг подумал он, – лично мне этот колдун ничего дать не сможет. Значит, ему нужно что-то для себя... А я не обязан ни с кем говорить!».

Он моментально вынул руки из карманов и вытянулся по струнке, и тут же исчез с дороги. И оказался в своём дворе. Оглянувшись, он убедился, что за ним никого нет, и вошёл в дом.

Спустя несколько минут он спокойно сидел в гостиной, у столика с вечерним чаем. За окном догорали последние мелкие искры и так весьма негорячего солнца, но ему нравился такой вид – когда стихает всё окружающее, становится не слышно людей, как будто вокруг живёт только природа: без особых желаний и без тех тайн, которые специально спрятаны для того, чтобы о них никто не узнал...

Как вдруг в камине вспыхнул огонь: красно-чёрный пламень сначала взвился высоко вверх, и, казалось, должен был мгновенно съесть деревянную полку, но сразу вернулся в ложе камина. И тут же в дверь позвонили.

Колокольчик методично прозвенел трижды, и Жан молниеносно переместился к двери. Он не стал бы так делать и подошёл бы обычным образом, но ситуация с камином была странной. Было ясно, что огонь – это или визитная карточка посетителя, или – предостережение его собственной удачи, говорящей, что у Жана появился новый враг...

Впрочем, он уже давно не боялся многих вещей, и второй раз за вечер уходить от разговора с магом, который явно желал с ним увидеться, не планировал. Он бесстрастно открыл дверь и отошёл немного назад. Во дворе было темно, и зажигать свет там он сейчас не собирался: здесь вокруг него были стены, и при случае он мог этим воспользоваться, а сколько врагов ждало его на открытом пространстве на улице, он не знал и проверять это наудачу не желал.

Посетитель не заставил себя долго ждать – им оказалась молодая красивая женщина. Как позже узнал Жан, её звали Манди, а пока же по её взгляду и особой внутренней уверенности, и силе воли, которые чётко ощущались во всей её фигуре, он убедился, что это действительно маг. Впрочем, рассчитывать встретить в мире теней кого-то другого было бы слишком самонадеянно... А, значит, недооценивать её было нельзя, как и всех вокруг!..

– Могу войти? – она разглядывала его с таким интересом, будто это он пришёл к ней домой, а не наоборот.

Жан указал ей в сторону гостиной, и, спокойно повернувшись к нему спиной, будто выказывая свою уверенность в том, что ей нечего опасаться, – или же показывая свою глупость, – она прошла вперёд.

Беседа началась неожиданно: Манди заявила, что уже много времени следит за ним и хочет познакомиться. А учитывая, что все её знаки внимания, посланные в образе ворона, он не воспринял, ей пришлось появиться с открытым лицом.

Её рассказ Жана не впечатлил и, выслушав, он холодно предложил ей покинуть его дом. Ей пришлось уйти, но ещё несколько раз в разном облике – и в человеческом, и в виде чёрного ворона, – она пыталась завладеть его вниманием. Но Жан слишком хорошо помнил главное правило мира теней – никаких друзей нет; стоит только расслабиться или чему-то поверить, – и тебя ударят твоей же верой или слабостью. Потому, прожив ещё какое-то время в этом мире и снова насытившись его холодной агрессивной атмосферой, он вернулся в свой обычный мир. Здесь он был простым человеком, никогда на людях не перемещался так, как это делают тёмные маги, и никогда не показывал окружающим, что способен видеть тех, кто приходит из мира теней, – ведь это указало бы и на его способности...

А Манди оказалась настырной – она нашла Жана и в его мире, и материализовалась прямо перед ним, когда он гулял с несколькими знакомыми из магического института, в котором когда-то учился. Никто из них её не заметил, а Жан не подал и виду, что к ним кто-то присоединился. Он с интересом наблюдал, как красиво на свету этого мира сияет её глубоко чёрное оперение, как она игрива и ловка... Особое удовольствие ему доставило, когда она несколько раз задела спорящих с ним собеседников своим невидимым крылом. Это сильно напугало их, и морально Жан был вполне отомщён за их споры с ним.

Распрощавшись с ними, он поторопился вернуться домой. Огромная птица летела рядом, но этого не видел никто из прохожих. Он знал, что заговорить с ней сейчас на улице было бы глупо, ведь он столько времени скрывал свою сущность в этом мире! Она же смеялась и кружилась над ним, и влетела в открытую им дверь, как к себе домой.

Впрочем, вскоре это действительно стало так. Они жили вместе, не требуя друг от друга постоянного присутствия. Когда Жану хотелось сосредоточиться, он спокойно переходил в мир теней и уходил оттуда, не предупреждая, а Манди, когда ей надоедал яркий дневной свет его настоящего мира, спокойно возвращалась в свой. Через некоторое время Жан даже сделал ей предложение. И был удивлён, когда она отказала...

Она снова исчезла. Он искал её в мире теней, но не мог найти. Только через месяц она появилась вновь и объяснила свой отказ – как оказалось, дело было в его сестре, а точнее, в той силе, которая должна была принадлежать *ему*.

Манди говорила об этом долго и похоже было, что она вынашивала этот план давно – она неторопливо посвящала в него Жана, смакуя каждую деталь, каждый момент и предвосхищая каждый вопрос, который мог у него возникнуть.

Сначала она объяснила, что именно ему должна принадлежать родовая сила семьи Нориен. Потом ещё много раз говорила об этом, заставляя его мысли подчиняться её словам, заставляя, в конце концов, поверить в то, что так действительно должно быть! Она приправляла свои слова ласками, а иногда угрозами, и обещала выйти за него замуж, когда его холостая жизнь принесёт свои плоды. Не могла же девушка – его сестра – поверить незнакомому женатому мужчине? Нет, нужно было дать ей понять, что ей хотят помочь, чтобы она доверилась и расслабилась, и не ждала подвоха. Он не должен был жениться на Манди, пока не получит свою законную силу!..

Вскоре её увещевания дали плоды – Жан, наконец, согласился с тем, что именно он достоин новой силы; что девчонка не имеет никакого права ею владеть; что семья предала его, отказавшись от него и оставив жить с дедом Шамилем, будто Жан никогда не имел к ним отношения, не был сыном и внуком.

Так и начался их план. Жан отыскал в своём бывшем доме старинные часы, двойник которых, как он знал, бабка Гвенда, уезжая, забрала с собой. Он рассчитывал, что теперь те находятся рядом с его сестрой. Её имени он даже не помнил, ведь она была в его жизни так давно и так мало!.. Он зарядил будильник, чтобы они заставляли нещадно трезвонить своего двойника. Жанна просыпалась, засыпала снова, не высыпалась, теряла силы и рассудок, терялась в снах... Она нашла дорогу в мир Жана и, благодаря Манди, не успела вернуться обратно. Дело оставалось за малым – отобрать у неё в этом мире силу, и поставленная задача была бы блестяще решена!..

Но не всё пошло по плану.

Увидев Жанну впервые, а потом и пожив с ней какое-то время под одной крышей, Жан осознал, что это действительно чужой для него человек, к которому он ничего не чувствует. Ничто больше не останавливало его от выполнения плана, который он обговорил с Манди, кроме, конечно, мысли о том, что он впервые совершит убийство. Впрочем, он уже наносил людям вред, – хоть и не лишая жизни, а только защищаясь, – и потому, желая заполучить Манди, всё же был исполнен решимости. Но у него появилась новая идея: дождаться, когда Жанна сознательно примет магию в свою жизнь, что сразу увеличит её силу, и тогда уже забрать её всю... Конечно, самому Жану не было видно, что подобные мысли являлись лишь попыткой отодвинуть неприятный момент подальше, ведь что может быть хуже, чем уничтожение единственного кровного родственника?.. – даже если и сам его не знаешь, такая потеря будет уже невозполнимой. И чем дальше шло время, тем сильнее было нежелание Жана уничтожить сводную сестру, только признаваться в этом он никому бы не стал, даже самому себе!.. А потом она внезапно исчезла.

Конечно, обеспокоенный, он поискал её, но потом обнаружил пропажу будильника из своего тайника и понял, что она просто вернулась в свой первый мир. Вся эта ситуация

тут же показалась ему законченной и вполне разрешённой – он больше не собирался выуживать Жанну из её первого мира, чтобы забирать у неё силу. Теперь ему это не было нужно, как, по странной случайности, и рука Манди – он вновь вспомнил, из какого она мира и то, что врага можно распознать не сразу, и мысленно даже предположил, что Манди, возможно, ведёт игру в своих личных интересах.

Потому, когда она, слишком весёлая для своего обычного настроения, снова подняла эту тему, он был к ней не готов.

– Теперь ты легко можешь всё сделать! – шепнула она ему на ухо, когда, сидя в кресле, он думал совсем о других вещах, а не о том, что видел на страницах свежей газеты, которую неспешно пролистывал.

Он поднял голову и поглядел на Манди молча, ожидая продолжения. А она и хотела бы поиграть, как обычно, задевая за живое и дёргая нити нерв, но сама внутри была до предела напряжена и потому вскоре продолжила, сдерживая волнение:

– Она, твоя сестра, сейчас *там*...

Жан, в последнее время видевший слишком много странностей от своей обычно взбалмошной, но вполне предсказуемой тёмной подруги, решил, что лучше будет дать ей высказаться, и снова промолчал. И оказался прав: не дождавшись вопроса, показавшего бы, что собеседник заинтригован и готов попасться на удочку, Манди подскочила с кресла и нервно прошлась по комнате. Пару раз за её спиной возникали и дёргались чёрные крылья, но тут же испарялись, будто она вновь и вновь передумывала улететь от слишком недалёкого умом или равнодушного партнёра. Но игра стоила свеч, и с огромным трудом она уладила свой порыв.

– Твоя сестра в мире теней, – произнесла она твёрже, уверенная, что уж после этих слов никаких неясностей быть не может.

Жан отложил газету в сторону и откинулся на спинку кресла, чтобы лениво рассмотреть в горящую чёрным желанием Манди.

– Ты ничего не скажешь? – процедила она сквозь зубы, не дождавшись ответа.

– *Моя* сестра – в мире теней, – повторил он и пожал плечами, будто это ничего не значило. И Манди дёрнула плечами от возмущения, не поняв, специально он сделал акцент на слове «моя», указав, что это касается только его самого, или же нет... – Я ведь верно услышал?

– Да! – вспыхнула она. – Ты обещал мне её убить!

«Это уже интересно... – усмехнулся он про себя, не теряя хладнокровия, хотя огонь из камина вырвался так спешно и сильно, что, почти дотянувшись до него, успел обдать его жаром. – Она так хочет, чтобы я сделал это для *неё*...».

– А зачем?

– Потому что тогда её сила окажется у тебя! – зашипела она, но тут же взяла себя в руки и продолжила чуть спокойнее. – Ты станешь сильнее и сможешь делать с этой силой всё, что захочешь...

Она глядела уже не так, как пару минут назад: в её голосе появилась чарующая мягкость и желание заманить... Но Жан прекрасно знал, как обманчива эта ласка в голубых глазах, кажущихся тёмными от скрываемых эмоций.

– Тогда мне и решать, когда получать эту силу, верно?

Сжав кулаки, она снова напряглась, но тут же выдохнула:

– Конечно! Но чем быстрее ты её получишь, тем скорее получишь и меня... Ты ведь помнишь? – моя рука, моё сердце... Я проведу с тобой всю твою жизнь...

Неспешно присев на подлокотник кресла, она приобняла его за плечи. Впрочем, за это короткое время он успел испытать много чувств, и особенно – интерес: «А почему это она

хочет провести со мной мою жизнь, а не свою?.. Она считает, что моя должна быть короче?». В зелёных глазах мелькнула злая пронзительность, и тут же стихла, не позволяя себя обнаружить.

– Да, я помню... – проглотил он собственную желчь, решив действовать осторожно. – Ты права! Нужно посмотреть, что она делает в мире теней... Там легче с ней разобраться, как и с другими.

– Правильно, – погладила она его по плечу и осторожно уточнила. – А с какими – другими?..

– Не бери в голову, моя пташка! – он ласково провёл рукой по её щеке и заметил, как в холодных глазах мелькнула ярость, в то время как на губах появилась приторно-слащавая улыбка. Он знал, что она ненавидит, когда он зовёт её *пташкой*, но теперь она молчала, не выказывая гнева; только пальцы её вспотели и немного дрожали, и она поспешила вытянуть руку из его ладони. – Как она туда попала?

– О, это такая неинтересная история! – подскочила она. – Я попросила своих друзей перевести её в мир теней, и они это сделали, вот, впрочем, и всё!.. Сейчас она живёт в каком-то доме у жалостливых людей, но скоро обязательно оттуда выйдет и с ней можно будет закончить. Так что тебе лучше поторопиться!

– И сколько времени она уже там?

– Немного, – ответила Манди, спеша окончить разговор. – И, раз это твоя сестра, я думаю, моя помощь тебе не понадобится: ты сам с ней прекрасно справишься, а я буду готовиться к свадьбе, хорошо?

Она чуть не подлетела к нему и быстро поцеловала. А после, немного покружив по комнате, превратилась в ворона и испарилась за открытым окном.

Ей не хотелось сообщать, что Жанна в мире теней уже несколько дней, – тогда у него появились бы вопросы, почему она не сказала об этом раньше, а ей нечем было бы это объяснить! Кроме того, не могла она допустить и того, чтобы ей пришлось отправиться в мир теней с ним – никто не должен был видеть их вместе теперь, когда она вновь пыталась убедить его в необходимости убийства. И, особенно, этого не должен был узнать тот, кто дал совсем иные, вполне недвусмысленные, но так отличные от прежних указания насчёт Жанны!..

Оставив Жана в одиночестве, переместившаяся в мир теней Манди оказалась на тёмной улице.

Она отлично знала этот мир. Точнее, каждому, кто жил здесь с самого своего рождения, всегда представлялось, что он *знает* этот мир. Но не всегда это было так, правда, эту свою ошибку многие понимали лишь, когда было поздно...

Непривычно медленно она прошлась вперёд по дороге. Казалось, она очень сомневается в чём-то – то ли в своих нынешних действиях, то ли в том, что уже сделала. Впрочем, тратить много времени на раздумья она не любила. Она прекрасно помнила, что способность читать мысли доступна далеко не всем, и среди своих знакомых, даже тех, кем по какой-либо причине дорожила, она таких не знала. Потому, скрепя всё же трепещущее немного сердце, свернула с дороги и, пройдя ещё несколько десятков метров, оказалась у чёрного забора.

Он был длинным и высоким, но не сплошным, и за ним можно было прекрасно рассмотреть ещё более высокий роскошный дом и немного странный монохромный пейзаж – рядом не было ничего, кроме каменной дорожки, небольшого озера и окружающих его груд камней, составляющих основной ландшафт этого места.

У калитки висел чёрный молоток. Он не отличался особым изяществом и красотой, и лишь особая отметка на одной из его сторон позволяла прочесть имя владельца – имя,

указывающее на принадлежность к одному из весьма старых семейств этого мира и вызывающее трепет и уважение даже юнцов.

Манди подошла ближе и протянула руку к молотку, но не дёрнула. Казалось, какая-то боязнь или сомнения не позволяли ей вот так просто им воспользоваться, и тот, кто знал Манди другой, не поверил бы, что она может быть столь неуверенной... Всё же, решившись, она тронула его, и раздался глухой звук. Конечно, она знала, что глухим и негромким он был только здесь – на самом деле его звонкий и весьма сильный отголосок сейчас раздаётся в самом здании, которое так величественно упирается в суровые скопления туч, нависшие здесь будто на постоянной основе.

Через мгновение ворота из чёрного металла начали движение, открывающее проход к каменной дороге, и Манди направилась к дому, всей кожей ощущая скрежещущий звук закрывающегося за спиной металла. Дышать ей стало тяжелее, а ноги сами вдруг ускорились, стремясь побыстрее донести её к крыльцу. Там она задержалась чуть-чуть, чтобы перевести дыхание, и прошла в распахнувшиеся при её появлении двойные двери.

В холле было пусто, но она и не ожидала, что хозяин будет здесь, – обычно она находила его в огромной гостиной, и этот раз не был исключением: она увидела его, удобно расположившимся на софе с газетой в руках. Ещё несколько газет и журналов лежало на кофейном столике рядом с изящным серебряным подносом с чайной парой и кофейником.

Её взгляд вдруг зажегся, ей резко захотелось улыбаться. Она даже закусилась нижней губу, поняв, что её лицо сейчас прямо расплывается в улыбке, ведь она так долго – уже несколько несчастных дней! – не видела *его*.

– Можешь присесть, я дочитаю, – не меняя удобной позы, мельком взглянул на неё Говард – молодой и весьма серьёзный мужчина, в котором Жанна смогла бы признать своего постояльца Андрея, если б в момент их встречи её не подводили глаза и она бы запомнила его лицо и фигуру.

Манди, едва сдерживая радость, осторожно устроилась у его ног и затихла. Ей сейчас было так хорошо! – смотреть на него, не опасаясь, что он заметит её взгляд; ласкать его нежностью, за которую ей не придётся ответить, потому что он не будет знать, что она была... Наслаждаться тем, как он спокоен и строг, и красив, и...

– У тебя новости? – он всё ещё читал и даже не оторвался от газеты, чтобы задать этот вопрос, который резанул её по ушам – ведь сказать ей было нечего.

– Я покружила у того дома, чтобы последить... Там пока спокойно, – обманула она, не собираясь говорить, что была в мире Жана. – *Она* никуда не выходила... То есть, из дома выходила, но территорию не покидала. Видимо, опасается...

– Само собой, – холодно перебил её Говард, не поднимая головы. – Умная девочка...

Строго сказанная похвала, отзвенев в большой зале, застыла в ушах Манди, не понявшей, к кому та относилась: к ней или к Жанне...

– Мне ещё последить? – уточнила она.

– Не понимаю, зачем ты вообще это делала, – я и так знаю, где она, и тем более узнаю, когда она решится искать отсюда выход. Ты можешь заниматься своими делами! Я уже говорил: планы изменились.

– Да, помню!

Конечно, Манди прекрасно помнила, что планы изменились, но именно это пугало и настораживало, и огорчало её сейчас больше всего! Говард изменил свой план, и она должна была уже отговорить и Жана, настроенного причинить вред той, которую ошибочно считал своей сестрой. Конечно, поначалу Говарду это было на руку – молодой маг Жан, ради получения новой силы и развлечения своей возлюбленной Манди готовый

уничтожить якобы свою сестру, должен был разделаться с ней или, по крайней мере, весьма ослабить, чтобы дело мог довершить какой-нибудь продуманный несчастный случай, и истинная сила перешла бы к настоящему её брату – Говарду, чего не случилось бы, если б он сам имел явное отношение к её гибели. Теперь же Говард решил оставить Жанне её жизнь...

Почему так произошло, какие мысли привели его к такому решению, Манди не знала и даже не хотела бы в это верить, но приказ её настоящего возлюбленного был слишком ясен и строг, и изменить его или не подчиниться ему она не могла. Могла лишь уговорить Жана продолжать задуманное. «А потом пусть хоть уничтожит его!..», – думала она мрачно, рассчитывая, что Говард отомстит Жану за гибель сестры, а про её участие в этой ситуации не узнает! Но главное, чего она хотела сейчас больше всего, – чтобы Жан поскорее разделался с ненавистной Жанной, от которой у самой Манди были одни лишь проблемы!.. Ведь это из-за неё ей пришлось столько месяцев потратить на него, делая вид, что она влюблена; и за это время она так мало видела Говарда!.. А сейчас, когда его сестра появилась здесь, в мире теней, он стал уделять Манди ещё меньше внимания, и даже когда они были вместе, говорил и думал только о ней...

– Ты объяснила мальчишке, что убивать ему уже нет смысла? – наконец, оторвался он от газеты и, отбросив её на стол, вперил проницательный, очень холодный взгляд в глаза Манди.

Ей стало неудобно, но она помнила, что и он, наверняка, не умеет читать мысли... И ответила, подавив дрожанье в голосе:

– Конечно!

– Ты подложила в его дом документы и фотографии, подтверждающие, что он был лишь усыновлён Лидией Норией и не является носителем их крови, не состоит в родстве с Жанной и не сумеет получить её силу?

– Всё, как ты сказал... – обманула она, ничего из этого не сделав, и ещё на пару мгновений удержала его взгляд. Но после не выдержала и отвернулась, чтобы посмотреть в окно. – Погода сегодня хорошая. А мне так холодно... Ты согреешь меня?

Она действительно дрожала. Подскочив и подойдя ближе, она нежно опустилась на колени.

– Мы так давно не виделись... Ты скучал по мне?

В голосе её появились сладкие ноты, ласковые, но совсем не такие, как в разговоре с Жаном; в глазах затеплилось что-то мягкое, как будто за голубыми горами вставало снежное солнце с нежными хрупкими лучами...

Говард не ответил. Он думал о том, как они различны – эти ощущения... Когда рядом была Манди, он чувствовал холодность и спокойствие, и никакой новизны мира, потому что он сам знал, что происходит вокруг. Он сам был тем, кто мог вершить, кто мог править... Манди слушалась его, принимала каждое его слово, молчала, когда он говорил, внимала, ловя каждый взгляд... Пыталась дать тепло, но вокруг него всё равно был только холод... И эти ощущения были несравнимы с тем, что давало ему одно лишь присутствие странной, непонятной, неизвестной ему Жанны! Его кровь согревалась, горела огнём, придавала силы и власти, наполняла невероятной мощью, которую даже он не ведал раньше. Всё потому, что он знал: это – и его кровь... Ещё один человек – и с *его* кровью, с такой же, как у него, с тем же истоком, с тем же началом. С тем же прошлым – если всех предков и их судьбы можно считать *своим прошлым*. Такой человек, которого больше во всём мире нет и уже никогда не будет.

Нет, уничтожить такую он не мог – ни сам, ни позволить кому-то! Она должна была принадлежать ему, быть рядом с ним, будить его кровь, даря неведомое раньше чувство

родства и связи, и даже какой-то защищённости, будто есть кто-то, кто может тебя спасти...

Он опустил взгляд. Манди осыпала его руку поцелуями, но тепло от них не становилось. «Чёрные вороны только каркают», – вспомнил он её давние слова, когда они только познакомились. «Это верно...», – ответил он своим мыслям и бесстрастно вытянул свою руку из её ладоней.

На лице её он заметил мимолётное разочарование. Впрочем, это его не беспокоило: он прекрасно знал, что, каким бы ни было его отношение к Манди, она сама от него никуда не денется – хотя бы потому, что побоится быть на другой стороне, потому что побоится пойти против него...

Глава 9

Уже несколько часов Жан ходил по дому, не находя себе места, – внезапное сообщение Манди о том, что Жанна находится в мире теней, неожиданно для него самого вывело его из равновесия. Он прекрасно понимал, что такое мир теней и что именно ждёт в нём беспробудно глупую Жанну, и странная, незнакомая доселе тревога нахлынула на него, заставляя думать о сводной сестре.

«Её уничтожат в первый же день, или во второй! – размышлял он, не зная, что она находится в доме Далтона уже с неделю. – Любой тёмный маг, увидев её, поймёт, что её с лёгкостью можно уничтожить, чтобы получить немного дополнительной силы или просто потренировать свои навыки, или выпустить свою злость... И тогда по кровной нити я всё равно сумею получить эту родовую силу, или часть её, о которой всё время твердит Манди. Но *могу ли я* позволить, чтобы её уничтожил кто-то другой?..».

Он лихорадочно взъерошил волосы и присел в кресло.

«Она доверяла мне... – прозвучали в его голове слова, которые он и не хотел бы думать. – Маленькая глупая девочка... Если бы я не вызвал её сюда, она так ничего бы и не узнала о магии...».

Медленно поднявшись, взмахом руки он погасил остатки огня в камине. Потом ещё походил по тёмной вечерней комнате. А затем хотел было уже переместиться в свой дом в мире теней, как вдруг услышал металлический звон: во дворе был кто-то чужой.

Он быстро подошёл и распахнул дверь. На крыльце стояли двое, мужчина и женщина. Её он сразу вспомнил – это была Мари, они встречались когда-то в гостях у Жанны; а второго он точно не знал.

– Здравствуйте, Жан! – разговор начала Мари, видя, что хозяин, хоть и молчит, её вспомнил. – Мы с вами виделись как-то у Жанны. Вы не могли бы её позвать?

Она смотрела настойчиво, будто всерьёз веря, что он сейчас вот так развернётся и пойдёт в свой дом звать Жанну, и он усмехнулся.

– А с чего вы взяли, что она здесь? В последний раз я видел её несколько недель назад, знаете ли, в её же доме. Кстати, вы тогда тоже там были, потому могу и у вас спросить, где она?

Мари грустно вздохнула, не реагируя на сарказм, и переглянулась со спутником.

– К сожалению, дома её нет. В последний раз, когда мы с ней говорили, она отправилась к вам, и всё... У Жанны дома ваш адрес на листке был записан, и я уже несколько раз пыталась с вами поговорить, но у вас постоянно закрыто, вас нет...

– Да, я не сижу на месте, часто путешествую! – нахмурившись, процедил Жан.

– Но она к вам приходила?

– Я её не видел, – он сделал движение рукой, желая закрыть дверь, но та столкнулась с ногой неизвестного ему мужчины.

– А где ещё она может быть? – тот упрямо вперился в Жана серыми глазами, не собираясь отпустить дверь.

– А вы кто?

– Это Аллен. Он... хороший друг Жанны, – поспешила объяснить Мари.

– Надо же!.. – резко усмехнулся Жан, с новым интересом взглянув на гостя. – Это тот, который не помнит ничего?

– Так вы говорите, что не видели Жанну? – уточнила Мари, пристально вглядываясь в него. – А откуда тогда знаете про заклятие? Она ведь как раз шла к вам, чтобы вы помогли его снять...

Жан мысленно чертыхнулся, поняв, что поторопился.

– Действительно, забыл... – натянуто улыбнулся он. – Она заходила ко мне – что-то начала говорить, но в тот момент я спешил и быстро с ней простился. А позже её не видел. Так как вы справились со своей проблемой? – переключился он на Аллена.

– Это я нашла способ с ним увидеться и напоить зельем, которое приготовила Жанна, – ответила за того Мари. – А как думаете, где ещё она может быть?

– В *своём* мире, – равнодушно пожал Жан плечами, но глаза его пронзительно сверлили Аллена. – Наверняка, нашла способ туда вернуться и так обрадовалась, что забыла с вами попрощаться. Она, знаете, *очень* хотела обратно!..

С ледяным удовольствием он отметил, как в серых глазах постепенно проступает разочарование.

– Что ж... – Мари поняла, что больше здесь не услышит ни слова. – А водички дадите попить?

Он был явно недоволен просьбой, но пропустил незваных гостей в дом и провёл на кухню. Там налил воды из графина в обычный стеклянный стакан и подал Мари, взглядом следя за действиями Аллена: тот настороженно осматривался, будто не веря, что Жанны здесь действительно нет.

– Ой, какая холодная! – Мари отставила стакан на стол и поднесла руки ко рту, чтобы немного согреть. Закрыв глаза, она сосредоточилась, чтобы уловить дыхание этого дома...

Через пару мгновений она открыла глаза и слабо улыбнулась:

– Спасибо за воду, мы пойдём!

Держась за руку Аллена, она медленно вышла во двор, и дверь за ними сразу же захлопнулась. В этом доме их видеть явно не желали...

Жан проследил за ними из окна до самой дороги, и, когда они уже скрылись из видимой зоны, ничего нового ждать больше не стал: через несколько минут двери дома были прочно закрыты заклинанием, а его хозяин переместился в свой второй дом – в мире теней.

Аллен в это время пытался добиться ответа, почему они так быстро ушли.

– Её там точно нет, я проверила... – неохотно ответила Мари. Ей всё ещё было не очень комфортно после этой проверки и хотелось бы присесть и передохнуть, но проходим это показалось бы странным, и она держалась. – И кстати, флакона с зельем, с которым она

ушла, или каких-то других её вещей здесь тоже нет. А если бы и были... Она ведь жила здесь какое-то время...

– Станный он тип... – задумчиво сказал Аллен, отвечая скорее на свои мысли.

– Жанна доверяла ему. Он помог ей получить наследство, дом, а мог и не помогать, оставить на улице, когда у неё были проблемы и полное незнание, что делать в нашем мире, – сказала она. – Не думаю, что нужно считать его врагом. Нет, скорее, он прав – она могла найти проход обратно, в свой мир...

– Или у неё проблемы.

Мари остановилась и посмотрела на Аллена. В серых глазах читалось неподдельное беспокойство.

– Да, – кивнула она. – Или у неё проблемы. Может быть, я не уследила, и у неё действительно были враги, какой-нибудь маг, желающий забрать силу... О чём я?! Да она могла просто идти по дороге и заблудиться, или попасть в руки к бандитам и ворам...

Аллен молчал. Мари была расстроена, но ему было ещё тяжелее – он ведь был мужчиной и должен был защитить того, кто ему дорог или симпатичен. А теперь, получалось, мало того, что всё время, пока Жанна была в его мире, он находился под заклятием и не помнил её, так теперь ещё, когда вспомнил, и представить не мог, где она сейчас могла бы быть и какие у неё могли быть проблемы.

«Как ей помочь?..», – хотел произнести он вслух, но к чему был этот вопрос, если недавно ему самому требовалась помощь, а он об этом даже не знал?..

Его собственная жизнь была не идеальна и не лишена проблем и кучи неразрешённых вопросов, начиная от его магического прошлого и заканчивая нынешней ситуацией с Карой – уже много дней она желала с ним побеседовать, уговорить вернуться, простить её... Приходила к нему на работу, пыталась встретить на улице... И он до сих пор ничего не мог с этим поделать, – она *не слышала* его слов отказа!

А ведь всего несколько недель назад всё было иначе, пока по дороге на работу он не столкнулся с незнакомой девушкой – это была Мари. Как узнал он позже, уже несколько дней подряд она ждала его на улице, стремясь встретить. В тот раз, наконец, они познакомились, пусть и не в самых удачных условиях, – Мари сделала вид, что из-за него подвернула ногу, и уговорила отвести в кафе, где у неё якобы была назначена встреча. Там она угостила его чашкой кофе, а заодно и подлила оставшийся у неё флакон с зельем, из тех двух, что они с Жанной успели приготовить.

Аллен выпил его и кое-что вспомнил... Потом были долгие объяснения, разговоры о Жанне, о том, как она пыталась его найти... Гнев переполнил его душу, когда он понял, как Кара поступила с ним. Этим вечером он не вернулся к ней – после работы он сразу отправился к Мари, и та провела его в дом Жанны, чтобы ещё раз, уже вместе с ним, попытаться найти какие-то зацепки, разгадку её исчезновения. Но ничего нового они не обнаружили.

Когда следующим утром он возвратился домой, к жене, произошёл взрыв. Было даже непонятно, чего было больше – его собственного гнева или страха и ужаса Кары. Она кричала, что он должен принадлежать ей, несмотря ни на что, что он *принадлежит* ей!.. Впервые за многие годы знакомства с ней Аллен видел её такой – безумно воспалённой, как взорвавшийся вулкан, дрожащий от страха. Её огненные волосы растрепались, глаза горели, а руки отчаянно сжимались в кулаки, но она ничего не могла поделать. Он забрал некоторые свои вещи и ушёл, сказав, что сам подаст на развод, а обессиленная отчаяньем и собственной болью Кара так и осталась сидеть на полу в гостиной, опершись на подлокотник, не в силах даже подняться на диван.

В это время в пространстве кухни на миг мелькнуло какое-то движение, будто невидимой рукой распахнули невидимую завесу. Но то была лишь её подруга Танора. Буквально на секунду она материализовалась в этом доме и прислушалась своим чутьём. Возбуждённые воздушные нити пространства говорили о том, что здесь произошёл взрыв, что люди кричали и не понимали друг друга, что они сильно ударили друг друга своим предательством... Чуть удовлетворённая тонкая улыбка на миг тронула её губы, и она тут же снова растворилась в воздухе, торопясь, чтобы Кара не заметила её прибытия и ухода.

Но та сейчас не заметила бы ничего даже перед своим носом, если бы это не касалось только самого Аллена. Она всё ещё ждала, что у входа снова стукнет дверь, и он вернётся. Она закрыла глаза, и перед ними сквозь воду злых слёзплыли картинки: сначала ей казалось, что ничего, ничего этого не было, что ей лишь привиделось, и на самом деле Аллен скоро вернётся с работы домой... Потом – что он возвращается забрать оставленные вещи, и она вымаливает у него прощение, и он снова остаётся с ней; после – что он просто возвращается, к ней самой; говорит, что ошибался, что всё понял, и что, хоть и вспомнил Жанну, но любит всё равно только её, только Кару... Слёзы, горячие, солёные, очень горькие и злые, текли по лицу и падали на блузку, слишком нежно-голубую, слишком лёгкую и оттого теперь – ненавистную! Она провела рукой по горлу и поняла, что ей что-то мешает. В раздражении она дёрнула висящие на шее бусы, и с порванной нити по полу разлетелись жемчужины.

– Танора! – тихо, осипшим от плача голосом произнесла Кара. Подруга могла услышать её, могла прийти и ободрить, утешить словом... Но нет! Не слово нужно было ей, а помощь, совет, как поступить, что сделать, чтобы вернуть, вернуть!.. – Танора!

Та, очевидно, призыва не слышала, и Каре оставалось самой соскребать разлетевшиеся по комнате остатки разорванной в клочья души.

С тех пор Аллен снова проживал в своём собственном доме и часто теперь виделся с Мари, делясь новостями в попытке отыскать Жанну. Но всё было без толку: в этом мире она как сквозь землю провалилась, а в других мирах они оба никогда и не были и не знали, как туда попасть...

Сама же Жанна в это время тоже не была беспечна и рада своей новой жизни.

– Зачем нужно учить, если я никогда не буду этого делать? – пробурчала она, но очень тихо, так, чтобы Далтон не услышал.

Но он слышал.

– Сначала выучи, а потом и решай – станешь использовать на практике или нет! А размышлять о том, чего не умеешь, слишком глупо.

Они сидели в гостиной. Уже несколько часов она не поднимала головы от выданной ей для чтения книги, но не потому, что было очень интересно, а потому, что Далтон каждый раз замечал, когда она отвлекалась. У него были весьма своеобразные методы обучения – скорее кнутом... Когда он понял, что слишком легкомысленная Жанна просто так учиться не собирается, он поставил её перед фактом – если она не будет выполнять поставленной задачи по обучению, то Абби будет запрещено гулять. И Жанне больше ничего не оставалось, как стараться, потому что маленькая девочка очень любила прогулки, и было бы жестоко лишать её их.

Конечно, когда некоторое время назад Далтон снова поднял тему её обучения взамен на помощь в переходе в её настоящий мир, Жанна снова пыталась отказаться. Но, ещё раз выслушав настойчивые объяснения и ещё раз прикинув шансы выбраться из мира теней самостоятельно, она всё же согласилась. Правда, не на всё – а лишь на обучение азам магии, которое никоим образом не затрагивало бы знаний, с помощью которых можно

было бы нанести какой-либо вред... Впрочем, хоть Далтона такой подход не особо устраивал, большего пока ему и не было нужно – важно было начать сам процесс обучения, чтобы девчонка приняла это как факт.

Потому теперь она активно, как сама считала, обучалась, слушая то, что ей говорили. По мнению же Далтона, двигалась она гораздо медленнее, чем он рассчитывал. Она ведь и так упустила уже столько лет своей жизни без магии, и он считал, что это нужно срочно наверстывать!. К тому же не забывал он и о том неизвестном человеке, который приложил руку к её переходу в мир теней, и опасался, что враг просто выжидает подходящий случай, а, значит, она должна быть готова защитить себя в любой момент. Правда, пока что никто чужой ещё не появлялся около его дома, – по крайней мере, открыто, – и не нападал на Жанну, когда она гуляла с Абби во дворе. Конечно, Далтон знал, что, в случае чего, вполне обученная Абби сумеет быстро переместиться с Жанной в дом, но опасения всё равно его не оставляли, особенно потому, что Жанна казалась ему всё ещё слишком беспечной, чтобы верить в реальную угрозу в окружающем мире. Если бы она была хоть немного внимательнее и осторожнее, он был бы более спокоен!..

А потом у него появилась и другая мысль – что врага, отправившего Жанну в мир теней, в действительности не существует. «Вдруг это всё каким-то образом заранее подстроено? – к примеру, Гвендой или даже самой Абаль, – чтобы Жанна попала в магический мир и, наконец, взялась за обучение магии. Может, в этом случае просто что-то пошло не так, и она *случайно* оказалась в мире теней, а не в каком-то другом мире, не таком тёмном?..», – подумал он. Мысль эта была хороша и весьма притягательна, и от неё даже хотелось успокоиться и больше не думать о потенциальных врагах Жанны. Но трезвый ум Далтона не позволял ему надолго расслабляться, и он быстро отбросил эту идею, поняв одно: пока не будет найден ответ на вопрос, зачем вообще нужно было перевозить Жанну из её родного мира в другой, где магии нет, и даже в нём ничего ей не рассказывать, нельзя считать, что врагов у неё нет, ведь подстраивать возвращение в магический мир Жанны для изучения ею магии совершенно бессмысленно, если сначала специально увозишь её в мир обычный!

– А почему я прошла в этот мир в своей одежде? – снова отвлеклась она от книги.

Далтон уставился на неё с неприятным интересом: видимо, его заинтриговал не сам вопрос, а почему это она осмелилась остановить чтение.

А Жанна с удивлением осматривала себя. Сейчас на ней была всё та же одежда, что и пару недель назад – та самая, в которой она встречалась с приёмными родителями. И её вдруг действительно заинтересовал этот вопрос: *почему?* Вот почему она засыпала в своём мире в ночной рубашке, а просыпалась и ходила по улицам во сне и в другом мире – в одежде?.. И часы – они ведь были у неё в руке, когда она проснулась, то есть она пронесла их с собой, и флакон с зельем для Аллена...

– Сама не догадываешься? – спросил Далтон, склонившись к ней и посмотрев прямо в глаза. Вероятно, он хотел обнаружить в них хоть какой-то намёк на сознательность.

Она неуверенно потёрла руку и даже открыла рот, чтобы ответить. Но потом молча качнула головой.

– Что ж... В следующий раз одевай ночную сорочку и будешь ходить по городу в ней! Удобно же... – пожал он плечами, снова равнодушно уткнувшись в газету.

– Как это? – возмутилась Жанна. – И ничуть не удобно!

– Тогда зачем меня спрашиваешь, если знаешь ответ?! – он снова очень строго на неё посмотрел. – Ты ложились спать, не рассчитывая на переход в другой мир. А когда тебе удавалось найти вход, конечно, ты подсознательно представляла себя в *нормальной*, обычной одежде. Ты сама ведь даже сейчас не можешь представить себя ходящей по

улицам в ночной сорочке, верно? Потому твоё подсознание и одевало тебя, как ты себя ощущала в тот момент, в ту одежду, которая, как ты в тот миг считала, тебе в этот момент подходила.

– А часы?

– Ты ведь понимала, что *нашла* часы и держишь их в руках? Значит, ты представляла себя с часами в руках. Само собой, это материализовало тебя в твой мир вместе с ними.

– А почему тогда я не могу представить, что они и сейчас у меня в руках? – вдруг так взбудоражилась Жанна, что чуть не подскочила с места.

– Конечно, если можешь, представь!.. – усмехнулся он, с новым интересом поглядев на неё. – Посмотрим, насколько хватит твоей фантазии.

Она закрыла глаза и попыталась сосредоточиться. Ну, так, как она сама это понимала... – она напряглась, стиснула руки, а потом ещё и зажмурилась. Ей казалось, что чем больше усилий она приложит, представляя в руках свои часы, тем будет эффективнее. У неё даже тихонько застучало в голове, но когда, устав от напряжения, она снова расслабилась и открыла глаза, она убедилась, что результата – ноль.

– Что ж ты? Ещё пробуй, – странно произнёс Далтон, и она не поняла, была ли в его голосе издёвка, или нет. Он уже отложил газету в сторону и, задумчиво сложив руки, следил за ней.

– Устала, – виновато ответила она, и он вдруг почти по-доброму усмехнулся.

– Ещё бы! – ты ж сейчас не во сне... Как ты думала: целые, физически материальные часы по твоему призыву запросто подскочат со своего места и пробьют стены нескольких пространств, чтобы оказаться здесь?

Она задумалась – эта мысль показалась ей такой логичной и простой, что она даже удивилась тому, что сама об этом не подумала.

– Так и быть, можешь на сегодня закончить с книгой! – внезапно разрешил он. – Приведи себя в порядок: отвезу тебя в магазин. Купишь что-нибудь из одежды...

Она даже не надеялась, что в этом мире сможет безопасно выйти куда-нибудь ещё, кроме двора, потому весьма обрадовалась, хоть в это и не очень верилось – это ведь чужой человек, он не обязан ничего ей покупать... Но то, в чём она была всё это последнее время, ей на самом деле уже очень надоело, а во двор выйти вообще было не в чем – она могла только укутаться в какой-нибудь домашний плед или надеть одну из зимних вещей Далтона.

– Только мне нечем будет вернуть – денег-то у меня нет, – снова расстроилась она и ещё кое-что вспомнила. – И вознице тогда, в первый день, я заплатила из ваших средств – на столике нашла купюры...

– Я знаю. Но считай, что это ты уже отработала, например, как нянька – всё свободное время ты и так проводишь с Абби, так что мне за девочку спокойно.

Жанна благодарно кивнула. Она поняла, что эти слова были только попыткой немного сгладить её положение, ведь в этом мире, скорее, она сама нуждалась в защите, чем Абби...

Она быстро привела себя в порядок, и они вышли из дома. Поначалу ей было неловко – она куталась в широкое мужское пальто и боялась, что в глазах окружающих будет выглядеть нелепой и смешной. Но возницу вызывать не пришлось – у Далтона, оказалось, был собственный экипаж, он держал его в постройке, стоящей отдельно от дома, ближе к задней стороне забора. «Экипаж выехал, а, значит, там кони или... другие животные, а не птицы», – не видя упряжи, подумала Жанна, усаживаясь на сиденье. Они тут же переместились и оказались рядом с большим зданием.

В магазине она тоже не ощутила ничего неприятного – другие покупатели на неё не обращали особого внимания, по крайней мере, она не заметила, чтобы на неё смотрели слишком странно. Тем более, что Далтон сразу поручил её консультанту, и тот быстро помог Жанне подобрать верхнюю одежду. А уж потом она выбрала и платья, и брюки с кофтой. Конечно, она бы столько не брала – ассортимент состоял в основном из тёмных скучных моделей и понравился ей не очень. Преобладали здесь чёрные цвета, кое-где – с редким вкраплением тёмно-красного или тёмно-жёлтого. Зелёных не было вообще, а серого цвета, который Жанне уже почти опротивел, тоже было немало. Но Далтон настоял, чтобы она взяла несколько комплектов одежды. Видимо, он действительно рассчитывал, что она проведёт в мире теней ещё немало дней...

– Теперь ты не будешь так сильно выделяться в нашем мире, по крайней мере, одеждой, – отметил он, когда они вернулись обратно и Жанна, переодевшись, спустилась к ужину.

Ей её новый вид совсем не нравился. Из-за цвета он казался слишком строгим, и она даже почувствовала себя более сосредоточенной и слишком серьёзной по сравнению с той настоящей Жанной, которая была беспечна и жизнерадостна в одежде любого другого цвета. Но делать было нечего. Особенно потом – когда через какое-то время выяснилось, что её старую одежду Далтон уничтожил, даже не предупредив её об этом.

– Ну как такое возможно?!.. – узнав это, она спряталась в укромном уголке двора, чтобы поплакать, уткнувшись в ладони. – Это ведь *моё*! Я к этой одежде привыкла...

– Но у тебя теперь есть новая... – попробовала погладить её по руке Абби, но тут же осеклась: она вспомнила, что дед запретил её ободрять. – Наверное, он лучше знает, как надо поступать.

Далтон был уверен, что после этой фразы, которую он сказал внучке заучить, Жанну просто разорвёт от негодования. И не ошибся: глаза её в гневе загорелись, и слёзы сразу высохли.

– Он – лучше – знает?! Носить-то одежду мне!

Её возмущению не было предела, она аж задышалась от негодования. Вот только Абби это не напугало: когда из-под ног Жанны внезапно сами собой с треском вылетели камешки, будто их невзначай подбросили, девочка только прикрылась рукой, чтобы не было видно её улыбки.

– А ты ничего не замечаешь? – спросила она, когда показалось, что Жанна немного успокоилась. – От твоего гнева камни летели!

Она засмеялась. Похоже, обучение деда давало плоды.

«Вот у кого фантазия хорошая; это её надо попросить часы мои представить...», – угрюмо подумала Жанна, оценив шутку.

– Давай вокруг дома походим? Я тебе своих бабочек покажу у пня, правда, они сейчас спят... – потянула Абби её за руку. – А платье у тебя хорошее, тебе идёт! И остальное, что ты купила, тоже!

Жанна нехотя пошла. Compliments Абби сделали своё дело, и ей было уже не так неприятно оттого, что её лишили прежней одежды. «В конце концов, моя была не новая, а новую мне вроде как подарили... – нерешительно убеждала она себя. – Ну и что, что чёрная?.. Зато я и в такой красива!..». Успокаиваясь понемногу, она даже небрежно поправила меховую опушку пальто, которое, как и платье под ним, сидело на ней очень хорошо. Платье же это, как и говорила девочка, было действительно весьма приятной модели. Конечно, в зелёном цвете оно Жанне понравилось бы больше, но и сейчас было весьма элегантно и удобным. Правда, цвет его... как будто налагал на неё какие-то обязательства. Ей уже не хотелось так сильно смеяться – без причины; так сильно

расслабляться, веря, что мир вокруг создан только для неё самой... Это было необычное ощущение – казалось, Жанну должна была обуять печаль, но с каждым часом в этом тёмном цвете она ощущала нечто новое для себя: какую-то сдержанность. И эта странная, несвойственная ей сдержанность понемногу начинала ей нравиться.

Несколько часов они с Абби пробыли на улице, и никто, и ничто не мешало им наслаждаться свежим ветром, немного прохладным; спокойствием чистой местности, не нагруженной лишними элементами человеческого бытия; приятным обществом друг друга. Абби было всего одиннадцать лет, а Жанна ещё прекрасно помнила то время, когда одиннадцать было ей самой. Они сразу, с первого её дня в этом доме, легко нашли общий язык. Жанна, выросшая без каких-то особых проблем и конфликтов, вынуждающих людей рано учиться защищать себя, была беспечна, как ребёнок. Абби, живущая в мире теней, уже знала, что нужно быть серьёзным и сильным, и это приближало её ко взрослому мышлению; и потому у них, в чём-то взрослых, а в чём-то – ещё весьма юных, было много общего.

Они играли и веселились, совсем не подозревая, что рядом сейчас находится ещё один человек. И это был не Далтон.

Со стороны казалось, что рядом никого и нет. И только у далёкого дерева, стоящего за забором, сгустилась странная чёрная масса, слабо напоминающая человеческую тень своими очертаниями, перемешанными с тенью от ветвей. Но эту массу не было видно даже Жану, который в эту минуту находился у самого забора. Тот полностью скрывал его от глаз, которые могли бы сейчас глядеть из окон дома, и Жан, не боясь, что кто-нибудь увидит его в этой глухой местности, следил за Жанной.

Она была красива в своей новой одежде – приталенное пальто, деликатно подчёркивающее её фигуру, было ниже колен, но не полностью закрывало длинную чёрную юбку с замысловатым ажуром по подолу, напоминающим искусное плетение мастера-паука. Конечно, несмотря на симпатию и свой интерес к миру теней, Жан больше привык жить в мире, где всегда много цвета, где люди одеваются ярко и красиво, используя различные оттенки радужного спектра, но сейчас ему вдруг показалось, что Жанне весьма идёт этот цвет... И с удивлением он вдруг отметил, что она будто бы повзрослела – не внешне... Просто что-то новое, серьёзное и строгое, читалось в её взгляде несмотря на улыбку. Что-то, чего раньше, возможно, она не знала, а, может, просто не замечал он сам.

Он глядел, как бережно она держит Абби за руку, как весело и радостно им вдвоём, и внезапно вспомнил и своё детство...

До ссоры Шамиля с Гвендой он жил в том доме, который теперь стал собственностью Жанны. Семья его была большой – много и взрослых, и детей, но вспомнить об этом можно было только несколько раз в году: по праздникам со всех концов мира, с разных городов и сёл собиралась родственники. Тогда встречались все дяди и тёти, братья и сёстры, бабушки и дедушки. Жан помнил мальчиков и девочек, которые были его кузенами и кузинами, двоюродными, троюродными... Кто-то был младше его, кто-то старше... Кому-то в то время было по двадцать лет, и Жан вспомнил, как ему самому хотелось быть похожим на них – быть таким высоким и сильным... Были девочки, красивые и умные, но он не часто уделял им внимание, стараясь побольше времени провести среди тех юношей, кто был постарше, чтобы чему-то научиться. Это было время побед, кажущихся взрослым такими маленькими, но на самом деле таких больших для самого Жана! – уже тогда он пытался изучать новые заклинания, подслушанные в беседах старших кузенов, не допускающих мальчика в свои разговоры, и каждое такое действие казалось ему невероятным таинством...

Он вдруг улыбнулся. Перед глазами его снова было голубое небо – не то серое, что прямо сейчас висело над его головой, а другое, безоблачное, с которого лился солнечный свет, освещающий ребятню и их игры в огромном зелёном дворе дома, внешне будто разделённого на две части...

Жан знал, отчего дом выглядел так великолепно и вместе с тем – странно, будто был склеен из половин двух зданий: поначалу, ещё до его рождения, тот действительно принадлежал слишком разным людям одновременно, которые потом разъехались по всем сторонам света в поисках своей собственной жизни. И это время праздников, когда родственники снова встречались в одном месте, было для Жана временем, когда члены семьи представляли перед его глазами все вместе, и он мог сравнивать их между собой, и каждый раз заново убеждаться в их непохожести, в различии их ценностей и предпочтений. Тихими вечерами маленький Жан, спрятавшись под лестницей или у двери, замирал, чтобы услышать беседы взрослых. Иногда это были просто разговоры, а иногда – и ругань, и ссоры людей, не принимающих позиции других. Нельзя сказать, что все они были слишком темны, или злы, или... Но часть его родни не желала примириться с тем, что другие уделяли внимание и тёмным возможностям... Когда-то он был слишком мал, чтобы понимать такие вещи; и не получил ответа, когда спросил у бабки Гвенды, отчего к ним перестали ездить гости... Только потом, много позже, он узнал, что в последний раз снова произошла склока, и никто больше не позволил себе сделать первый шаг к примирению. Время шло, некоторые родственники всё ещё посещали их, а после и они забыли дорогу к дому Норие. И своих маленьких и более взрослых кузенов и кузин Жан больше не встречал. А сейчас, по прошествии уже более, чем двадцати лет, и не узнал бы, даже если бы и встретил!

Впрочем, этого ему не особо и хотелось, – именно об этом он и подумал сразу же, как только очнулся от этих воспоминаний. Ему *никто* не был нужен, никто! На лице его снова мелькнуло недовольство – было очень неприятно, что эта девчонка снова заставила его забыть, кто он есть на самом деле: сильный, знающий, что ему нужно, взрослый мужчина!

Он отвернулся и ушёл к дороге. Он мог бы переместиться сразу у забора, но раздражение заставило сделать несколько твёрдых шагов, чтобы сбросить лишнее напряжение. Напоследок он не удержался и оглянулся: Жанна всё также улыбалась своей маленькой подружке.

Жан медленно исчез.

Мелькнув несколько раз в разных частях города и один раз – у реки, он понял, что ему сейчас не хочется там быть, и решил вернуться в дом, который был у него в мире теней.

Дома было тихо. Конечно, ему никогда не приходило в голову завести питомца – только в детстве, когда хотелось иметь личного дракона... Но теперь, когда, переместившись во двор и медленно, задумчиво подойдя к крыльцу, он открыл дверь, то вдруг ощутил, как же внутри пусто! Эта особая тишина, чуть-чуть приправленная потенциальной опасностью и некоторой агрессивностью окружающего мира, показалась теперь ему какой-то иной, не как обычно. Раньше ему всегда нравилось, как здесь пустынно – ничего лишнего: никаких возмущений эмоций или движений в воздухе. Только холод и постоянный мрак – даже когда светит немного тёплое здешнее солнце. Теперь же ему вдруг без причины стало зябко, а такое внутреннее ощущение в последний раз было с ним так давно, где-то в детстве, что он даже не знал, что теперь с ним делать, как от него избавиться...

Он подошёл к окну. Резко сдвинул занавески и, прижавшись лбом к стеклу, всмотрелся. За окном была тьма. И это было нормально – пока он метался по городу, уже спустилась ночь. Но Жану эта темнота вдруг показалась такой неестественной, такой искусственно

сдавленной и плотной, что ему стало душно! Нервно распахнув окно, чтобы впустить ветер, он отошёл вглубь комнаты.

Здесь тоже было неудобно. Комната не была пустой; как и в первом его доме, тут были и камин, и диван, и столик... Но ему почему-то вдруг захотелось всё это разбить! – со злостью махнуть рукой так, чтобы всё разлетелось вдребезги!

Сдержав злой порыв, он сжал кулаки так, что хрустнули пальцы, и быстро вышел из комнаты. В холле он оглянулся: перед ним со всех сторон были открытые двери, ждущие, когда он пройдёт в одну из комнат. Но он пошёл к лестнице. Очень быстро поднявшись, оказался на втором этаже, а потом и на третьем... Выше был чердак, и Жан, задумавшись лишь на секунду, снова отбросил все мысли и ринулся вверх! На чердаке был старый хлам – вещи прежних хозяев дома. Жан никогда их не рассматривал, но пока и не убирал – они всё ещё казались ему частью этого дома, и потому лежали здесь, ничем не беспокоя его и создавая свой собственный маленький мирок, в противовес его миру. Мельком осмотрев лихорадочным взором чердак, он почувствовал, что и здесь ему покоя тоже нет! А дальше выход был только один – и он выбрался на крышу дома.

Больше двигаться было некуда.

Он устало присел на черепицу и замер. И мысли, от размышления над которыми он пытался сбежать, – целый шквал мыслей, медленно приближающихся, как способная накрыть морская волна, – начали накатывать на его голову.

«Моя помощь ей не нужна... – подумал он почти бесстрастно, но руки его были сжаты в кулаки. – Глупая девчонка... Попала в один мир – ей помогли, и она счастлива. Попала в другой мир – и она всё также счастлива и беспечна... Какая легкомысленность!...». Впрочем, Жан сейчас и сам не смог бы определить, думались ему эти последние слова с *завистью*, или нет...

Он попробовал переключить свои мысли на что-нибудь другое, даже привстал, чтобы окинуть взглядом тьму ночи... Но вокруг всё было одинаковым, а чувства внутри него – такие разные и такие непонятные, и они никуда не делись, пока он пытался про них забыть!

«Наверное, нужно сообщить Мари... – вдруг подумал он. – Она кажется *нормальной*. Вполне серьёзна, понимает, что с Жанной могло что-нибудь случиться, беспокоится... Но как?...».

Он снова задумался, и лицо его ещё больше помрачнело.

Он не мог сказать Мари, да и кому-то другому – тоже, что Жанна в мире теней. Как он объяснит, откуда сам это узнал? Сказать кому-то, что он побывал в мире теней, казалось немыслимым – он стал бы прокажённым среди *нормальных*... Сказать, что ему это сообщили... – кто-то из мира теней?.. Это было бы тоже самое, как если бы он сам там побывал... Нет, этот вопрос был решённым! Всё, что можно было сделать – это оставить у дома Мари записку, чтобы она не знала, кто ей помог, кто подсказал...

Тут он снова резко поднялся и уже не сел. Перед глазами его появилось лицо мужчины, который, узнай Мари, где Жанна, тоже бы это узнал. И Жанна бы вернулась в свой дом и стала бы ещё более счастлива, чем теперь...

«Какая беспечная фантазия!.. – вдруг с досадой подумал он. – Она так мечтала найти «любовь всей своей жизни», как она говорила это Мари, – этого самого Аллена... А сама видела его всего лишь, можно сказать, один раз в жизни! Глупая девчонка!...».

Холодным взглядом Жан глядел в пустоту мира. Тьма, одна, одинокая, но такая густая, будто была соткана из сотен миров такой тьмы, окутывала его со всех сторон. Казалось, что – упади в любую сторону, и она поймает, поддержит, как лучший друг... Но он прекрасно знал это обманчивое ощущение, способное уничтожить того, кто за ним не

уследит и поддастся ему!.. Он снова взял себя в руки. Лёд, который окружал его снаружи, должен был быть и внутри него самого, чтобы не было перепада температур... Он снова попытался остудить свои эмоции, и ему это почти удалось. «Жанна? – подумал он хмуро. – Я никому не обязан говорить, где она. Ну и что с того, что в моём мире мне проще было бы... за ней следить? Я также могу приходить и в мир теней, тем более, что никто другой здесь, похоже, на неё и не нападёт. Если, конечно, она будет вести себя осторожно... А судя по тому, что дом её гостеприимного хозяина находится на пустыре, тот знает, как защищаться. Она справится как-нибудь!». Он едко ухмыльнулся, вновь увидев перед глазами разочарованное лицо Аллена, и переместился внутрь дома.

Ещё раз окинув быстрым взглядом странно ненавистную сегодня гостиную и поняв, что тут ему всё ещё слишком душно, он закрыл окна. И тщательно заперев входную дверь своим особым заклинанием, поторопился переместиться обратно, в свой первый, родной мир.

Глава 10

Манди была не похожа на саму себя! По крайней мере, Жан изумился бы, увидев её в этот момент: она кружила по комнатам, поминутно расправляя складки лёгкого платья, чтобы они кружились вместе с ней, создавая иллюзию полёта. Это платье было не таким, какое она обычно одевала, – оно было тёмным, как и требовали традиции мира теней, но под этой тьмой цвета под разными наклонами возникали внезапные переливы оттенков, и тогда становилось понятно, что на самом деле платье – голубое, как небо, в тон её глаз. Очевидно было, что оно куплено не у местных, а привезено из мира Жана, а может, и из какого другого, но Манди сейчас не гнушалась в нём танцевать здесь.

Она веселилась и радовалась, ведь рядом с ней был он – высокий, статный, серьёзный и очень притягательный Говард. Он занимался своими делами, лишь изредка посматривая на танцующую вокруг него и для него девушку. Но ни останавливать её танцы, ни участвовать в них он не планировал.

Похоже было, что его вовсе не интересует сейчас её присутствие. И через какое-то время безуспешных попыток привлечь к себе внимание, она не выдержала этого равнодушия.

– Разве я не красива? – подошла она со спины и с трепетом к нему прижалась. Её сердце билось быстро, не успев остыть от танца или уже снова закипев от близости возлюбленного.

Говард, не оборачиваясь, отложил в сторону исписанные листы бумаги, которые просмотрел, и взял новую пачку. Весь стол его был заставлен папками и бумажными стопками.

Не услышав ответа, Манди снова вскипела и, выхватив листы из его рук, раздражённо бросила их на стол. Они упали с шумом и опрокинули чернильницу, которая тут же поторопилась вылить содержимое на попавшиеся по пути бумаги.

Говард обернулся и посмотрел на Манди. Её гнев сразу утих, и она как-то немного сжалась. У неё даже мелькнула мысль быстро достать крылья и испариться, но она видела его потемневший ледяной взгляд и поняла, что будет только хуже, если она сейчас так скроется.

– Прости, пожалуйста! – поспешно сказала она, видя, что внутри него поднимается тьма. – Я не хотела мешать, не хотела...

Она замолчала, стоя перед ним и неотрывно глядя в тёмные волевые глаза, и едва дыша от страха за свой проступок. Говард ничего не говорил, но это молчание было гораздо хуже любой ехидной усмешки Жана, тем более, что в отношении Манди тот обычно себе их не позволял. Взгляд же Говарда был иным... За ним нельзя было прочесть злобу или негодование, нельзя было увидеть ярость, он никогда не впадал в бешенство. Но этот лёд, этот ядовитый холод, этот бесстрастно-холодный, немыслимо жгучий взор пронзал до самой глубины своей властью и беспощадностью воли, сжимая всё нутро и заставляя нервы трепетать от страха...

Ещё пару мгновений он изучал её лицо, а потом, о чём-то задумавшись, неожиданно отстранил её и подошёл к окну. Манди замерла на месте, стараясь случайно не шуметь и надеясь, что о её несдержанности тут же забыли, вспомнив что-то более важное.

– Ты сейчас отправишься к своему жениху, – повернулся он вскоре и облокотился на мраморную столешницу.

Манди чуть снова не вскипела, услышав обидные слова, но вовремя сдержалась. «Он мне *никто*, это я только для тебя...», – подумала она со злостью на Жана.

– Проверишь, дома он сейчас или нет. Ступай! – добавил он, видя, что она всё ещё стоит в ожидании дополнительных указаний.

Она кивнула и исчезла. За окном можно было заметить ещё пару раз мелькнувшие чёрные крылья, но Говард не обратил на них внимания. Он снова повернулся к столу с бумагами, и всё равно – назойливая мысль о чём-то ином засела в голове, и он периодически, задумываясь, замирал над разложенными листами.

Манди же добралась до дома Жана и аккуратно, сдерживая свою ярость, постучала. Ей хотелось сейчас одного – чтобы никто не услышал её стука. Конечно, лучше бы его самого и вовсе тут не было, но в это она не верила: он ведь обещал разделаться с Жанной, и уже давно мог быть в мире теней!

Ответа не было, и она постучала сильнее. Но, очевидно, в доме действительно было пусто – никто не отозвался, шагов слышно не было...

Облегчённо вздохнув и уже взмахнув крыльями, чтобы отправиться обратно, она внезапно опустила руки и помрачнела – она представила реакцию Говарда на своё возвращение с *таким* ответом и поняла одно: он отправит её искать Жана дальше, чтобы знать, где он... А если она перестанет выполнять его просьбы, а точнее указания, он насовсем прогонит её от себя, и она не сможет находиться рядом с ним даже изредка...

Эти мысли очень быстро пронесли в её голове и, помедлив, с новой, особо сильной злостью на Жана, она переместилась в его мир – проверить, там ли он.

Догадка её не подвела: он был у себя дома, она увидела его через окно и тут же переместилась в другое место, подальше от этого дома, чтобы немного отдышаться и восстановить силы для обратного перехода в мир теней.

Через несколько часов, уставшая, она снова была у Говарда. Вот только его самого на месте уже не было.

Расстроенная, она уселась на софу в гостиной. Ей было мрачно. Не так, как это бывает: когда ты, злой и сильный, говоришь мрачные или жестокие вещи, пугая обычных людей тем фактом, что тебе самому они кажутся нормальными. А так, когда тебя самого, тебя всего, окутывает беспросветный мрак, ложаешься плотным пледом и заставляя до глубины души захлёстываться горьким осадком прошедшего.

Манди устало опустила тяжёлый взгляд на сложенные на коленях руки и вдруг удивилась: на руки капало что-то необычное – прозрачное, холодное... Она растерянно провела пальцем по щеке и поняла, что это были слёзы.

Они тут же сгорели от нового всплеска гнева. «Ненавижу!», – едва шевеля губами, прошипела она, думая о Жанне. «Это всё только из-за неё! Когда её не было, ему больше ничего не было нужно!...», – глаза её мерцали холодным и очень злым блеском. И если бы Жанна сейчас случайно оказалась рядом, ей бы точно не поздоровилось!..

Манди была права – Говард действительно был занят теперь только своей сестрой: следил за ней, периодически замирая у дерева напротив дома, где она жила; наблюдал, что она делает и какие эмоции отражаются на её лице... Иногда незримо приближался с порывом ветра, и тогда снова ощущал огонь и взрыв силы внутри себя! И как раз в один из таких дней он увидел и Жана, появившегося из ниоткуда и тоже притаившегося – у забора.

Конечно, он узнал в нём того, кто провёл в семье Нориен его собственную жизнь. Это был тот, кто считал себя братом Жанны, имеющим право забрать её силу себе. Но Говард знал, как эта его уверенность была беспочвенна!

Сам он всю жизнь, с младенчества, провёл в мире теней и учился, как все здесь, выживать и защищаться; узнал, как избавляться от врагов и как воспитывать в себе ярость, чтобы она становилась постоянной силой, а не единовременным всплеском неудержимой злобы. Всю жизнь он ненавидел своих родителей, считая, что они другие, что они не понимают, чего он хочет – любви, ласки, доброты... А потом стал таким же, как они. Сейчас он вспоминал их хоть и не добрым словом, но грубой правдой, не забывая, что это именно они вырастили его таким сильным, способным защищаться и нападать, что это они вложили в него свою злость и стремление выжить... Лишь пару лет назад, найдя среди бумаг недвусмысленный документ, Говард узнал, что его усыновили. Зачем *им* нужен был ребёнок? – это был вопрос, на который он недолго искал ответ: даже тьме нужно кому-то оставлять наследство, и они выбрали его. Что такого было написано в его информационной карте, из-за чего они приняли его к себе, он так и не узнал, ведь найти её среди доставшихся ему документов не сумел. Но это ему было и неважно: вопросы мелькнули и пропали – смысла уделять им внимание Говард не видел. На кону стояло много больше: узнав, что он был приёмным, он попытался найти того, кто оставил его без настоящей семьи.

Посетив детский дом, чей адрес был проставлен на найденном документе, он поговорил с сотрудниками. Но никакие разговоры не могли ему помочь: никто из этих людей – нянечек, воспитателей, – не мог дать ему нужной информации, ни один человек из них. Кроме неё...

Эта давно уже старая женщина когда-то, много лет назад, была здесь директором. И до сих пор продолжала жить тут же, потому что иной семьи у неё самой и не было. Как выяснилось, именно она могла рассказать хоть что-то о том времени, когда Говард оказался тут, и ему оставалось обратиться только к ней.

Тогда он впервые увидел её – небольшую старушку, вечно кутающуюся в тёплую шаль, даже летом. Доброжелательно, мягко улыбалась она ему приветливой улыбкой, обещая вспомнить всё, что будет нужно мальчику, который когда-то жил под крышей этого учреждения... Но когда она услышала его вопрос, когда он назвал фамилию, под которой здесь числился и которая была проставлена в найденном им документе, она растерялась.

Казалось, что она ищет в памяти обрывки эпизодов давно прошедших лет, но Говард видел её глаза... – и понял, что она что-то помнит из тех времён, но почему-то не хочет говорить! Никакие увещания не подействовали – старушка только охала и ахала,

хватаясь за спину и показывая, что очень уж устала от разговора, а так ничего и не вспомнила, и ему пришлось уйти. Ещё несколько раз он приходил к ней, и спрашивал, и просил, и требовал... Ничего – ни угрозы, ни просьбы не могли сломить её странного нежелания говорить о тех днях!

Он был заинтригован ещё больше. Что такого могло скрывать его прошлое? Кто и от чего спрятал его в детский дом и напрочь стёр его настоящее прошлое из его жизни?..

Вскоре он вновь вернулся к ней – изменил лицо, нацепил бороду, спрятался под капюшоном очень длинного простого плаща, такого, в каком обычно ходят бродячие странники и проповедники... Некоторое время ему пришлось провести во дворе детского дома: каждый день он приходил и усаживался под деревьями – иногда на скамью, а иногда – просто на траву. Каждый раз, когда старушка выходила во двор, они приветствовали друг друга и перебрасывались ничего не значащими фразами, и каждый раз он ждал более подходящего случая начать разговор. И в один из дней такой случай, как ему показалось, представился.

Она неторопливо вышла из дверей детдома и, медленно дойдя до скамейки, присела, чтобы насладиться солнечным днём. Говард стоял неподалёку, у дерева, опираясь на старый посох, сделанный из цельного ствола ракитника. Увидев, что уходит она не спешит, он приблизился. Он был так похож на странника, а лицо, изменённое до неузнаваемости, под густой старческой бородой не выдавало его настоящих лет, что у старушки не возникло никаких сомнений в том, что перед ней добрый человек, посвятивший жизнь хождению по дорогам в поисках своей жизненной правды.

Их разговор начался легко – она порадовалась солнечному дню и посетовала на то, какими непослушными бывают мальчишки, за которыми она иногда присматривает. Говард поддержал её и спросил, как ей работалось всё это время. Она с удовольствием вспоминала историю за историей, поняв, какой благодарный слушатель перед ней, а он терпеливо ждал, когда настанет подходящий момент.

– Какая у вас долгая, интересная жизнь... – отметил он, наконец, когда она, казалось, высказала всё, что ей хотелось вспомнить, всё, что так долго она не произносила и держала в недрах памяти. – И никогда не бывало случая, о котором хотелось бы забыть?

Он не глядел на неё, уставившись спокойным взором туда – в далёкие глубокие небеса, которые таили в себе гораздо больше, чем его собственная душа.

Старушка растерянно пожевала губу, силясь что-то вспомнить, а после тихо, прерывающимся голосом произнесла, качая головой:

– Да... Разные времена бывали, а все они – вот тут, вот тут... – она положила руку на сердце, продолжая медленно покачиваться из стороны в сторону, будто вопрос, задев, раскачал её душу. – Всё помню... чем кого обидела, кому ласки не хватило дать... Где и строгостью приходилось отдавать... А никому не говорила – всё в себе, всё в себе, чтобы никто не знал, как тяжело бывает ошибаться...

– Так может, мне расскажете что-то, что гнетёт? Боль уйдёт, страдание забудется... Всё, что скажете, останется со мной; и унесу это в дальние края, где боль рассеется по просторам, раскрошится на мелкие кусочки грозными ветрами. Сердце станет свободно и чисто, и никто не обвинит и не осудит... – тихо, почти напевно, ответил странник, не глядя на неё и всё смотря в небеса, где в тёмный круг потихоньку стекались появляющиеся из ниоткуда тучи.

В глазах старушки потекли старые воспоминания, и она слабо качнула головой.

– Далеко это было по времени, уж давно... Годочков так тридцать назад, а то и больше... Время-то идёт – не замечаешь...

Она вздохнула и замолчала, снова опустившись в какую-то далёкую жизнь, что была ей знакома. Только когда Говард осторожно, будто невзначай, постучал посохом по земле, она вернулась из мыслей в настоящее и неторопливо продолжала:

– Я ж, голубчик, не всю жизнь здесь вот нянькой-то работала... Директором была, всем управляла – всё заведение на мне было, все вопросы, и хозяйственные, и воспитательные... Всё на мне. Детишек принимала, за документами следила... К каждому подход хотела найти, чтобы каждому комфортно было. Даже объявления давала постоянно – это чтобы семьи, кто детишек-то хотел, да не мог заиметь, к нам приходили; чтобы у всех была семья. И знаешь, тянулись люди – приходили, брали себе сыночка или дочку... Конечно, были и те, кто наоборот, тайно подкидывал или открыто приносил детей, кого родители оставили – разные-то случаи бывали. А потом, знаешь, гляжу – зачастила к нам женщина, такая, уж не молодая... Раз придёт – покрутится во дворе, потом смотрю – другой, потом – третий... Ну, думаю, ребёночка-то хочет себе взять – приютить, значит, семью ему дать, – да не решается войти... И тогда, знаешь, я сама к ней и спустилась. А она такая мне и говорит: «А нет ли у вас ребёночка – годовалого, мальчика?».

Говард стиснул пальцами посох. Он чувствовал, что руки его словно заоченели, а сам он – будто врос в землю. Но старушка не замечала его напряжения, погружённая в далёкие воспоминания.

– Я, милоч, знаешь, тогда обрадовалась очень – ведь если ребёнка отдать в новую семью, пока он ещё так мал, возможно, он никогда и не узнает о своём не очень счастливом детстве, о том, что когда-то настоящие родители его покинули... Ну, я ей и расписала: мол, есть; и девочка, говорю есть, до года ей ещё было, и мальчик есть, как раз почти год ему. Думала, обоих захочет взять... А она, знаешь, как-то напряглась вся, и непонятно было: то ли обрадовалась, то ли – нет... Поблагодарила, значит, и ушла. Ну, я, понятно, расстроилась, да делать было нечего – не насильно же заставлять её ребёночка-то брать! А через месяц – смотрю в окно: по двору снова идёт, и уж не одна: женщина с ней была, старше её. Так всё ругались они – та, первая, кажется, всё идти никак не хотела, а та, что старше, уговаривала. Но внутрь всё равно только вторая вошла... Ко мне, значит, приходит, и говорит, – мол, я за мальчиком, которому года-то нет. И уверенная такая, знаешь, сильная, энергичная, будто и не в годах ещё... Я, конечно, обрадовалась: ну, думаю, будет ещё одному малышу семья! Документы все оформила, всё быстро сделала. Ребёночка-то ей показала – уж как она радовалась! Не так, как та, что внизу всё ждала... Я ж потом-то в окно глядела, видела – ругаются всё, да спорят; та, что помоложе, на младенца даже смотреть-то не хотела!..

– А как звали её? – спросил Говард внезапно охрипшим голосом, покачивая руками посох в такт покачиванию старушки.

– Ох, милоч... Да разве ж упомнишь их всех... Хотя нет... Случай-то такой был... что не забудешь. Они ж что сделали-то...

– Так звали-то её как? – упрямо переспросил он, всё также глядя в небо. Там всё ещё собиралась тьма, – то ли пугая, то ли всерьёз желая хлынуть дождём.

– Цветок дождей пьёт вина, тучи – ему не грусть и не печаль. Цветок, напившись, цветёт лучше, и солнца свет ему – как шаль... – негромко напела она старую, забытую мелодию, и меланхолично продолжала. – Цветком её звали, милоч, – Розою. Их род когда-то был горд... Слыхала раньше я о них, но вот впервые увидела – то Роза Норие была с дочкою своею. Да... бывали дела разные у нас, и времена другие пришли, а дела остались...

– Так что случилось с младенцем? – в голосе Говарда звучали нотки нетерпения. Он видел в небе грозу, которая копила свои силы и могла хлынуть, когда он ещё не услышал бы самого важного. – Они взяли мальчика и ушли?

– Ушли, голубчик, ушли... Но ненадолго – через неделю-две-то вернулись. Точнее, одна вернулась – эта Роза Норие. Ребёнка обратно принесла... И как рука поднялась-то?... Но хорошо хоть, сразу, а не через несколько лет – хоть семью ему после нашли хорошую; ту, что не бросает через пару дней...

– И это всё? – вдруг выдохнул странник.

В его голосе прозвучали такие странные ноты, – резкие и необычайно жёсткие, – что она с удивлением повернулась к нему. Он смотрел пронзительно, и в глазах её снова проявилось настоящее и понимание, что сюжет её рассказа давно канул в Лету.

– Разве что-то из этого могло вас так беспокоить, что мне нужно было бы развеивать это в других городах, в полях и у синих рек? – с трудом смягчив голос, исправил свой вопрос странник. – Разве это то, что вас так волнует до сих пор?

Она задумалась. Её взгляд снова затуманился, и она качнула головой.

– Что ж ты, милоч... Не об том я беспокоюсь, что они взяли ребёнка да обратно вернули... Только вот... – её голос, и так тихий и неторопливый, стал ещё более приглушённым и тревожным, – вернули-то они, мне кажется, *не того*...

– Как это? – по слогам, едва слыша собственные слова, спросил онемевший от удивления Говард.

– Да у того, что Роза Норие принесла обратно, на ручке-то маленькой его, у левого запястья, родинка была. А у того маленького, что я им передавала, никакой такой родинки-то *не было*, – шепнула она ему ещё тише. – Я ей говорю: мол, ребёночек-то не тот! Не знаю, говорю, где взяли, а перепутали, мол, его, – не того обратно даёте... А она, знаешь, – упёрлась такая: мол, всё тот, берите – не сомневайтесь! И слов моих как будто слышать-то и не хочет... А мне-то что делать оставалось? Пришлось ребёнка-то взять, доказательств ведь у меня никаких... – это ж только в моей памяти было записано, что он без родинки был. Вот такие дела, голубчик, вот такие... Вот и вина моя такая – всю жизнь, милоч, мучаюсь тем, что не уследила... И принесли ребёнка, и не знаю – ни откуда он, ни почему здесь был...

– А он тут так и вырос? – глухим голосом спросил Говард, едва сдерживая невероятное желание отвернуть рукав и посмотреть на запястье, где, казалось, кожу сейчас так и жгло родимое пятно.

– Нет, милоч! Видать, хороший он был, младенец этот: почти сразу-то ему небо семью-то и послало. И уж больше его не возвращали... Ты уж поминай его в своих молитвах-то, мальчика того... Чтобы жил хорошо, да на меня-старую зла не держал, что не узнала, за что его сюда... Сюда же, знаешь, многие-то приходят из тех, кто вырос в других семьях: все хотят знать, кто и почему его оставил когда-то... Да и сам он тоже вот недавно приходил – фамилию-то родителей приёмных назвал, да спросил, кто его сюда принёс. А мне ему и сказать-то нечего! – слыхала, из семьи Норие уж никого и не осталось, так к чему о них говорить, если мой рассказ даст только больше вопросов, на которые он никогда уже не найдёт ответы?..

– Не беспокойтесь, я уж о нём буду помнить... – охриплым голосом ответил странник. – А вы – вы, пожалуй, и забудьте... – времени прошло много, а вы и так достаточно удержали у себя и печали, и вопросов. Отпустите их – отдайте мне, а я передам ветру.

Он вдруг вытянул перед ней руку и она, чуть подумав, положила в его ладонь свою.

– Спасибо вам, бабушка... – сказал он и тут же поспешно поднялся с места, не ожидая от себя самого внезапной нежности.

– Наверное, у тебя была большая семья – добрый ты, – мягко ответила она, медленно поднимаясь со скамьи и почти улыбаясь. – Я эту вину свою столько лет берегла, как зеницу ока, а ты меня почти совсем освободил от неё.

– Нет, я всегда был только один, – резко ответил он.

Начинался дождь. Едва сдерживаясь, Говард проводил старушку до дверей здания, потом развернулся и чуть не побежал прочь. Ему так сильно хотелось уйти отсюда, что, не дожидаясь больше никаких моментов и даже не подумав, что его может кто-нибудь увидеть, мгновенно переместился в мир теней.

Его разрывало на части!.. У него была настоящая кровная семья – и она выгнала его. У него были родственники – и они бросили его, оставив на попечение судьбы и чужих людей. Ненависть? – да, она была! Да такой, что грозовым чёрным тучам над головой было не сравниться с его яростью, подпитанной болью и стыдом унижения от того, что его *бросили*.

Мсть? – даже этой сладости не оставалось ему, ведь, как сказала старушка, из семьи Нориен – его *бывшей*, настоящей семьи, – больше никого не было. Он оставался один, и кого ещё тогда он мог ненавидеть, если не самого себя?! – за то, что его бросили...

Когда первые всплески ярости и боли угасли, он вспомнил о том, что был и *другой* мальчик – которого, видимо, вместо него взяли в семью. Чем это он был так хорош, что показался им лучше Говарда?.. В нём снова кипела кровь, и ярость, и ненависть, и опасение узнать какую-нибудь, слишком страшную, тайну. Но ничто не могло остановить злого интереса, и он долго расспрашивал, искал, собирал сведения. Он узнал, сколько детей было в семье Нориен и куда они делись, и узнал, где теперь живёт тот, кто, пусть и не по своему желанию, но осмелился его заменить. Так он впервые увидел Жана.

Последив за ним в его мире, Говард вернулся в мир теней. У него давно была преданная помощница, подруга с холодным разумом – Манди. Он прекрасно знал все стороны её непростого тёмного характера и вполне мог доверить ей такое задание – выяснить у Жана всё, что удастся, о его семье.

Ей это показалось весёлой игрой – познакомиться с беспечным обывателем из простого мира, в котором опасаются тёмных магов... Но всё оказалось не так – понаблюдав за ним какое-то время, с удивлением она обнаружила, что он сам *видит* кое-что. А после она убедилась, что он ещё и посещает мир теней, и не просто посещает, но и имеет в нём дом.

Это была очень ценная информация для Говарда. К этому времени он уже знал, что в семье Нориен была и девочка – а значит, у него самого была сестра. Род Нориен всегда славился своей магической силой, а что могло быть лучшей мстью всей семье, чем отобрать у оставшихся в живых её членов всю силу?..

Так родился его план – нужно было найти девочку, которая должна была стать уже взрослой, и Говард поручил Манди сделать это через Жана. Ей нужно было увлечь его и убедить в необходимости разыскать и уничтожить сестру, которой не по праву могла принадлежать его собственная сила. Она так красиво и умело рассказывала Жану о его правах, так ласково увещевала, что именно он достоин новой силы, что вскоре её слова, приправленные особой ядовитой нежностью и её яркой чёрной красотой, вскружили ему голову. И Говард получил добровольного помощника, который, сам того не зная, выполнил всю основную работу за него!.. Но теперь расклад изменился.

Да, Говард получил, что искал, – узнал, в каком мире живёт его кровная сестра; руками Жана сумел вытащить её в магический мир, чтобы в её жилах начала свой новый отчёт неизвестная ранее ей самой сила; а когда она, ещё не попав под удар Жана, внезапно вернулась в свой первый мир, Говард запутал её дорогу, чтобы она нашла проход в мир теней.

Сейчас же его план приобретал новые черты – он больше не хотел её уничтожать. Конечно, это не оттого, что он вдруг решил, будто бессмысленно мстить лично ей за свою судьбу, ведь его настоящая семья так обошлась с ним ещё за четырнадцать лет до её рождения, – совсем не этот факт оказался для него решающим, а другой: просто Говард пожелал иметь свою сестру *рядом* с собой. Могло ли это считаться местью порядочной семье Нориен, которая славилась не только силой, но и умением применять её лишь на благо?.. Нигде и никогда, ни в одних источниках не было упоминаний о том, что в семье Нориен были тёмные маги. Семейство было уважаемым, все знали о его добропорядочности, и при необходимости за помощью к его членам обращались даже незнакомые люди. И вот теперь – Говард: они отказались от него, и судьба привела его в мир теней. Он же, в свою очередь, заберёт с собой и свою сестру! Он обучит Жанну тому, что умеет сам, они будут сильными тёмными магами, и сила их станет ещё больше от нахождения рядом друг с другом. Это была власть, это были главные козыри в борьбе за выживание в этом мире; во всех мирах!..

Теперь никто не должен был помешать им воссоединиться! Потому, увидев Жана у дома, где в мире теней проживала Жанна, Говард понял, что нужно действовать. Но уничтожать его он пока не хотел – тот ещё мог пригодиться, – так что для начала собирался проверить, не оказался ли он здесь всё же случайно, или хотя бы не для того, чтобы избавиться от той, кого ошибочно считал своей сестрой...

И пока Манди, проклиная Жанну, ожидала Говарда в его доме, он сам как раз был у дома Жана в мире теней: осторожно приблизившись к забору, он осматривался.

В мире теней любили металл, особенно чёрного цвета, и этот забор тоже был металлическим – мощные широкие штакетины были обычными, безо всякого намёка на изящество, но увесистого замка, который обычно навешивают, уезжая на длительное время, у калитки всё же не было. Правда, она всё равно была заперта: Говард осторожно провёл по ней рукой и, чуть наклонившись, прищурился, чтобы всмотреться. Конечно, он подозревал, что здесь не обошлось без магии, – в конце концов, тот, кто жил вместо него в семье Нориен, наверняка мог обладать какими-то интересными магическими знаниями!.. Но даже ему это показалось необычным: замок на калитке был, но находился *не в этом* пространстве. Это было весьма непросто и очень странно даже для мира теней! – создать такую структуру запирающего замка или же открыть для материального замка кусочек нового пространства, чтобы переместить его туда. «Сложно, весьма сложно!..», – подумал он, разглядывая несуществующий на первый взгляд замок, и сосредоточенный взор его ещё больше потемнел от новых мыслей о враге.

Впрочем, ничего ломать здесь, чтобы пройти, он не собирался. Главное, в чём он удостоверился, было одно – или Жан, снова на время покинув этот дом, переместился обратно, в свой обычный мир, или же тут хранилось что-то весьма ценное. Второе предположение он сразу отбросил, решив, что молодой маг, у которого не было особого наследства или диплома об окончании магического университета с высшим баллом, вряд ли мог иметь что-то ценное... Потому он спокойно переместился во двор, уверенный, что хозяина рядом нет. Конечно, он мог потрудиться и открыть невидимый замок, чтобы пройти через калитку, но не собирался тратить время. Ему нужно было лишь узнать немного о характере Жана – какие предметы есть у него дома, нет ли документов или записей о предстоящих событиях и делах, или альбомов с фотографиями: несмотря на слова Манди о том, что тот должен был уничтожить свои снимки, что-то говорило Говарду, что это всё же не так.

Быстрым взглядом окинув скучный пустой двор, он уставился на дом, и на лице его замерла ядовитая усмешка – он сразу вспомнил собственный каменный дом, больше

похожий на замок, а этот был, хоть и трёхэтажным, но деревянным, что являлось большой редкостью в мире теней. Во время общественных праздников или частных гулянок деревянные дома здесь первыми попадают под раздачу огненных струй – молодёжь развлекается, наблюдая, как горит чужое имущество, и получая от этого невероятное удовольствие. Что говорить! – даже у Говарда, вполне уже серьёзного мужчины, возникло острое желание немного подпортить гордый деревянный фасад, когда он вспомнил традиции мира теней. Впрочем, минутное желание тут же прошло – возможно, что-то было и в самом доме, раз до сих пор он сумел избежать участи своих собратьев...

Поднявшись на крыльцо, Говард понял, что руки всё равно придётся запачкать взломом: дверь также, как и калитка, была заперта заклятием, но здесь для приличия висел и обычный замок. Присутствовало тут и окошко, через которое можно было запереть замок, не выходя из самого дома, так что Жан вполне мог сейчас оказаться внутри, несмотря на закрытую снаружи дверь. И всё же Говард ощущал, что его там нет...

Сосредоточившись, он нащупал мысленным взором заклятие, перекрывающее своей площадью не только то место, где был замок, но и всю дверь. Заклятие было необычным. В нём были и тёмные линии, какие сам Говард в детстве никак не мог увидеть, чем весьма злил своих родителей, всё время выговаривающих ему за то, что он вроде как *обязан* знать, чувствовать это по самому своему происхождению... Их странные слова и намёки только злили его, но в этой учёбе не помогали, и обнаруживать такие линии он научился с трудом и только, когда уже обучался в университете.

Чтобы снять эту невидимую обычному взгляду завесу, Говарду пришлось потрудиться. Он даже вытянул руки вперёд, чтобы лучше сконцентрироваться, таким сложным оказалась работа! Впрочем, и с ней ему довольно скоро удалось справиться, и очень осторожно, понимая теперь, что недооценил Жана, он вошёл внутрь.

Дом оказался обычным. Вокруг были вполне нормальные предметы и почти ничего личного. Столы, стулья... Шкафы пустовали, лишь на нескольких полках в беспорядке лежали небольшие стопки журналов и газет разных сроков, изданных в мире теней.

Говард осторожно прошёлся по комнатам, вплоть до третьего этажа, и даже заглянул на чердак. Не найдя ничего полезного, он спустился опять вниз, в гостиную.

Что-то держало его здесь.

Окинув комнату строгим взглядом, он подошёл к окну: штора была отдёрнута, щеколда задвинута – это было то самое окно, к которому недавно прижимался Жан в замешательстве от своих непонятных чувств... Здесь было много ненависти и боли – запершей, старой. Говард принялся – болью не был пропитан весь дом, его атмосфера была холодна и чиста, а значит, эмоции свои Жан всегда держал при себе, не смея или не желая выпустить на волю. И боль эту, которая отчего-то теперь немного запечаталась у окна, вися здесь, как небольшое облако, Говард прочёл быстро – потому что она вполне была знакома ему самому: это была боль утраты семьи, утраты веры в неё и в свою принадлежность какому-то особому миру, которым от рождения для человека становится семейный очаг.

Он постоял ещё с минуту, но ничего нового не почувствовал и, быстро покинув дом, взмахом руки защёлкнул на двери замок. Больше ничего, никаких запирающих заклинаний он использовать не стал, иначе по присутствию чужой магии Жан бы удостоверился, что в доме кто-то побывал, а так мог решить, что ошибся сам, когда накладывал своё заклинание, и потому оно быстро потеряло силу.

Охраны во дворе не было и этому дому она, очевидно, не требовалась – для вора там не было ничего ценного. Вполне вероятно, хозяин верил, что и ему самому помощники или

охрана не нужны, – похоже, он считал, что способен справиться с любой угрозой или возможным врагом.

«Самоуверенный мальчишка!..», – презрительно подумал Говард: сам он никогда не ослаблял защиту у родительского дома, как его и учили; и тут же осторожно подхватил свою мысль, не дав ей просочиться в атмосферу чужого двора...

Больше задерживаться здесь он не стал и сразу переместился на дорогу недалеко от своего дома – ему желалось пройтись.

Ненависть, которую он обнаружил в доме Жана, заставила его задуматься. «За что тот мог ненавидеть свою семью? Знал ли, что был приёмным? Нет, вряд ли, иначе он сразу бы понял, что Жанна – не его сестра, и тогда не следил бы за ней!». Говард упрямо посмотрел в чёрное дымное небо, пытаясь разгадать эту тайну. «Быть может, ему не хватало... любви... – с новым, ещё большим презрением вдруг подумал он. – Ему дали семью, он жил в мире, где всегда светло от солнца и человеческих улыбок, и ещё осмеливается ненавидеть!». Волна негодования, на миг поднявшись в его нутре, тут же снова опустилась – Говард не собирался тратить лишние эмоции в сторону того, кто этого не достоин.

Он медленно прошёл к дому и осмотрелся. Его двор был пуст – но так казалось лишь непосвященному: эти огромные камни, что заполняли окружающий пейзаж, тихое озеро, как блюдце, разлившееся у одной стороны забора... Всё это создавало здесь тишину и покой, но – мнимый, ведь в действительности всё было напоено смыслом и содержало в себе и идеи, и осознанные действия. Груда камней, беспорядочно лежащих недалеко от озера, была памятником врагам, которых уничтожили его родители. Ряд камней, сложенных определённым образом друг на друге, находился здесь тоже неспроста – это было напоминанием о тех, кого уничтожил уже сам Говард: родители так гордились им, что стали устанавливать эту груду, несмотря на его протест, который, впрочем, быстро иссяк. А потом и он сам после победы над каждым новым врагом добавлял всё новые, холодные и молчаливые, но таким говорящие валуны.

В озере когда-то плавали чёрные лебеди. Редкое и очень красивое зрелище... Но уже много лет, как они покинули этот пруд и больше не возвращались. Впрочем, было время, когда Говард сначала и вовсе не заметил их отсутствия; а после, заметив, не пожалел... Только теперь, осматривая двор, он вдруг отметил, что было бы лучше, если бы птицы остались здесь – наверняка, они заинтересовали бы Жанну больше, чем пустая вода... «А камни?.. – подумал он. – Заинтересуют ли её подвиги, о которых говорят эти валуны, понравится ли ей это спокойствие и молчаливая сила, которыми они наполнены?..». Он задумчиво вошёл в дом.

Низко поклонился слуга, проходя мимо. Пробежала служанка, не видимая за ворохом нового белья, которое она только что получила от посыльного... Вокруг была суэта, и приход Говарда её не уменьшил.

Слуги, которых было здесь не так много, как следовало бы иметь для такого здания, жили на заднем дворе в отдельном небольшом домике, спрятанном от глаз заходящих с парадного входа гостей самым замком. А внутри, за работой, даже Говард видел их нечасто – они прекрасно знали привычки хозяина и, стремясь не нарушать его покой, которым он так дорожил, старались не попадаться ему лишний раз на пути.

Теперь же всё изменилось – он отдал ряд приказаний, и сейчас с особой тщательностью они вычищали и без того прекрасный каменный дом, чтобы ни одна мелочь не могла нарушить идеального порядка!

Не замечая слуг, неспешно, задумчиво он прошёл в большую гостиную. Здесь ожидала Манди. Услышав знакомые шаги, она сразу подскочила с софы, встречая его.

– Всё нормально?

– Вполне, – кратко ответил он и уселся на стул.

Она молчала, ожидая новостей или вопросов, но он был занят только своими мыслями. Это было похоже на проверку её терпения, и Манди продолжала ждать, но внутри неё всё снова потихоньку закипало.

– Ты ведь узнала, где *он* сейчас, да? – вдруг неожиданно мягко, ласково спросил Говард. Только глаза его глядели слишком пронзительно, чтобы безоговорочно верить интонации.

– Он вернулся в свой мир, – не спуская с него глаз, ответила Манди. Она снова ощущала себя маленьким зверьком при виде глубоких и странных глаз ничуть не злой, но голодной змеи.

– Отправляйся к нему. И не тни время – чем быстрее, тем лучше!

Она ждала продолжения – указания, что делать дальше, что узнать или, может, наоборот, – что нужно сказать Жану... Но пауза слишком затянулась.

– А потом? – спросила она, когда Говард вдруг встал, будто разговор уже окончен.

Несколько удивлённо он присел обратно, но мелькнувшее удивление тут же пропало, уступив место его обычной невозмутимости.

– Поживи с ним там, следи, чтобы не натворил глупостей. И сделай так, чтобы он пока не появлялся в мире теней – он мне мешает.

«Думаю, он всё ещё хочет навредить Жанне...», – почти добавил он, но тут же остановился – он не обязан никому объяснять свои решения!

Манди похолодела.

– Ты хочешь, чтобы я безвылазно жила в том мире, чтобы я постоянно следила за ним?..

Её глаза сузились от обиды и непонимания, и начинающей кипеть злости, а руки задрожали.

Говард бесстрастно смотрел на неё, и прочесть его мысли было невозможно. Впрочем, молчаливый ответ был слишком очевиден.

– Хорошо... – облизав пересохшие губы, медленно произнесла она.

Она знала, что нужно держать себя в руках, иначе новая ссора, её новая непокорность могла разрушить все их отношения, даже такие!.. Этого она допустить не могла.

– Я отправлюсь сейчас же? – она сказала совершенно без интонации, но надеялась, он поймёт, что на самом деле это вопрос.

– Молодец! – негромко ответил он. Больше ждать было нечего.

– До встречи, моя любовь... Не скучай, – подошла она к нему и поцеловала. А потом, не отпуская с него взгляда, переместилась в другой мир, к Жану.

Глава 11

Медленно продвигалось обучение Жанны. Много часов в день и, казалось, совершенно без усталости, Далтон твердил и твердил ей, что она должна делать и что чувствовать – и в окружении, и в самой себе. Для примера он брал истории из своей жизни и своих знакомых или из жизни персонажей книг. И всё бы ничего, если бы рассказы его останавливались на своей художественной части, но он требовал, чтобы Жанна

размышляла над причинно-следственными связями тех или иных действий персонажей и событий, и это очень сильно напрягало её, не желающую думать ни о чём подобном.

Единственное, что немного ободряло её в эти дни – мысль, что вскоре, вытерпев эти нравоучения, она сможет вернуться в свой мир, и теперь ей было даже всё равно, в какой из двух знакомых миров она перейдёт!.. Кроме того, утешали её и недолгие прогулки с озорной Абби, с которой они весьма сдружились.

Они выходили во двор почти каждый день. Зима уже полностью вошла в свою колею и наступили морозы, а снега всё ещё не было. В родном городе Жанны зимой всегда были большие сугробы, и теперь эта странная погода, которая вроде бы была и холодной, но на настоящую зиму совсем не походила, её скорее удивляла, чем радовала. И конечно, она со своей невнимательностью и беспечностью никогда не всматривалась в простор за забором, чтобы узнать, что происходит в том остальном окружающем их мире, который не был защищён миром Далтона.

А там, у разных деревьев, то ближе, то дальше, периодически замирала густая чёрная масса, напоминающая тень. Говард, не желая теперь представлять перед Жанной в облике огромного стервятника, осторожно таился под пустыми ветвями, чтобы иногда смотреть на неё. Бывало, и в виде птицы, но всего на пару мгновений, он приближался к ней незримо. Скрытый пространством, в котором обычно находятся существа, запряжённые в экипажи, он оставался невидимым для неё, но всё также чётко ощущал новую силу в своём теле и доселе неизвестные порывы души.

Жанна, глазами не видя ничего подозрительного, иногда вдруг вздрагивала от пронсящегося ветра и замирала, ощущая то, что до перехода в этот мир было ей незнакомо: какую-то новую волю, какую-то власть... Желание творить и вершить, протягивать руки и ломать стены взрывами пламенной энергии, лишь бы немного освободить внезапно бурлящую кровь от напряжения, от этого огня, мечущегося по жилам!..

В один из таких дней, когда они с Абби были во дворе, она вдруг снова почувствовала нежданный прилив сил. Это ощущение было сродни какому-то наслаждению, когда ты пьёшь нереально вкусный напиток и твоя голова внезапно наполняется безмерным счастьем... Ты думаешь, что способен покорить весь мир, что у тебя есть силы быть первым и диктовать *свои* правила. Эта мысль, эта власть дурманит и переворачивает самые хорошие идеи, которые есть в голове, потому что на их место приходит собственное, личное мнение, не всегда гармонирующее с окружающим миром и остальными людьми, и теми правильными идеями, которые пришлось заучить раньше, в течение жизни...

Абби убегала от неё, и Жанне хотелось быстрее догнать или, ещё лучше, как-нибудь остановить озорную девчонку! Но та была шустра и уже находилась на расстоянии от неё.

– Давай, иди сюда! – крикнула она, но Абби только засмеялась, отбегая дальше.

Жанна раздраженно махнула, показывая, что пора уже идти домой... И девочка действительно вдруг остановилась и присела: по направлению руки Жанны с земли сорвался камень и, молниеносно пролетев десятки метров, попал прямо в неё.

Жанна, на секунду открыв рот, тут же сорвалась с места и побежала к ней.

– Не понимаю, как это произошло! – задыхаясь, бормотала она, растерянно оглядывая девочку. Злосчастный камень, как ни в чём не бывало, лежал на земле, и она пнула его – вроде как со злостью, но по большей части от страха.

– Всё нормально! – ответила та, видя, что Жанна перепугана. Она всё ещё поглаживала ушибленное место: на коже продолжало наливаться цветом пятно. – Просто синяк... А ты молодец! Он так резко, так здорово полетел!..

– А при чём тут я? Это не могу быть я, я ничего такого не делала...

Она замолчала, внезапно поняв, что именно Абби имеет в виду...

Ей нужно было срочно поговорить с Далтоном, да и желания продолжать прогулку уже не было, и они вернулись в дом. И Жанна кинулась к своему учителю, чтобы спросить о том, что сказала Абби... Но ответ её ошеломил.

– Это невозможно! – глухо повторила она, когда он тоже отметил, что у неё появляются успехи.

– Почему ж? Ты, конечно, многого не знаешь, но, как видишь, занятия дают о себе знать: ты копишь знания о магии, начинаешь размышлять о ней, и она отвечает тебе взаимностью – раскрывает в тебе силы, а когда они накопятся...

– Довольно! – неожиданно перебила она его. Она вполне поняла – это *она* сама какой-то незримой силой швырнула этот камень. От злости, потому что игривая Абби не слушалась... чтобы её остановить. Теперь она вдруг поняла, почему Далтон так упорно заставлял её размышлять о людях и о том, что ими движет... Она должна была изначально, сразу же, как только появилось в ней недовольство, разглядеть его и не допустить его воплощения! Но она этого не сделала, потому что не умеет, потому что эмоции её сильнее рассудка.

– Я больше не буду у вас учиться, – твёрдо произнесла она и впервые так жёстко посмотрела на Далтона, что он даже удивился.

– Теперь, когда обучение стало приносить плоды?

– Я не хочу никому принести вреда! – отчётливо, по слогам, произнесла она. Она даже изумилась самой себе: никогда раньше она не слышала, чтобы её голос был таким строгим и жёстким.

Она развернулась, чтобы уйти, но в спину ей полетела угроза: Далтон обещал больше не выпускать Абби на улицу, если Жанна не заберёт свои слова обратно! Она остановилась на миг, но лишь чтобы ещё раз заглянуть внутрь себя и убедиться: решение принято, и оно верное. Обернувшись, она только пожалела вслух, что Абби из-за неё придётся принять несправедливое наказание, и вышла.

На какой-то миг Далтону даже показалось, что он видел перед собой Абаль – эти сильные зелёные глаза, эта уверенная походка и твёрдый голос так походили на неё!.. Но когда подошёл к комнате Жанны, он понял: если Абаль и явилась, то лишь на миг – было слышно, как там, за дверью, кто-то плачет. И это не могла быть сильная Роза Норриен. Далтон развернулся и ушёл, и Жанна осталась одна со своей печалью.

Ей казалось, что она потерялась. Она очень жалела теперь, что согласилась на это обучение... Как она будет жить дальше? Что, если она махнет рукой где-нибудь в общественном месте, и что-то, более опасное, чем камень, внезапно полетит от её жеста? – она будет виновна во всём, что случится с людьми, которые окажутся поблизости. Нет, такой ответственности она не хотела! Лучше *ничего* не знать, ничего... Быть беспечной, молодой, глупой! Лучше быть счастливой и не знать, что силами, скрытыми внутри тебя, можно принести вред!..

Она плакала до самого вечера, а после даже не спустилась на ужин. Ей было стыдно – и за то, что она взялась за обучение, и за то, что не может его продолжить. И стыдно перед Абби – что она кинула в девочку камень.

Теперь, она знала, дни для неё станут ещё мрачнее; Абби не сможет выходить гулять, и сама она будет ещё больше чувствовать свою вину... Но самым страшным было то, что она вдруг осознала, в каком тупике на самом деле находится! Она не могла появиться на улице – внезапно она поняла, какими возможностями могут обладать маги в этом мире, если она сама, ничего не умея, вот так подкинула камень... Встретить она недоброжелателя,

он немедленно испепелил бы её в порошок, а она даже испугаться бы не успела!.. Открыть проход в свой обычный мир она тоже не умела; от обучения Далтона отказалась. Она была в этом мире как незащищенная белая ворона в стае огромных воронов, и никакого способа покинуть это странное окружение у неё не было.

Следующим днём, ещё раз подтвердив Далтону, что обучение окончено, впрочем, уже не так уверенно, она отправилась в домашнюю библиотеку. Книг здесь было множество, как и в её доме, но тематика у них была немного другой. Она сумела найти несколько художественных текстов и сборников сказок и утащила их к себе в комнату, чтобы Далтон, видя её в библиотеке, не рассчитывал, что она что-то учит... И всё же она припрятала кое-что ещё – ей попала пара интересных книг, в которых были описаны вполне нейтральные упражнения и методы защиты. Решив, что неплохо было бы иметь хоть небольшое представление о том, как можно защититься, – правда, как беспечна она ни была, в то, что практически сумеет этому научиться, она не верила, – она сразу взялась за их чтение. И теперь почему-то оно казалось ей более лёгким, чем много месяцев назад, – тогда, когда она в своём доме пыталась читать такие же умные книги, чтобы показать Жану свою образованность и послушание. А чтобы ни Далтон, ни часто заходившая к ней в комнату Абби не заметили, что именно она читает, она прикрывала эти книги сказками...

Впрочем, девочку ей провести удалось, а вот Далтон почти сразу понял, что происходит, и пока что его это устраивало: он решил дать ей такую передышку, чтобы она смогла постепенно привыкнуть к мысли, что тоже может использовать свою силу, хотя бы для защиты.

Абби послушно не покидала дом, и Жанна, мысленно продолжая винить в её наказании себя, тоже старалась никуда не выходить. Теперь они проводили время в комнате то у одной, то у другой, и оно текло хоть скучно, но мирно. И только Говарду совсем не нравилось такое положение вещей!..

Конечно, он не подозревал о первоначальном соглашении Далтона с Жанной и его угрозе запереть Абби дома, и, когда они перестали появляться во дворе, поторопился выяснить, что случилось. Сам он не мог тратить целый день, выжидая, когда Жанна выйдет, потому некоторое время в течение каждого нового дня за забором Далтона дежурили слуги Говарда. И все они каждый раз приносили хозяину один и тот же ответ – во дворе девушка не появлялась. То, что она продолжала жить в доме, он знал точно: он сам видел её в окне, когда перемещался на этот пустырь.

Вскоре он не выдержал своего бездействия. Из-за усилившегося зимнего холода или по какой-то другой причине, но во двор Жанна выходить не собиралась. А ему нестерпимо хотелось её увидеть!.. И он решил, что больше не будет ждать.

Тщательно собравшись, он критично осмотрел себя в зеркале. Выглядел он достойно, даже роскошно, как и следовало представителю его древнего рода. На нём был чёрный матовый костюм, сверху на плечах он закрепил плащ. В руках его была большая и очень красивая коробка: в таких хранят самые настоящие произведения искусства – разные виды конфет, объединённых одной идеей. В этой были собраны разноцветные легкокрылые создания: стрекозы и бабочки. Выполнены они были из сладких материалов, но выглядели совсем, как настоящие, на покрытых шоколадом подставках с начинкой внутри.

Говард переместился к лесу, который был в нескольких километрах от дома Далтона, и оттуда уже пошёл пешком. Конечно, ничто не мешало ему появиться сразу у пустыря, но он хотел большей правдоподобности и потому терпеливо шёл сквозь заросли, оградив защитой только коробку конфет, чтобы она не потеряла своей изысканности. Когда через

пару часов он приблизился к калитке Далтона, он вполне был похож на заблудившегося путника, потрёпанного ветками деревьев и кустарников.

У забора он удовлетворённо осмотрел себя и хотел было уже дёрнуть колокольчик у калитки, – тогда звонок отразился бы у крыльца и хозяин подошёл бы к двери... – но внезапно передумал.

Он сделал лёгкое движение рукой, и калитка сама растворилась. Не запирая её за собой, он быстро дошёл до крыльца, чтобы интенсивно позвонить в колокольчик у парадной двери. Через некоторое время та осторожно приоткрылась. На пороге стоял Далтон.

Вопрос был слишком явно написан на его лице, и незнакомец поторопился объяснить:

– А калитка у вас была открыта. Забыли запереть?..

Далтон, молча взглянув в сторону забора, тут же снова всмотрелся в незваного гостя.

– Не впустите ли обсохнуть? Морозец сегодня лютый... – спросил тот с доброжелательной интонацией, не особо гармонирующей с резким взглядом ненасытных глаз, очевидно, алчно жаждущих не только приюта, но и чего-то ещё, неизвестного Далтону.

Хозяин открыл дверь шире, чтобы его рассмотреть. Одна штанина путника действительно промокла и почти заледенела: встретив по пути мирную застывшую речку, Говард специально разбил лёд, чтобы намочить ногу... И словно в подтверждение его слов, с новой силой завыл ветер.

– А я гулял-гулял, да вот, кажется, заблудился... Никогда в этой местности не бывал, – сам я из центральной части города, и обычно оттуда не выбираюсь. А тут вот переместился, да не туда, куда надо... А сил ещё раз переместиться пока нет... – продолжал он, как вдруг замолчал: недалеко послышался голос, от которого внутри него внезапно всё задрожало от напряжения.

– Ой, а откуда так дует?

Далтон резко обернулся и увидел, что по лестнице спускается Жанна, а Говард, не теряя больше ни мгновения, переступил порог, чтобы тот не успел захлопнуть перед его носом дверь.

Жанна остановилась.

На неё в упор уставился незнакомый молодой человек, но что-то знакомое в нём всё же было, правда, она не могла понять, что именно... Этот взгляд, который на миг показался ей холодным, внезапно загорелся. В её собственных жилах снова закипела кровь, и её бросило в жар, будто резко поднялась температура.

– Здравствуйте! – поспешил сказать он, не отводя от неё странно сильного, волевого взгляда.

– Я вас не впускал, вам лучше уйти! – резко произнёс Далтон, пытаясь повернуть молодого человека к выходу.

– Я заблудился в вашей стороне и попросил немного согреться. А мне, кажется, отказывают... – с краткой улыбкой поспешил тот объяснить Жанне, обращаясь будто за помощью.

Далтон обернулся. Жанна была не похожа на саму себя: она стояла молча, не отрывая взгляда от гостя, и как будто с чем-то боролась: с какими-то мыслями или чувствами. Никакой, обычно столь свойственной ей беспечности или легкомысленности в её глазах теперь не было.

– Там ведь холодно, – сказала она Далтону, продолжая смотреть на незнакомца. – Разве нельзя его впустить? Ненадолго... Он ведь и так уже вошёл.

Хозяин, не отвечая, ещё раз всмотрелся в гостя – и видел он гораздо больше, чем тот мог предполагать! Он прекрасно узнал его – сразу, как только открыл дверь. Перед ним был настоящий сын Лидии Нориен...

О том, что ребёнка подменили, ему стало известно, когда тому было уже несколько лет – он случайно услышал разговор Розы и Гвенды, но причины столь чудовищной подмены не ведал. Никаких вопросов мачехе Розе, своей Абаль, он задавать не собирался – эта сильная женщина, если бы считала нужным, сама всё бы ему рассказала, а украденные тайны ему были не нужны! Но позже он узнал, что мальчика, сына Лидии, из детдома забрала семья, проживающая в мире теней. Со временем перебравшись сюда, Далтон обнаружил их дом и немного понаблюдал за тем, в ком, несмотря на неизвестные ему обстоятельства, продолжала течь кровь прекрасной Абаль...

Потому, когда он увидел его на пороге своего дома, одно ему было ясно точно – незнакомец явно неспроста пришёл именно в этот дом, где сейчас живёт его сестра. И вполне вероятно, раз он знает о ней и о том, где она сейчас, то это именно он сам и переместил её в мир теней. «Зачем?.. – наверняка, чтобы уничтожить...», – подумал он, и эти мысли, молниеносно мелькнувшие в его голове, сразу же притупились новой – очень сильным желанием пригласить незнакомца на обед.

Тот стоял, улыбаясь, ожидая вердикта. Внезапно вспомнив, что в руках у него коробка, он торопливо протянул её Жанне.

– Это конфеты, очень вкусные. Меня, кстати, Говард зовут...

Жанна не успела осмотреть искусно обвязанную лентами упаковку, как из-за её спины выскочила незаметно подошедшая Абби.

– Какая красивая! – восторженно воскликнула она. – Никогда таких не ела, наверное, очень вкусные!

Жанна улыбнулась, вполне разделяя девичий восторг. А Далтон вдруг почувствовал, что сильное желание пригласить Говарда к столу отступило так же внезапно, как и появилось.

– Дедушка, а мы же пригласим его на обед, правда? – вдруг воскликнула Абби.

Гости нечасто посещали их дом, а ей не терпелось услышать что-нибудь новое и интересное. Так что Говард вполне правильно рассчитал, что, в отличие от Далтона, на мысли маленькой девочки повлиять будет легче, и *она* произнесёт вслух то, что нужно ему самому.

– Ну пожалуйста!.. – взмолилась девчонка, не зная, что среди собственных эмоций так сложно отыскать чужие желания...

– И правда, что в этом такого? – поддержала её Жанна, помня о том, что это из-за неё самой девочка лишена даже прогулок, и надеясь выпросить для неё хотя бы такое развлечение.

Хозяин ещё раз посмотрел на Говарда и на девочек. В их руках всё ещё была нераскрытая коробка и тот, казалось, ждал, что они откроют её при нём, так что, похоже, ни яда, ни колдовства в ней не было, иначе он вручил бы её и ушёл. При этом и сама коробка была специфичной – таких в мире теней не продают, и это было *очевидно* любому, живущему здесь! Значит, Говард рассчитывал на то, что в нём сразу признают мага, способного перемещаться между другими мирами, где он мог её купить... Таким скрытым образом он сам будто признавался в том, что это умеет, будто раскрывал перед хозяином дома свои карты и, указывая таким намёком на свои возможности, рассчитывал, очевидно, на какое-то доверие в ответ. И это было странно и даже рискованно с его стороны!

Далтон снова всмотрелся в молодого мужчину, и это было несложно – тот, вовсе не обращая на него внимания, всё время глядел на Жанну. «А если это он её сюда отправил и всё это время знал, где она, тогда... Что-то не шибко он за это время пытался причинить ей вред», – вдруг подумалось Далтону. Но стоя в холле, понять, чего же на самом деле хочет Говард, было невозможно, и отпустить его теперь – также означало ничего не узнать о его планах и постоянно беспокоиться, размышляя о том, что тот может затевать...

– Проходите! – в конце концов, произнёс он, указывая в сторону гостиной, и Говард, пропустив Жанну с Абби вперёд, пошёл следом.

К горячему камину сдвинули кресло, чтобы гостю было удобней сушить намокшие брюки, но он в него не сел, – с этого места не было видно Жанну, – и, встав сбоку, облокотился на каминную полку.

Жанна молчала, не зная, о чём говорить, и только неловко улыбалась, когда он поглядывал в её сторону.

Абби быстро надоела тишина – гость, похоже, не собирался ничего рассказывать, а может, это у неё внезапно пропал интерес к нему, и она убежала к себе в комнату, надеясь, что вскоре её позовут к столу.

Далтон сидел в кресле у противоположной стены. С его стороны не доносилось ни одного звука, он будто слился с мебелью, наблюдая за молодыми людьми, и они быстро забыли о его присутствии. Хотя, быть может, дело было вовсе не в том, как искусно он сливался с тишиной, а в тех чувствах, что горели между ними, требуя к себе всего внимания.

– Вы всегда тут живёте? – вежливо спросил Говард, решив, что нужно с чего-то начать.

– Я здесь в гостях... – поторопилась ответить Жанна и тут же прикусила язык, подумав: «Я должна рассказывать, из какого я мира? Нет? Тогда ни к чему говорить, что мой дом не здесь!...», и поспешила перевести тему. – А как вы заблудились?

Говард засмеялся.

– Гулял. Люблю свежий воздух!

– Морозный? – неловко переспросила она, не зная, что ещё сказать.

– Морозный, – подтвердил он.

В комнате снова воцарилась тишина.

– А вам нравятся чёрные лебеди? – вновь нарушил он молчание.

– Ох... – Жанна едва сумела сдержать удивление и лишь осторожно улыбнулась. – Наверняка, они прекрасны! Но я никогда не видела...

В её голосе мелькнула жалость. Ей действительно вдруг очень-очень захотелось посмотреть на чёрных лебедей! «Это же какая грация, какие переливы цвета на перьях...», – подумала она мечтательно.

– А у меня фотографии есть. Зимой они улетают, но это ведь всего на несколько месяцев... Вскоре они вернутся, и пруд снова будет красив, – не собираясь говорить, что его лебеди уже несколько лет, как не возвращаются обратно, он быстро провёл рукой по воздуху, и на его ладони появилась стопка снимков. – Хотите посмотреть, Жанна?

Он произнёс её имя, и её душу на миг словно задела раскалённым железом. Потом её всю бросило в жар. Не поднимая на него головы, она кивнула, пытаясь успокоить учатившееся сердцебиение.

Говард ушёл от камина и присел рядом на диван, очевидно, совсем забыв про невысохшую штанину.

– Ой, а они все чёрно-белые? – удивилась она, увидев фотографии. На снимках были груды камней и озеро с лебедями, и каменная дорожка... Казалось, там играл ветер –

попеременно в границах снимка пролетали почерневшие старые листья, но самих деревьев видно не было.

– Нет, это уже в цвете, – ответил Говард.

Взглянув на Жанну, он заметил, что её взор изменился – блеск немного потух и появилась какая-то горечь. Казалось, ей стало жаль, что всё изображённое здесь живёт в таких тёмных тонах...

– Это, наверное, фотограф напортачил... – поспешил сказать он, мысленно проклиная вечно мрачные тучи над его домом, которые раньше всегда ему нравились. Он быстро перелистнул снимки, пряча озеро в самый низ. – А вот и мой дом. Красив?

Он напряжённо ждал ответа, пока она рассматривала высокое здание. Нет, оно ей не понравилось. Оно показалось ей... тёмным. И не по цвету фасада, и не из-за недостатка небесного света вокруг... Просто – тёмным.

«Это всё Далтон!.. – вдруг недовольно и с какой-то обидой подумала она. – Из-за него теперь, вместо того, чтобы просто полюбоваться на фотографию, я сижу и размышляю о том, *что* там изображено... какие оно имеет качества, чем наполнено... Чем-чем... тёмными энергиями, как любит повторять мой, теперь уже бывший, учитель!..». Она нахмурилась. Её недовольство относилось только к её мыслям, но Говард решил, что снова ей не угодил.

– Неужели не нравится? – в его голосе прозвучала странная струна тревоги, и Жанна поспешила оправдаться:

– Нет-нет, что вы! Здание... Оно высокое, красивое... Интересный... интересная архитектура, – едва нашлась она, чтобы похвалить.

Архитектура дома действительно была выдающейся: арочные окна с лепниной, резные двойные двери; у карнизов и по краю крыши виднелись каменные фигуры, но с такого расстояния было непонятно, какие именно...

– А это – птицы? – ткнула она в замысловатые силуэты у входа.

– Горгульи. Великолепные, правда?

Говард снова напряжённо всматривался в лицо бедной Жанны, а она уже не знала, как себя вести. Радостно согласиться, что они прекрасны?.. Но в книгах – ещё там, у себя дома, – она видела вполне качественные фотографии горгулий в масштабе, и красивыми она их вряд ли бы назвала... «Может, это просто мне такие снимки попались? – с сомнением подумала она. – Может, эти статуи у входа в то, что он называет своим *домом*, а на самом деле является целым замком, действительно выглядят очень даже хорошо?..».

– Тогда они точно понравятся вам и при ближайшем рассмотрении! – сказал Говард, не дождавшись ответа и надеясь, что молчание её выражает всё же восхищение. – С удовольствием покажу вам свой дом!

Она резко подняла на него голову. Казалось, он сказал всё вполне чётко, но она ничего не поняла.

– Уверен, ваш... дядя? – Говард, не отрываясь от лица Жанны, кивнул в сторону Далтона, – не будет против, если вы придёте ко мне в гости. В конце концов, вы живёте на таком пустыре, где совершенно нет людей... Наверняка, вам здесь скучно!

Жанна растерянно оглянулась. Далтон встал с кресла и, подойдя к ним, взял снимок в руки.

– Что ж... дом великолепен, – осмотрев его опытным взглядом, сказал он. – А ты, девочка, пойдёшь, посмотри – в столовой всё ли накрыто на стол? Похоже, гость уже отогрелся.

Жанна торопливо вышла. В столовой она увидела, что стол заполнен блюдами и накрыт на четыре персоны. Но она не стала спешить обратно и присела на стул. Она

почему-то так устала... Может быть, от эмоций, бушевавших в ней, когда она была рядом с Говардом?.. Эти чувства были сродни тому, что она ощутила впервые тогда – когда прошла в мир теней и почувствовала вдруг кипение крови и немыслимую, неведанную ею ранее волю и власть. Но теперь они были чуть другими – будто плотная масса этих чувств окружила и сдавила её. От этого было душно... Они как будто измучили её, и теперь, на расстоянии от них, ей вдруг стало и свободнее – и тяжелее, как бывает после сложной битвы, когда напряжение борьбы отпускает и, расслабившись, начинаешь всю ощущать упадок сил.

В это время в гостиной Далтон смотрел прямо в глаза Говарду, который тоже не собирался опускать перед ним гордого взгляда.

– Я не могу запретить Жанне пойти с тобой, если она захочет. Но если по твоей вине с ней что-нибудь случится, будь уверен: я спущу с тебя три шкуры, а потом оживлю твоих горгулий и заставлю сожрать твои остатки!

Говард усмехнулся. На краткий миг ему захотелось поблагодарить Далтона за заботу о ней, но он не стал. В его взгляде теперь был его обычный лёд, и казалось, что он никогда и не мог излучать тепло – произнесённое было угрозой ему самому, и в его натуре, с детства приученной наживать врагов и отбиваться от них, поднялась волна гнева. Но не успел он ответить на это, как озорная Абби заглянула в комнату: Жанна сказала ей, что можно идти к столу, и она решила поторопить деда с гостем. И они направились в столовую, больше не поднимая эту тему, и по бесстрастному взгляду Говарда непонятно было, затаил ли он ненависть внутри, или нет...

Остатки дня прошли спокойно – гость был приятен в общении, и за столом было весело. Жанна даже немного успокоилась, ей стало легче, и недавняя тяжесть в душе понемногу рассеивалась, особенно потом, когда тот ушёл... Но когда наступил поздний вечер, и она легла спать, она снова вспомнила это странное ощущение, названия которому всё никак не могла найти... И в голове её почему-то засели странные строчки, которые она как-то прочитала в старой книге в её собственном, родном доме, по которому она скучала ещё больше с той минуты, как увидела холодный замок Говарда: «... избегайте гнева и ярости, иначе они, в конце концов, неминуемо приведут вас в мир теней...». Она не знала, почему они вспомнились ей сейчас и почему заставляют вновь и вновь себя думать, и хотела бы их забыть... Конечно, вскоре ей это удалось, но только не потому, что она заснула, а потому что её внимание переключилось на другое – перед глазами снова пробегали картинки. Озеро, груды камней, чёрные лебеди... «Красиво ли это, когда нет ничего цветного? – подумала она растерянно. – Тишина, покой... Но – жизнь ли?..». Она никак не могла поверить, что можно жить среди таких пейзажей! Видеть – один раз, два, три – да; но – жить постоянно?..

Беспокойно она заснула, но и во сне видела те же самые снимки, которые оживали перед ней: распахивались двери огромного дома, больше похожего на замок... Горгульи, встречая, хлопали крыльями с заострёнными концами; а лебеди возвращались на зимнее, покрытое льдом озеро. И неминуемо замерзали, превращаясь в хрустальные чёрные фигуры...

Глава 12

В библиотеке Далтона было много книг – уж не меньше, чем в её собственной. Но среди них было мало тех, которые Жанна осмелилась бы читать. Приготовление снадобий с использованием насекомых или измельчённых частей гадов, создание ядов, наложение заклятий... Ей встретилось лишь несколько книг про изготовление каменной пыли в домашних условиях и использование растений и росы, собранных в определённое время... Эти книги снова напомнили ей про Мари – подруга, очевидно, пользовалась именно этими методами. Особенно, как она рассказывала Жанне, она любила работать с растениями – она благодарила их, собирая нужные ей листья или лепестки и оставляя что-нибудь взамен, чтобы отплатить за помощь... Большая же часть книг, собранных Далтоном, была совсем не так безобидна, и Жанне это не нравилось.

Его новые увещевания по поводу брошенного обучения опять не увенчались успехом. Её упрямство уже начало выводить его из себя, особенно потому, что вначале их знакомства он посчитал, что она слишком слаба – даже просто для того, чтобы суметь отказаться от его волевого предложения! Но она продолжала игнорировать его слова, и он решил, что нужен другой способ быстрее убедить её, ведь теперь он видел уже не вероятную опасность, а вполне конкретную – в лице Говарда, который, очевидно, не собирался никуда исчезать: уже через день после первого знакомства, незванный, он пришёл к ним снова.

В этот раз одет он был просто, но элегантно, и, конечно, безо всяких изощрений в виде лесных колючек или мокрой штанины. В руках его вновь была интригующе красивая коробка с конфетами с коллекцией из сладких цветов. На вкус они были потрясающими, и Жанна с Абби никак не могли решить между собой, какая из конфет лучше всего! Впрочем, как и то, какая коллекция выполнена искуснее: эта или предыдущая.

Говард много говорил и смеялся, но это был обычный разговор о незначительных пустяках, не затрагивающих детали жизни в мире теней. Ушёл он, оставив о себе ещё более сильное и двойственное ощущение – как у Далтона, так и у Жанны, продолжающей чувствовать нечто странное и в нём самом, и в самом его присутствии.

Впрочем, долго гадать о характере ей не пришлось: не прошло и пары дней, как он снова посетил этот дом. Время близилось к вечеру, и, когда он пришёл, они пили вечерний чай.

Говард был также вежлив, как и в предыдущие дни, но, казалось, в этот раз его настроение было мрачноватым. Каждый раз, когда он смотрел на Жанну, в глазах его вспыхивал странный блеск – стальной, холодный.

Будь она внимательнее, она заметила бы это и, скорее всего, приняла бы на свой счёт. Но это было бы неверно – Говард, видя её, просто снова вспоминал то, что видел днём, то, что так изменило его настроение, и снова ощущал неприятное чувство тревоги – чувство, к которому он не привык. А всё дело было в том, что чуть позже полудня, когда он появился на пустыре, по привычке соблюдая осторожность, у забора он заметил фигуру.

Он сразу же переместился к дереву, стоявшему поодаль, и замер. Со стороны только очень внимательный взгляд, нацеленный специально на поиск подобного, мог бы обнаружить под тенью зимних ветвей тёмную насыщенную массу, и Жан, не подозревавший, что за Жанной может следить кто-то ещё, кроме него самого, спокойно

наблюдал за домом со своего обычного места. Жанна во двор не выходила, но он терпеливо простоял несколько часов, всё это время крайне нервирова Говарда.

Когда же он покинул свой странный пост, был почти вечер, и Говард, обозлённый и встревоженный, наконец, постучался в дом.

Мысленно недобрым словом вспоминая Манди, которая не уследила за Жаном, переместившимся в мир теней, при виде Жанны он попытался забыть о том, что его тревожило. Но не смог, думая об одном: приходил ли тот, чтобы её уничтожить?.. Он не был в этом уверен, но решил, что нужно предупредить Жанну, чтобы она была осторожна, правда, не знал, как это можно сделать, не кидая тень на себя самого!..

Вскоре, когда за окном совсем стемнело, он поднялся. Тянуть время больше было нельзя и надо было уходить, хоть в этот раз он весьма мало пробыл в гостях.

– Проводишь? – он посмотрел на Жанну, и ей вдруг стало так тепло, так хорошо...

Они вышли во двор. Здесь оказалось ещё темнее, чем виделось из окна, и он быстро зажёл у ладони светящийся шар, и с удовольствием увидел, как загорелись глаза Жанны, следящей за его магией.

Они не торопились прощаться и ещё походили по двору, иногда присаживаясь на расставленные в разных сторонах участка скамейки.

– Расскажи мне о себе. У тебя есть друзья, родственники?

Жанна с удивлением взглянула на Говарда. Он смотрел пристально, внимательно, будто ему действительно было это интересно. А её никогда никто ещё не спрашивал о таких вещах!..

– Не очень много... – осторожно ответила она, не зная, как говорить о своей сложной ситуации в семье, а также – стоит ли вообще о ней говорить?

При мысли о друзьях она быстро переключилась на Мари и рассказала всё, что могла, впрочем, не акцентируя внимания на том, что её подруга не имела отношения к миру теней. Про Аллена рассказывать она не хотела, а вот о Жане у неё было много слов...

Говарда, казалось, эта тема очень интересовала: он продолжал задавать всё новые вопросы о её друге, и каждый его новый вопрос почему-то начинал казаться Жанне странным – будто ей пытались донести какую-то мысль, которая никогда ещё не приходила ей в голову и потому не могла быть пока понята.

– А ты никогда не думала, что он может быть врагом? – вдруг прямо спросил Говард, устав ждать, когда она поймёт его намёки.

Опешив, она молча взглянула в ответ. Она хотела убедиться, что и сама не сошла с ума, решив, что услышала подобный вопрос, и что собеседник – не шутит, и на всякий случай переспросила, что он имеет в виду.

– Вдруг этот человек, которого ты называешь другом, на самом деле только им притворяется? Что, если это – нехороший человек, который желает нанести тебе вред?

Во взгляде Говарда, казалось, была неподдельная тревога, но Жанна не поверила. Она ещё раз попыталась убедить его, что он неправ, но настырный собеседник почему-то стоял на своём, пытаясь очернить в её глазах имя Жана, и, в конце концов, не выдержав напора слов, она поднялась.

– Мы забыли, что уже много времени и тебе нужно идти! – в её голосе прозвучала обида.

Говард поднялся. Не оглядываясь на него, Жанна шагала теперь немного впереди по дорожке, огибающей дом и ведущей к калитке. Ей было очень неприятно. «Как он может обвинять человека, которого и в глаза-то не видел?! – недовольно думала она. – Жан так много для меня сделал! Подобрал на улице, когда я была в отчаянии, обогрел, дал приют,

хотя ничего этого мог не делать! Много времени провёл в поисках информации, как мне помочь... Помог получить мой дом и даже нашёл часы!».

Тут она резко остановилась.

«Жан нашёл часы, но *не отдал* их мне...». Её лицо потемнело, эмоции, взбудораженные прежними словами Говарда, повернулись в другую сторону, в сторону мысли – а не может ли собеседник быть прав?.. Но лишь на мгновение – через пару секунд она облегчённо вздохнула: «Он ведь мог их только-только найти... Хотя в тот же самый день, когда их у него нашла я. Ну конечно! Поэтому-то я их и нашла, поэтому и пришла в его дом в тот самый день! – потому что они там появились!». Она ещё раз облегчённо вздохнула и поняла, что Говард стоит рядом.

Новое недовольство спустилось на её душу – тот ведь пытался убедить её, что Жан – враг, и она чуть не поддалась этим словам и внутри себя уже почти обвинила друга в предательстве. Это было ужасно! Она почувствовала себя виноватой в своих несправедливых мыслях и сразу обиделась на Говарда ещё больше – это ведь из-за него она так ошиблась!..

Она гордо отворила калитку и холодно-вежливо с ним простилась.

Говард был недоволен – но не собой и не Жанной, а самой ситуацией. Впрочем, он надеялся, что к следующему разу, когда он придёт, Жанна уже оттаит и он снова увидит её улыбку. А слова его, возможно, ещё дадут свои плоды...

Он исчез в темноте, и Жанна быстро закрыла засов.

Отойдя на несколько шагов, она остановилась – за калиткой ей внезапно послышался какой-то шорох. «Что-то забыл и решил вернуться. Или, наконец, догадался, что нужно извиниться...», – подумала она хмуро, возвращаясь и открывая калиточную дверь.

Сияющий шар гость унёс с собой, потому что-либо разглядеть в этой темноте было сложно. Она вышла на дорогу и огляделась. Поняв, что шорох где-то рядом, она позвала Говарда по имени.

Больше ничего подумать она не успела: на неё вдруг кинулась собака! Она была небольшой, но, очевидно, голодной и очень злой... Жанна закричала, и рядом сразу же материализовался Далтон и невидимым ударом откинул пса в сторону. Послышался вой и снова шорох. Пёс убежал в лес.

Они вернулись во двор, и Далтон запер калитку. От быстрого перемещения в дом с его помощью Жанна отказалась, считая, что подобные способы используют только тёмные маги, и медленно поплелась к крыльцу. Ему пришлось идти следом, потому что оставить её сейчас снаружи одну он не решился.

Дома она с жалостью себя осмотрела – подол длинного платья был порван, из ноги сочилась кровь... Далтон осторожно перевязал рану, и, к её удивлению, в этот раз она не услышала от него ни слова упрёка в своей беспечности и невнимательности.

– Вот если бы ты продолжила обучение, то смогла бы сама защититься... – только и сказал он.

Но, привыкшая уже игнорировать подобные высказывания, она только поблагодарила его за перевязку и за то, что он всё ещё позволяет ей жить в своём доме.

На этом, казалось бы, все странности, которыми в последнее время так насыщена была её жизнь, должны были бы прекратить свой постоянный марш, но пока что они продолжались: вскоре Далтон внезапно смягчился и снял свой же запрет на прогулки Абби. И теперь она, а значит, и Жанна, которая до сих пор тоже старалась никуда не выходить, могла в любое время гулять во дворе, не опасаясь, что это его разозлит, и это для них было просто великолепно!

Теперь они с наслаждением проводили дни на свежем воздухе, и Далтона, похоже, это действительно не раздражало. Наоборот, иногда он сам останавливался у окна и задумчиво следил за их играми и весельем.

Абби тоже, казалось, немного изменилась – как будто повзрослела, если это могло произойти с одиннадцатилетней девочкой за каких-то пару недель. Её задорный взгляд часто становился другим, приобретал грустные ноты и какую-то непонятную жалость, и Жанна, иногда замечая его, холодела, не понимая, что такого может знать и чувствовать это маленькое существо, чтобы внезапно делаться таким не по-детски задумчивым.

Так было и в этот день.

Жанна и Абби играли, забыв обо всём на свете. Земля была покрыта небольшим слоем снега, и, делая хрустящие снежки, не желающие слепяться в сухом воздухе, они превратили это пространство в белое поле битвы.

Погода была замечательной! Несколько густых скоплений облаков в жёлтом небе не могли уменьшить радости дня, и даже Далтон, стоя и в этот раз у окна, почти улыбнулся, видя, как они счастливы.

Вдоволь наигравшись, они остановились.

– Ты моя лучшая маленькая подружка! – в избытке чувств обняв Абби, воскликнула Жанна.

Та крепче прижалась к ней, и внезапно она ощутила какое-то смятение. Приподняв голову Абби, она вдруг увидела слёзы. Но это ей лишь показалось – девочка тут же вырвалась и убежала на другой конец большого двора. Оттуда, на таком расстоянии, не было видно её лица. Было понятно лишь, что она машет рукой, играясь или призывая бежать за ней... Но больше Жанна ничего не успела ни ответить, ни сделать: внезапно из жёлтого облака сверху вырвалась птица, будто, наконец, дождавшись своего часа! Она была огромной и очень страшной, и очень странной – её непонятный призрачный вид мог внушить ужас даже тому, кто был знаком с магией, и Жанна, увидев её, на миг будто окаменела. А птица ринулась прямо туда, к маленькой Абби!.. Жанна закричала и кинулась бежать вперёд, но Далтон внезапно оказался рядом – звенящим голосом он приказал ей спрятаться в доме, и, ломая ноги, она побежала назад, а он снова молниеносно переместился и оказался уже там, рядом с Абби и огромной птицей!..

Вбежав в дом, Жанна кинулась к окну в столовой – оттуда была видна эта часть двора, но происходящее сейчас было слишком далеко, чтобы удалось рассмотреть!.. Она видела лишь небольшую фигуру Далтона и огромное, невесомое, почти прозрачное облако – колыхание тёмно-синего цвета в пространстве, нависшее над человеком; и пылающий огонь, окруживший их – сначала разлетевшийся по кругу по земле, а потом стеной поднявшийся и в воздух, скрывающий уже и неведомую птицу, если это была она, и Далтона!.. Огонь всё пылал и пылал, и Жанна в ужасе сжимала руки, не зная, как помочь и что сделать!..

Через несколько минут отчаянной битвы, когда пламя внезапно стихло, она вновь увидела Далтона. Птицы не было, и через мгновение он тоже вдруг исчез. Поняв, что он переместился, Жанна кинулась в гостиную.

Он был здесь – тяжело уставший, шатающийся так, будто исчерпал все свои силы. Но свою маленькую подружку она тут не видела...

– Где Абби? – тихо, стиснув руки так, что побелели костяшки пальцев, спросила она в ужасе, страшась услышать ответ.

А он был, и был таким, от которого ей стало ещё хуже.

– Мне не удалось спасти... Слишком поздно... Я был далеко – не успел совсем немного...

Больше говорить он ничего не желал. А Жанна не хотела и спрашивать.

Она развернулась и вышла из гостиной. В холле остановилась и медленно огляделась, будто не понимая, где находится. Этот мир – этот чужой дом, чужие предметы, – без Абби она не узнавала.

Поднявшись в спальню, она села на кровать. Напротив было окно – там было пусто.

Она просидела так долго, очень долго. На улице постепенно сгущалась тьма, как и в её душе. Потом появилась луна, и свет её, прорезав холодное стекло, упёрся в колени Жанны.

А она всё не могла понять: этот день – был ли он?.. Или это – один из тех кошмарных снов, которые, приходя и пугая, на утро всё равно оказываются только снами?.. Могла ли она что-то изменить, если это сном не было?..

Когда-то, мечтая найти вход в свой мир, она уже спрашивала у Далтона: «А можно ли вернуться в прошлое? Ненадолго так, чтобы я просто смогла себе сказать *не входить* сюда, в мир теней?». Эта мысль ей самой казалась находкой, но Далтон, кажется, посчитал её чересчур наивной. «Повернуть время вспять?.. – засмеялся он. – Ты не сумеешь...».

«*Ты не сумеешь...* – горько вспомнила она эти слова. – И впрямь... – я ничего не умею и ничего не могу сделать. И даже ничего не желаю узнавать, чтобы что-то уметь... Кто я? Человек, который не имеет власти и сил, и знаний, чтобы помочь тому, кому нужна помощь...».

По щекам скатились слёзы – но их было мало, и они сразу высохли на воспалённом бледном лице.

«*Я не успел... совсем немного...*», – снова пролетели в голове его слова. «Если бы я могла, я бы успела... – я была ближе, я могла успеть... Я могла бы сразу отогнать *это...*», – снова прозвучали в ней ответом угрызения совести.

«А сколько их ещё будет?.. – внезапно подумалось ей. – Тех, кто не может защититься сам...».

Она устало опустилась на подушку, как сломленный старый камыш. Терять было нечего...

Следующим утром, проснувшись рано, она сразу вспомнила день прошедший и поняла, что в ней самой ничего не изменилось – пустота внутри никуда не делась, и покинувшая её вчера мысль, что всё было только сном, сегодня так и не вернулась: окружающий мир был явью.

Она поднялась и прошлась по комнате. Все предметы напоминали Абби, но её смеха больше не было слышно. Она взяла в руки один предмет, который та любила брать, другой, но это всё, все эти воспоминания не заполняли пустоту, как зияющую бездонную дыру.

Снова сев на постель, Жанна удручённо поглядела в окно. Там всё ещё висела круглая луна – уже почти незаметная, как будто призрачная. Но это был лишь мираж – никакой луны утром с этой стороны быть не могло, и это просто ночной пейзаж остался в её глазах бессмысленным воспоминанием.

Можно было спуститься к завтраку, но кушать не хотелось. Она хотела бы просто одеться и спуститься вниз, чтобы утешить Далтона... Но её собственных сил не было и на это, и внизу она появилась только к вечеру.

Далтон был в холле – вешал верхнюю одежду; на лице его был морозный румянец.

Жанна не задавала вопросов, но, когда они сели за стол, он сам ответил на мелькнувший в её голове вопрос:

– Был у родственников, рассказал об Абби... – только и произнёс он, и снова замолчал.

Есть ей не хотелось. Далтон тоже ничего не ел, лишь налил себе кофе. В столовой было тихо.

– Я подумал, что зря пытался заставить тебя изучать то, что тебе не нужно, – вдруг произнёс он, когда она уже забыла, что в комнате есть кто-то ещё, кроме неё.

Она оторвала взгляд от пустой тарелки и так недоуменно на него посмотрела, что ему пришлось повторить.

– Говорю, что я *помогу* тебе найти вход в твой мир, и ты сможешь уйти, когда захочешь... – объяснил он, видя, что она совсем не понимает. – Тебе ведь не нужна магия, ей незачем пользоваться... В конце концов, та птица и сама когда-нибудь бы улетела, – негромко добавил он, не глядя на неё.

Она молчала, снова опустив пустой взор в тарелку.

– С другой стороны... – вдруг услышала она голос. – Если, конечно, хочешь продолжить обучение, я могу... Уверен, и Абби бы этого хотела...

Жанна шмыгнула носом, но тут же взяла себя в руки. Слёз у неё уже не было – она их выплакала ночью, – а боль осталась. Ведь Абби могла бы жить... Если бы она её защитила, если б помогла, спасла!..

Она подняла голову. Далтон на неё не смотрел, погруженный в свои мысли.

– Да, мне нужно...

Её голос немного хрипел, и, прокашлявшись, она повторила. Но сказанные чистым голосом, слова её всё равно не были такими уверенными, как ей хотелось бы. Впрочем, Далтона, похоже, устроили и такие... Он внимательно поглядел на неё, размышляя, как сильно одна эта ночь изменила её лицо, ещё вчера такое детское и беспечное. Сейчас оно потемнело, будто загорело, осунулось, будто она давно не ела, а в глазах появилось то, что со временем при постоянной подпитке превращается в волчью злость. Он удовлетворённо кивнул.

– Тогда продолжим сегодня же.

– Разве не нужно сначала попрощаться с Абби? – тихо спросила она, но Далтон встал, резко сдвинув стул.

– Не с чем прощаться: после магического пламени не осталось даже костей...

У Жанны резко свело желудок, а в тарелку закапали слёзы. Но теперь больше нечего было скрывать – Далтон чувствует такую же боль, она знает... Не может не чувствовать... И он *понимает*, что ей тяжело. Она может позволить себе слёзы, особенно теперь, когда он вышел...

Дни потекли нелегко.

И до этого, казалось, причин для радости было слишком мало, но смех Абби всегда украшал для Жанны этот не светлый мир, и даже ночной мрак вокруг становился мягче. Теперь же её вновь захлестнули мысли о прошлой жизни и оставленных друзьях. И если раньше она тосковала по Мари и Аллену, и иногда – по Жану, стремясь найти проход в их мир, то теперь всё чаще в её голове вставали картины её другой прошлой жизни – в том мире, где она жила с детства, куда её когда-то перевезла бабка Гвенда. С досадой и обидой на себя она вспомнила, что, не выйдя на работу, подвела людей, которые помогли ей получить это место, когда ей так нужны были деньги! «Наверное, они до сих пор думают, что я предала их – ведь с самого начала они спрашивали, точно ли я хочу работать с ними в той маленькой, старой, но очень уютной библиотеке с тёплой, комфортной атмосферой... – думала Жанна. – А старушка Прасковья из села Часовщики? Как она теперь?.. Надолго ли хватило ей тех денег, и не нужна ли ей сейчас помощь?..». Вспоминала она даже тот старый дом, который видела один лишь раз... «Всем селом мы удивлялись, деточка... Знаешь, у Галины-то, бабки твоей, дом был – красавец!.. И бревно,

вроде, не лучше других было, так что давно и сам развалиться должен был, а нет – держался молодцом, так что все диву давались!.. А как Галины-то не стало, так вскоре, знаешь, и дом-то зачах. Развалился, будто изба кривая. Даже детишки до сих пор туда боятся забегать – играть...», – снова слышала она в голове слова старушки.

Каждый день теперь у неё был слишком похож на предыдущий, чтобы приносить новые радости жизни. С каким-то ожесточением она слушала слова обучавшего её Далтона, думая, что должна хоть что-то уметь, чтобы быть способной помогать другим, кому когда-нибудь понадобится помощь... А её саму не покидало ощущение безнадежного отчаяния: Абби было не возратить никаким обучением! Время не повернёшь вспять, не повернёшь...

К ним всё также заходил Говард. Он прекрасно понял, что произошло, в один из дней. Но ни одного намёка на то, что он знает, а также ни одного слова утешения для Жанны он не произнёс. Иногда он следил, как она тренируется на небольших камнях во дворе: от движений её рук они разлетались по сторонам, а через некоторое время – уже не хаотично, а в конкретном направлении, указанном пальцем. Он следил молча, не собираясь показывать, что умеет сам, и лишь иногда парой слов озвучивал, что именно делает она неправильно. Далтон также следил за ними из окон, но уже не опасался оставлять её в обществе Говарда.

Прошло несколько месяцев, когда мрачная, уставшая от такой жизни Жанна, выглядевшая уже вполне гармонично с окружающей средой, услышала от Далтона долгожданные слова, которые, впрочем, уже и не ожидала услышать, по крайней мере, в ближайшее время:

– Основное, что должна знать, ты теперь умеешь, и я могу открыть дверь в твой мир. Но, может быть, ты хочешь остаться? Поживёшь ещё в моём доме, продолжишь обучение... – спросил он спокойно за обедом, будто это был самый простой вопрос, над которым не нужно было размышлять.

Впрочем, в этом случае она думать и не собиралась:

– Конечно, откройте мне дверь. Я буду очень благодарна!.. – вежливо, но быстро ответила она, прекрасно понимая, чего хочет. И всё же никакой особой радости или чего-то иного, что могло бы подпрыгнуть от счастливого осознания того, что вот-вот исполнится её главное желание, внутри неё не возникло, будто все эмоции давно уже оказались испиты ею и потому больше никогда не появятся в этой жизни.

Далтон долгим пристальным взглядом посмотрел в ответ, но ничего не сказал.

На следующий день Жанна одела небольшое чёрное платье. Оглядев себя в зеркало, она вспомнила, как оно нравилось Абби, и глаза её снова увлажнились. Но она тут же отвернулась от зеркала, не позволяя себе видеть в нём свою жалость, и вновь стала строга и серьёзна, и слёзы её быстро охладели. Да, она выглядела, почти как раньше, и что-то в ней самой осталось тем же самым, что и всегда. Но не всё...

Спускаясь на первый этаж, она не осматривалась так, как делала это поначалу – этот мир, этот дом и вещи она уже знала; ей ни к чему было на них смотреть, чтобы мысленно попрощаться. Да и было ли это прощание радостным или нет, она и сама не понимала...

У калитки стоял экипаж с незнакомым возницей. Он перевёз Далтона и Жанну к развалинам, откуда когда-то начался её путь по миру теней, а после оставил их и исчез. Далтон пошёл вперед – туда, где были останки когда-то величественных домов, где виднелись изогнутые сваи и обломки камней, как вырванное мясо, валяющиеся повсюду, а Жанна один раз, в последний раз, медленно и очень пристально осмотрелась. Ничто не изменилось – всё было точно таким, как она запомнила тогда, в тот злосчастный день, приведший её в дом Далтона. И этот день она хотела бы забыть!

Молча выдохнув свои воспоминания, она бросилась его догонять.

Шли они быстро и вскоре остановились у одного из зданий, которое, казалось, она никогда раньше не видела – она помнила лишь обрывки и не знала, где именно была нужная дверь. Но Далтону это было неважно – он говорил, что мог соорудить дверь и в своём дворе, но здесь это было проще, ведь Жанна помнила это место, а значит, проход нашёлся бы легче.

Сосредоточенный, он очень медленно провёл рукой по воздуху, невидимым карандашом рисуя контур двери прямо на каменной стене.

– Можешь идти! – сказал он, когда в стене проявилась тьма, будто открылась новая бездна, неведомая этому миру.

Жанна смотрела молча, без эмоций. Она уже привыкла, что здесь всё – таких цветов. Она привыкла, что под любым предметом, который она видит, может оказаться тьма. «Хорошо, что хоть люди... люди здесь обычные, как и везде. В них тоже есть что-то хорошее, и доброе, и...»...

– Только никогда не забывай: то, что кажется нормальным или хорошим, может просто притворяться, скрывая свою истинную сущность, – Далтон, похоже, угадал, почему в её глазах вдруг мелькнула та наивность, которую он уже видел при их знакомстве, и голос его снова стал строг. Но в глазах всё же была доброта.

Жанна на миг усмехнулась – как будто знала что-то большее, чем он сам.

– А как мне попасть из своего мира в тот, где у меня дом? – вдруг вспомнила она.

Конечно, Далтон научил её перемещаться на небольшие расстояния, но как переходить из одного мира в другой, она не представляла...

– Найти тебе комнату проводника не так сложно... Уверен, ты и сама это знаешь, – многозначительно ответил он, будто намекая, что она что-то не учла и что, если подумает, то справится, и махнул рукой в сторону проёма. – Время заканчивается, так что иди! Или, если хочешь, оставайся здесь.

Она повернулась к двери – сияние контура действительно казалось уже спокойнее и слабее, чем пару минут назад. Ещё раз оглянувшись на Далтона и мельком взглянув на окружающие дома, она заметила на дальней ветке у дерева большого стервятника.

«Это твой дом...», – подумала она, одаряя его последним взглядом, будто прощаясь с прошлым, и сделала шаг вперёд, в черноту проёма. Но этой тьмы хватило лишь на один глоток – тут же прямо перед ней проявилась серая пустота, и Жанна провалилась в её бездну.

В мире теней контур погас, и ничто на стене разрушенного старого здания не могло бы рассказать, что там только что была дверь.

Далтон продолжал стоять на месте, хотя мог переместиться в любой момент или, если бы не хватало сил, тут же позвать экипаж. И ждал он не напрасно – вскоре рядом с ним материализовалась маленькая фигурка.

– Всё хорошо? Она ушла? – Абби смотрела не по-детски спокойно, только в глазах её была жалость.

– Да, милая моя, ушла. И теперь она сумеет себя защитить!

– То есть мы всё сделали правильно?

Далтон на миг задержал руку в воздухе, но всё же не удержался и положил её на голову девочки, и промолчал. Знал ли он наверняка, что всё было верным? Или это были сомнения?..

– Разве мы не должны были успокоить её – сейчас, когда она уже обучилась? Сказать, что со мной всё в порядке... – тихо переспросила Абби, и он ещё раз погладил её по голове.

– Тогда она решила бы, что это всё – игра, а это не так. Это – жизнь.

Жанна проснулась в своей кровати. Она попыталась встать, но от каждого движения всё тело ломило, и она решила не торопиться.

Свернув подушку под головой поплотнее валиком, она осмотрелась. Комната была обычной. На столе лежали бумаги, тетрадки... Под кроватью, она слышала, тикали часы.

Лёжа, она дотянулась и по очереди вытащила их – но теперь не поняла, какие из них были оставлены ей бабкой Гвендой, а какие она нашла у Жана: разницы во времени опять не было, и никто из них, как и когда-то раньше, уже не спешил. «А я поспешила...», – подумала она, вспомнив, как рьяно пыталась найти дорогу среди мерцающих улиц в тот раз – в том сне, который привёл её не туда...

Вскоре она поднялась; собрала с постели бечёвку с узелками, которую когда-то пыталась превратить в контур дома, но, постояв у ведра с мусором, не выкинула её, а положила в ящик стола. Достала одежду, спрятанную в шкафу, – ту самую, в которой однажды проснулась, держа в руках часы, найденные в мире Жана. Сложив её на постели, она осторожно прогладила её рукой, а после ощупала карманы: в одном из них всё также лежал флакон с прозрачной, немного зелёной жидкостью, в другом – была небольшая сфера, её «Спутник». Она достала его и, повертев в руках, вдруг вспомнила последние слова Далтона и горько усмехнулась. Сейчас он не работал, но на это она и не рассчитывала!..

Бесстрастно привела она себя в порядок, переделась в свою обычную одежду: розовая кофта, тёмно-синяя юбка с рисунком из мелких блёсток... – теперь они не казались ей такими радостным, но и идти в чёрном платье, полученном в мире теней, она не желала, потому всё равно одела то, что достала.

За окном была весна. Вовсю текли ручьи и пели птицы – это её не удивляло: почти такую же погоду она оставила в предыдущем мире, почти такую же... Только меньше света было в нём.

Захватив с собой книгу об узелковом гадании, она вышла на улицу и дошла до магазина. Там купила большой торт – ей ни к чему теперь было экономить, потому что она *знала*, как вернуться к *своему дому*... Но сейчас она торопилась не туда: ей нужно было в библиотеку – извиниться перед бабой Зоей и Иваном.

Старое здание встретило её, как добрую знакомую, – на карнизе пели птицы, под ногами у дорожки показались первые одуванчики. А внутри никого не было.

Пару раз дёрнув большой навесной замок, она поняла, что больше за эту старую дверь не попадёт, и, подумав немного, развернулась и отправилась на остановку.

Добравшись по знакомому адресу до главной библиотеки, где ей оформляли документы, Жанна немного постояла на улице, размышляя, как это стыдно: не предупреждая, пропустить столько рабочего времени, а после заявиться за трудовой книжкой. Но – за поступки надо уметь отвечать, какими бы они ни были, и, скрепя сердце, она поднялась в кадровый отдел.

Выглядела она серьёзно и даже строго, и молодая сотрудница, решив не задавать лишних вопросов, сразу подняла записи. Быстро получив свои документы, Жанна поставила перед ней торт:

– Собиралась угостить бывших коллег, но моя библиотека уже закрыта... Тогда возьмите вы.

Та почти обрадовалась неожиданному подарку, но лицо Жанны, занятой своими мыслями, было слишком напряжённым, и она поторопилась ответить:

– Я могу вам адрес написать, где они живут, – им и принесёте.

Та благодарно кивнула и, получив лист с адресом, снова вышла на улицу.

Сотрудница библиотеки указала лишь фамилию, и к кому из бывших коллег она сейчас идёт, она не знала. Потому очень удивилась, когда дверь перед ней открыл Иван, а из другой комнаты послышался голос Зои Михайловны:

– Кто там, Ванюша?

На миг в лице Жанны мелькнула виноватость, но тут же сменилась какой-то жалостью – к самой себе, а потом вновь – напряжённостью.

– Я извиниться пришла, – произнесла она, но Иван не стал ждать продолжения и сразу пропустил её внутрь.

– У меня непредвиденные обстоятельства были, – тихо и весьма сухо начала она и поставила на стол торт. – К сожалению, не могла предупредить...

– Бабушка, иди посмотри, кто пришёл! – негромко крикнул Иван, не обращая внимания на её слова.

Казалось, он был рад её видеть, как и Зоя Михайловна, которая вышла к ним из другой комнаты.

– Бедная, осунулась, похудела-то как... – покачала она головой, тепло обнимая Жанну.

И той вдруг стало так сильно жаль себя – жаль ту девушку, которая потерялась во времени и снах, которая потеряла саму себя, став такой бедной и грустной, растерявшей свою беспечность и весёлый настрой, – что она вдруг заплакала, прижимаясь к Зое Михайловне.

– Простите, я просто так сильно устала за это время! – объяснила она, немного успокоившись и вытирая лицо.

– Родственников, наверное, своих искала, да?.. – участливо спросила баба Зоя, и Жанна быстро кивнула. Перед ними, такими искренними и добрыми, ей нечего было скрывать. Конечно, кроме того, что знать они были не должны...

Она рассказала им, как ездила в село и о том, что приёмные родители, даже не попрощавшись с ней, собирались переехать в другой город. Иван с бабой Зоей слушали её внимательно и бережно гладили по руке, будто снимая с неё прожитую боль. После и они кое-что рассказали – что за время, пока Жанны не было, библиотеку закрыли, неучтённые книги перевезли в другое помещение, а Иван нашёл новую работу.

– В конце концов, в библиотеке я работал только из-за бабы Зои, – потом тихо сказал он Жанне, когда она, собираясь уходить, одевала плащ.

– Точно! – вдруг что-то вспомнила она и полезла в сумку, и, вытащив небольшую книгу в твёрдом старом переплёте, протянула её Ивану.

– Оставь себе! – повертев в руках, вернул он её Жанне. – На память.

«И заходи в гости...», – мысленно продолжала она слышать его слова, когда шла по мокрой весенней улице. Мокрой, как её собственная душа.

Дома она бережно положила книгу в ящик стола, к сложенной там бечёвке. Потом прошла по всей квартире, закрыла окна, убрала лишнее в шкаф. Привела всё в порядок и вернулась в спальню.

Здесь она ещё раз осмотрела старинные часы – те, которые, как ей показалось, всегда были в этой комнате, оставила на столе, а вторые положила на кровать. Из альбома со старыми фотографиями из села она попробовала поначалу отобрать часть, но после убрала все снимки обратно и положила его туда же, на постель, куда добавила компас, свои детские тетради и необычную ручку с головой дракона.

На столе лежал сотовый телефон. Утром она сразу поставила его на зарядку, и теперь, включив, увидела, что несколько месяцев назад на него звонила Марина, очень много раз... Жанна вдруг усмехнулась – она вспомнила, как остервенело искала во сне проход в

тот мир, где у неё дом, совсем не подумав о постояльце, который в этот момент был в её квартире! Она собиралась пройти в другой мир и прошла, а куда делся он?.. Квартира была заперта, ничего из её собственных вещей, казалось, не пропало, и не было лишь самого постояльца. Возможно, он прожил здесь целый месяц, как они и договаривались, а, может, испугался внезапного отсутствия хозяйки и сбежал... Сейчас ей было всё равно, как он поступил, но ощущение долга всё же напрягало – она ведь взяла деньги за комнату...

Заглянув для начала в тумбу, где была спрятана кое-какая наличность, она порылась по всем местам и карманам, где могло ещё что-то остаться, и достала из кошелька то, что ей выдали в бухгалтерии библиотеки за когда-то отработанные дни. Всё вместе оказалось чуть больше того, что она получила от Марины за аренду, и, удостоверившись в этом, она решительно взяла в руки сотовый... Но внезапно передумала и кинулась к столу.

Вложив в лист бумаги все деньги, она завернула углы так, чтобы получился конверт, и надела: «Марине». После, приоткрыв дверь из квартиры, запрятала его под резиновый, давно покрытый пылью коврик у порога, и снова вернулась в спальню, где, отправив Марине сообщение с извинениями и указанием, где та может забрать деньги, отключила телефон.

Критичным взглядом она уставилась на постель, чтобы ещё раз осмотреть приготовленные вещи, стремясь ничего не забыть; сложила тетради, альбом, компас и часы в пакет, ручку положила в карман кофты, в которой собиралась сегодня спать. Потом распахнула закрытые с *той*, давней, ночи шторы – ей хотелось, чтобы в эту комнату, в эту квартиру солнце могло дотянуться своими светлыми лучами, освещая и согревая этот мирок, в котором она прожила столько времени.

Затем она взяла в одну руку небольшую сферу «Спутник», которая не желала работать в этом мире, а второй схватила приготовленный пакет с вещами, и легла на кровать.

Сосредоточив мысли на сфере, она дважды произнесла адрес Жана – и вслух, и мысленно. И закрыла глаза, чтобы заснуть.

Она знала, что сейчас перед ней появится центральная улица её города. Города, в котором она прожила много лет, веря, что они были счастливыми. Города, в котором она также узнала, что бывает и по-другому... Затем, ни на что не отвлекаясь, держа в одной руке «Спутник», а в другой – пакет с дорогими ей вещами, она дойдёт до знакомого здания. И в нём будет дверь со знакомыми словами, значение которых ей когда-то давно объяснил Вильтон. *Fortunam suam quisque parat*: Свою судьбу каждый находит сам.

В спустившейся темноте было слышно только ровное дыхание спящей Жанны. В руках её мягким фиолетовым светом блестела необычная сфера. А вскоре и это сияние внезапно пропало. И в комнате воцарилась полная тишина.

Акулина

Сновидение-2: Повернуть время вспять / Акулина – akulinabook.ru, 2020

Все права защищены. Эта книга или любая её часть не может быть воспроизведена или использована любым иным способом без письменного разрешения автора, исключая использование цитат из книги или другого способа, предусмотренного законодательством.

Официальный сайт автора
akulinabook.ru

По вопросам сотрудничества, рекламы и иным предложениям
обращаться по e-mail: akulinabook@mail.ru

Все авторские права защищены.
Copyright © 2020